

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Романов Иван Юрьевич

**Трансформация социальной реальности: критика
социальных теорий постмодернизма**

Специальность 5.7.7 – социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
д-р филос. наук, доцент
А. И. Макаров

Волгоград – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Социальная реальность и ее динамика: методологические аспекты исследования генезиса понятия и процесса ее философской концептуализации.....	17
§1. Генезис понятия «социальная реальность»: классические теории.....	17
§2. Исследование динамики социальной реальности в постмодернистской философии	45
§3. Основные идеи теории социальной реальности в постмодернизме	67
Глава 2. Процесс трансформации социальной реальности в позднем капитализме на основе методов философии постмодернизма	76
§1. Влияние дефицита на генезис трансформации социальной реальности.....	76
§2. Отчуждение как источник процесса трансформации социальной реальности... ..	95
§3. Адаптация как вид трансформации социальной реальности.....	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	141

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования состоит в том, что стремительные изменения социальной среды, начиная со второй половины XX века, становятся вызовами для формирования идентичности индивида и социальных групп. Такие изменения имеют свою логику, что позволяет говорить о процессуальном характере трансформации социальной реальности. Это, в свою очередь, требует философской рефлексии происходящего для формирования ясной картины мира. Для философского анализа процесса трансформации социальной реальности требуется детальная критика разномасштабных и разнонаправленных социальных концепций. Ключевой проблемой в этом процессе выступает определение наиболее общих концептуальных схем в социальных теориях философов-постмодернистов, которые сделали проблему трансформации социальной реальности своей основной темой. В философии постмодернизма накоплен большой теоретический потенциал. В то же время эти теории требуют критики как любые научные теории.

Особое место в процессе трансформации социальной реальности занимает вопрос определения значения и степени влияния социального фактора в индивидуальном и общественном бытии. Состояние современного мира, создает множество вызовов субъектам социальной реальности. В частности, нарастает отчуждение, которые становятся условием для начала адаптивных процессов в обществе.

Послевоенное европейское общество оказалось в состоянии глубокого кризиса, осмысление которого привело к возникновению контркультурных общественных движений и новой философии постмодернизма. Её ключевой задачей стала критика т.н. «метанарративов», универсалистских установок; делигитимация устаревших социальных институтов; включение в предметное поле телесности и биополитики; проблематизация социальной референциальности; проблема формирования гибкой идентичности в условиях постмодерна. Подобная радикальная смена исследовательской оптики с макроструктур на микроструктуры – является в

целом общей для гуманитарной науки второй половины XX века, в частности, на примере растущего внимания к социологии, микроистории, психологии и т. д.

Необходимость исследования механизмов трансформации социальной реальности обусловлена фрагментарностью теоретического базиса для исследования сущности данного процесса в свете появления новых социальных тенденций, изменяющих социальную реальность. Как правило, процесс трансформации социальной реальности интерпретируется в свете социологической парадигмы, оперирующей данными статистики или историческими аналогиями, что не дает исследователям предельно ухватить суть социальных феноменов, которые отражают социальные тенденции, как маркеры социальной трансформации. В этой связи процесс трансформации социальной реальности требует детального социально-философского анализа в качестве феномена intersubjectivного опыта человека.

Переосмысление процесса трансформации социальной реальности в качестве процесса адаптации социума в микро- и макромасштабе, и как ответа на усиливающиеся процессы отчуждения в постиндустриальном обществе – одна из ключевых задач современной социальной философии. Данное исследование позволит сфокусировать оптику на те социальные процессы и практики, которые отражены в массовой культуре и в тех социально-политических тенденциях, которые имеют, если не глобальный, то массовый характер в европейско-ориентированных культурах. Таким образом, теоретическое осмысление данных процессов следует рассматривать как часть единого процесса трансформации социальной реальности.

Выявление логики процесса трансформации социальной реальности позволит отрефлексировать текущее состояние социальной реальности, выявив причины и структурные элементы процесса трансформации, а также его маркеры. А это, в свою очередь, позволит говорить о тех социальных интенциях, которые в будущем могут привести к качественным изменениям социальной реальности, а следовательно, позволит человеку более уверенно адаптироваться к дальнейшим ее изменениям. Данная оптика определяет практико-ориентированный фокус в стратегии философских и научных исследований.

Степень научной разработанности проблемы. В классической философии представление о проблеме трансформации социальной реальности, с одной стороны, перманентно находилось в оптике многих философов, начиная с Платона и продолжая К. Марксом, но, с другой стороны, вплоть до начала XX века и работ А. Шюца не имело концептуального закрепления понятия «социальная реальность»¹. Из этого следует, что предметное рассмотрение ее элементов является возможным исходя из ретроспективного подхода современной социальной философии. Однако, из этого не следует что социальная реальность и процесс ее трансформации вовсе отсутствовали в поле классической философии. Напротив, используя уже современный понятийный аппарат, представляется возможным его экстраполяция на труды и идеи классических философов, которые, в условиях отсутствия закрепленного понятийного аппарата, все же исследовали аспекты социальной реальности.

В Античности труды Платона и Аристотеля настроили философскую оптику исследования социальной философии для философов Нового и Новейшего времени. Философы Античности рассматривали человека исключительно в границах социального и политического поля, что подтверждается не только Платоновскими диалогами² и трудами Аристотеля, где на частных и общих примерах исследуется социальный микро- и макромир³, в контексте устроения правил, законов и систем государственного устройства, но имеющимися в распоряжении идеями представителями натурфилософии – Гераклита и Демокрита⁴.

В Средние века социальная философия как отдельная дисциплина все так же не была концептуально оформлена, однако, исследуя особенности философского средневекового знания, мы можем эксплицировать те важные маркеры социальной философии, которые в полной мере дадут свои плоды в Новое время. Учитывая теоцентричность философских работ Фомы Аквинского, Уильяма Оккама, Иоанна

¹ Впервые понятие Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 481–496.

² Например, см. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / пер. с древнегреч. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 159 (Диалог «Государство», кн. 2)

³ Аристотель Политика / перевод с древнегреч. С. Жебелева. М. : «Мысль», 1983. Т. 4. С. 380

⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков; М., 2000. С. 377.

Дунса Скота, Блаженного Августина, общим стоит отметить рефлексию таких понятий, как «свобода» и «равенство»⁵, которые в сумме с христианскими основаниями, а также через призму логики античных философов, станут важными дефинициями социальных наук Нового времени. Она будет выражаться в таких конструктах как: гражданское общество, правовое государство, либерализм и прочее. Стоит отметить и значение Возрождения, ставшего отправной точкой для трансформации влияния религии на общество и зарождение секулярного дискурса⁶.

В Новое время социальная философия проходит свой первичный понятийный генезис. В историческом контексте эпохи Великих географических открытий, Реформации, колонизации, и в особенности Просвещения – увеличивается роль государства, и место его в формировании той социальной системы, которая, посредством установления светских законов, будет конструировать социальную реальность, исходя из секулярной модели. Она постепенно будет обретать либеральный окрас. Среди влиятельных философов стоит выделить тех, чьи работы имели значения для осмысления и концептуализации понятия социальной реальности и ее элементов: Т. Гоббс, Т. Мор, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит⁷ и другие. Важной особенностью Нового времени до XVIII века, является начало формирования устойчивых правовых систем в их элементном разнообразии, основанных на секулярных принципах, имеющих претензию на универсальность, а также конструирование утопических социальных моделей. Однако, социальная

⁵ См. Фома Аквинский Сумма Теологии. В 4-х ч.: Ч. I / пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. М. : Ника-Центр, 2002. С. 293-302 (Вопрос 22 «О провидении Бога»); Фома Аквинский Сумма Теологии. В 4-х ч.: Ч. II-I / пер. с лат. С. И. Еремеева. Киев : Ника-Центр, 2010. С. 11-24 (Вопрос 91 «О различных видах закона»); Уильям Оккам: Избранное / пер. с лат. А. В. Апполонова и М. А. Гарнцева. М. : Едиториал УРСС, 2002. С. 191-198 (3.2.5. «Является ли Бог производящей причиной всего, от Него отличного?»); John Duns Scotus Contingency and Freedom (Lectura I 39) / John Duns Scotus ; translation A. Vos Jaczn, H. Veldhuis, A. H. Looman-Graaskamp and others. Dordrecht, Boston, London : Kluwer Academic Publishers, 1994. 205 p.; Августин Аврелий Антипелагианские сочинения позднего периода / пер. с лат. Д. В. Смирнов. М. : АС-ТРАСТ, 2008. С. 149-206 («О благодати и свободном решении»).

⁶ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 102

⁷ Гоббс Томас Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана. М. : Эксмо, 2023. 700 с.; Мор Томас Утопия Золотая книжечка столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия / Томас Мор ; перевод с лат. А. Малейна. М. : Э, 2018. 153 с.; Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. 1 / Дж. Локк; пер. с англ. А. Н. Савина. М. : Мысль, 1985. 621 с.; Монтескье Ш. О духе законов: Шарль Луи Монтескье; пер. с фр. А. Горнфельда. СПб. : Азбука, 2023. 825 с.; Руссо Ж.- Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с фр. С. Н. Южакова. М. : Игломосс Эдишинз, 2012. 383 с.; Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер. с англ. П. Н. Ключкин. М. : Эксмо, 2016. 1056 с.

философия еще не достигла достаточной степени отделенности от общефилософских и политических концепций.

Отдельно стоит отметить XIX век в историко-философском анализе социальной реальности. Тогда, благодаря Г. Гегелю, социальная философия стала качественно новым видом философского знания⁸. XIX век стал эпохой конструирования социальной философии, где остро поднимается вопрос о возможности интеграции социальных концепций не только на теоретическом, но и на практическом, т.е. на государственном и общемировом уровне. Более того, именно в XIX веке, благодаря О. Конту складываются основы уже социологической науки⁹. Данное состояние философского знания было бы невозможно без работ Г. Гегеля, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, утилитаристов Д. Бентама, Д. С. Милля; социальных дарвинистов Г. Спенсера и др.¹⁰.

Стоит отметить, что именно в это время оформляется позитивизм. На волне индустриализации в Европе, роста урбанизации и расцвета естественных наук, он утверждается в статусе носителя «истинного», т. е. верифицируемого научно, знания, закрепленного за естественными и математическими науками, которые в дальнейшем начнут свою «экспансию» в гуманитарные науки и социальную философию.

XX век представлен в широком спектре социальных теорий и связан с закреплением и систематизацией социальной философии. Стоит отметить, что водоразделом социальной философии выступает Вторая мировая война, радикально изменившая политические условия. Она организует биполярный мир, где в ответ на популярность ультраправых идеологий особо остро поднимается вопрос о справедливости в социальных системах. С этим связан рост популярности как среди

⁸ Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. Москва : Мир кн. : Лит., 2009. С. 227–229

⁹ Конт О. Курс положительной философии в Т. 1 / пер. с фр. С. Е. Савича. СПб. : «Посредникъ», 1900. 290 с.

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М. : Мир кн. : Лит., 2009. 462 с. ; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала / перевод И. И. Степанова-Скворцова. М. : Политиздат, 1969. 908 с. ; Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / пер. с нем. М. И. Левиной. М. : Прогресс, 1990. 808 с. ; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / Э. Дюркгейм; пер. с фр. и послесловие Л. Б. Гофмана. М. : Наука, 1990. 575 с. ; Бентам Иеремия Введение в основания нравственности и законодательства / пер. с англ. М. : Росспэн, 1998. 415 с. ; Милль Джон Стюарт Основания политической экономии / пер. с англ. Н. Г. Чернышевского. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 664 с. ; Спенсер Г. Основания социологии / пер. с англ. Изд. 3-е. М. : Книжный дом "Либроком", 2013. 432 с.

масс, так и среди философов, левых социалистических взглядов, выразившихся особо масштабно в конце 60-х годов во Франции.

В первой половине XX века формируется структуралистское направление, представители которого ставили своей задачей описание структуры систем, как совокупности многоуровневых отношений между элементами целого, способных сохранять устойчивость в условиях разноуровневых изменений¹¹. Структуралисты особое место отводили языку, представляя текстоцентричную структуру социальной реальности. Наиболее влиятельными философами структурализма, непосредственно проблематизировавшими понятие социальной реальности сквозь призму связей ее отдельных элементов, можно считать: К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ж. Лакана, Л. Альтюссера и на ранних этапах М. Фуко¹².

Самым влиятельным философским образованием в области социальной философии XX века стала Франкфуртская школа. Представленная в лице философов левого толка, основывающихся на методе критического подхода К. Маркса, и ставивших перед собой задачу осмысления состояния современной социальной реальности и места человека в ней, находящегося под негативным влиянием капиталистического строя и повсеместного увеличения отчуждения в условиях позднего капитализма. Главными представителями Франкфуртской школы являются: Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм¹³, в дальнейшем дополнится Ю. Хабермасом и А. Шмидтом¹⁴. В парадигмальном фокусе Франкфуртской школы стоят также вопросы о тотальности систем, базирующихся на индустриальных обществах, рефлексии исторического материализма (Г. Маркузе); автоматизации субъекта в рамках проекта Просвещения (Т. Адорно, М. Хоркхаймер) и т. д. Таким

¹¹ История философии: Запад-Россия-Восток: Учеб. Для студентов вузов / под ред. Н. В. Мотрошиловой и А. М. Руткевича. М. : «Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина», 1999. С. 311

¹² Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М. : «Наука», 1985. С. 110. ; Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с. ; Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрылась нам в психоаналитическом опыте / пер. с фр. // Семинары. Книга 2. М. : Гнозис, 2009. С. 508–516. ; Альтюссер Луи За Маркса / пер. с фр. А. В. Денежкина. М. : Праксис, 2006. 390 с. ; Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 698 с.

¹³ Хоркхаймер М., Адорно В. Диалектика Просвещения / пер. с нем. М. Кузнецова. М. : Медиум, 1997. 312 с. ; Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с фр. А. Юдина. М. : «REFL-book», 1994. 368 с. ; 152. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с нем. А. В. Александрова. М. : АСТ, 2022. 288 с.

¹⁴ Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева. СПб. : Наука. 2001. 417 с. ; Schmidt A. Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx / Frankfurt a. M. : Europäische Verlagsanstalt, 1962. 182 s.

образом, структуралисты предложили компромисс в ситуации системной и несистемной философии.

Особое значение для исследования процесса трансформации социальной реальности имеют постструктуралисты. Они старались подобрать объяснительные модели исходя из динамично меняющегося дискурса в пластичной ситуации постмодерна. Наиболее влиятельные теории относились к философам: Ж. Бодрийяру, Ж. Делезу, Ж.-Ф. Лиотару, Ф. Гваттари, Ф. Лаку-Лабарта, Ж.-Л. Нанси, Ж. Деррида, позднего Р. Барта, Ю. Кристеву, Р. Жирара, Дж. Батлер, Дж. Агамбена¹⁵ и др.

Стоит отметить также, что структурно сходные явления в мировой социальной жизни и культуре во второй половине XX века и XXI в, традиционно, благодаря трудам Ж.-Ф. Лиотара, именуется постмодерном¹⁶. Различие между постструктуралистами и постмодернистами весьма условно и традиционно эти направления используются синонимично.

Несмотря на основательное изучение отдельных аспектов темы в философской и конкретно-научной литературе, приходится констатировать факт отсутствия целостных теоретических представлений непосредственно о механизмах трансформации социальной реальности в оптике социальных практик. В связи с этим, поиск объяснительной схемы, отражающей данный механизм и его влияние на социальную реальность, является актуальной в теоретическом и практическом отношении задачей.

Объект исследования – социальная динамика в критике постмодернистской философии.

¹⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М. : Республика, 2006. 269 с. ; Делез Ж. Логика смысла. / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : Академический проект, 1998. 480 с. ; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с. ; Делез Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екб: У-Фактория, 2007. 672 с. ; Лаку-Лабарт Филипп Musica ficta (Фигуры Вагнера) / пер. с фр. В. Е. Лапицкого. СПб. : Аксиома, Азбука, 1999. 224 с. ; Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с фр. В. В. Фурс. Минск : Логвинов, 2004. 272 с. ; Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Наталии Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 511 с. ; Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: / пер. с фр. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с. ; Кристева Ю. Силы ужаса: Эссе об отвращении / СПб. : Алетейя; Харьков : Ф-пресс, 2003. 246 с. ; Жирар Р. Козел отпущения / пер. с фр. Григория Дашевского. СПб. : ИД Ивана Лимбаха, 2023. 336 с. ; Батлер Дж. Антология гендерных исследований / пер. с англ. И. Караичева. Минск: Пропилеи, 2000. 384 с. ; Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. с ит. Дм. Новикова. М. : Три квадрата, 2008. 144 с.

¹⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 9.

Предмет исследования – тенденции трансформации социальной реальности в контексте критики теорий постмодернизма.

Цель исследования – выявить логику трансформации социальной реальности посредством критики социальных теорий постмодернизма. Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- 1) обосновать необходимость рассмотрения тенденций трансформации социальной реальности в контексте критики теорий постмодернизма;
- 2) выявить центральную проблему состояния социальной реальности в философии постмодернизма;
- 3) выявить логику трансформации социальной реальности, фрагментарно отраженную в работах философов-постмодернистов;
- 4) проверить специфику дефицита как особой причины, определившей характер трансформационных процессов;
- 5) выявить социальные реакции, ярко репрезентирующие проблемы трансформационных процессов общества постмодерна;
- 6) концептуализировать статус социальных движений, претендующих на реализацию проекта преодоления состояния постмодерна.

Теоретико-методологические основы исследования. Феноменологическая социология как фундамент понятийного аппарата и метод концептуализации данных интерпретаций; постструктурализм как основа семиотического толкования реальности; герменевтика как способ интерпретации текста, позволяющего работать со знаковым выражением социальной реальности.

При анализе понятия «социальная реальность» и ее трансформации использовались методы контекстуального анализа, сравнения и герменевтической интерпретации текстов и ситуаций. При раскрытии процесса трансформации социальной реальности использовались данные классических социальных теорий, современных социальных тенденций, исторический опыт социальных практик и их последствий в границах социальной реальности. Также были использованы методы интерпретации, концептуализации, систематизации, анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- доказана необходимость рассмотрения тенденций трансформации социальной реальности при помощи критики теорий постмодернизма, поскольку предложенные социальные концепции, фокусируясь на отдельных частях и проблемах в социальной реальности, не предоставляют целостного видения общих трансформационных процессов;

- выявлена центральная проблема состояния социальной реальности с точки зрения философов-постмодернистов. Такой проблемой является кризисное состояние социальной реальности;

- выявлена логика осмысления процесса трансформации социальной реальности в трудах философов-постмодернистов, которая может быть представлена в следующей объяснительной модели: «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация»;

- доказано, что при нарастании кризисных процессов и явлений обществ постмодерна, формируются специфические социальные тенденции и практики, направленные на противостояние отчуждающим и симулятивным процессам в социальной реальности, что позволяет констатировать запуск процесса трансформации;

- выявлены социальные феномены «новой искренности» и «новой этики», свидетельствующие об адаптации к социополитическим проблемам социальной реальности в постмодернистском обществе. Такие социальные феномены являются продуктами педагогико-адаптивистского проекта постмодернистской философии;

- предложен концепт *homo tardus*, обобщающий смысл противоречивых социальных протестных движений, целью которых является преодоление состояния постмодерна.

Положения, выносимые на защиту:

1. Существующие концепции объяснения трансформации социальной реальности не отражают в полной мере сущность актуальных социальных процессов. Наиболее адекватными концепциями могут считаться исследования философов-постмодернистов, но их разработки обладают двумя существенными проблемами. Во-первых, проблема специфического дискурса: ряд ключевых понятий

таких теорий заимствованы из разных областей знаний, причем в процессе вольной интерпретации эти понятия приобретали специфические значения, не согласуемые как с традиционным философским языком, так и с языком других областей знаний. Более того, среди самих постмодернистов введенные понятия не согласовывались. Во-вторых, проблема фрагментарности: отказ постмодернистов от создания больших философских систем привел к их фокусированию на изучении отдельных частей социальной реальности. Следствием стало множество, пусть и валидных, но разрозненных объяснений актуальной социокультурной ситуации. Указанные две проблемы не согласуются с академической традицией социальной философии, которая предполагает целостное объяснение процессов в социальной реальности каждого исторического этапа. Отсюда вытекает необходимость упорядочивания разномасштабных валидных идей в единую объяснительную модель. Такую модель можно создать, если выявить центральную проблему, которую в той или иной степени рассматривают философы-постмодернисты.

2. Центральной проблемой, которую рассматривают философы-постмодернисты, выступает кризисное состояние социальной реальности. Философы-постмодернисты констатируют стремление субъектов социальной реальности к порядку, который не достигается из-за использования этими субъектами устаревших способов систематизации жизни социума, т.к. на вызовы общества изобилия невозможно ответить практиками достижения порядка общества дефицита. Невозможность ответить на актуальные вызовы приводит к состоянию социальной реальности, для обозначения которой вводятся понятия «руины», «разруха» и «болезнь». Указанные понятия имеют общее значение – наступление кризиса, т.к. ни руины, ни разруха, ни болезнь не являются удовлетворительными для жизнеспособности человека. Увеличение количества конфликтов между корпорациями и государствами, ставящее вопрос об уничтожении всего человечества, только подтверждает валидность исследования постмодернистов. Анализ исследований постмодернистами причин, сущности и следствий кризиса социальной реальности, позволяет утверждать о наличии ряда идей, выстраивание

связей между которыми позволяет выявить логику трансформации социальной реальности в постмодерне.

3. Процесс трансформации социальной реальности с точки зрения философов постмодернизма происходит по следующей логической схеме: «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация». Решение проблемы дефицита материальных благ придало вещи особый статус – статус знака, т.е. стало считаться, что приобретение вещи является приобретением идеи, чем больше идей – тем больше смысла. Такое ошибочное отождествление изобилия материальных благ с изобилием символическими благами привело к подозрению, что с прибавлением вещей не прибавляется смысла. Наступил кризис, который в массовой культуре обозначается как «утрата смысла жизни». Такая утрата привела к запуску комплексного процесса отчуждения. Негативные состояния субъектов социальной реальности сделали необходимым процесс поиска способов преодоления таких состояний, что продуцировало культурные инновации и новые протестные социальные тенденции, свидетельствующие о начале адаптивных процессов. Такие процессы с необходимостью выстраиваются на рефлексии дефицитного состояния как особой причины, определяющей характер трансформационных процессов.

4. Дефицит реального как вид дефицита смысла занимает ключевое место в процессе трансформации социальной реальности. Такой специфический вид дефицита появляется из-за особых условий общества постмодерна. Спецификой общества постмодерна является симуляция, которая включает в себя многообразие симулякров, подменяющих собой реальный смысл вещей. Такое функционирование симулякров приводит к формированию гиперреальности, т.е. такой иллюзии, которая заменила собой реальность и выместила последнюю из возможности быть воспринятой. Но в обществе существует потребность ощущения реальности, выражающееся в поиске подлинного смысла вещей и жизни в целом, что создает тот самый специфический вид дефицита смысла – дефицит реального. В этой связи адаптивные процессы в реалиях общества постмодерна формируют особые социальные реакции, требующие детального анализа.

5. Адаптивные процессы к отчужденному состоянию социальной реальности продуцировали появление двух значимых социальных феноменов – «новой искренности» и «новой этики». Новая искренность – коммуникативная публичная ситуация, в которой есть актер признания и актер, оценивающий признание с точки зрения его честности. Новая этика – проект построения альтернативы модернистской системе норм intersубъективной коммуникации. Предполагается, что такая этика выстраивается за счет отказа от конвенциональных макросистем социальных норм и перехода к индивидуальным микросистемам норм коммуникации. «Новая искренность» и «новая этика», во-первых, по составу слов демонстрируют стремление к новым формам сущностных черт правильной коммуникации в условиях изменившейся социальной ситуации, во-вторых, задают тенденцию на пересмотр устоявшихся норм коммуникации, в-третьих, ставят вопрос о подлинном «реальном» взаимодействии между субъектами социальной реальности. Последнее напрямую относится к педагогико-адаптивистскому проекту постмодернистской философии, предполагающей использование игрового режима при адаптации к негативным эффектам плюралистически организованной социальной реальности. Такой проект претендует на возможность создания идейных основ для социальных движений, которые должны реализовать альтернативный социальный проект, позволяющий «преодолеть» постмодерн, т.е. нивелировать дефицит реального в социальной реальности. Такие социальные движения существуют, но их статус остается неизученным, т.е. требует концептуализации.

6. Формой адаптации к социальной ситуации постмодерна являются сформированные в нем протестные проекты. Такие проекты организуют социальную практику, которая претендует на создание новой социальной модели. В обществе постмодерна, необходимо связанной с поздним капитализмом, ведущей и конвенционально принятой социальной моделью является *homo economicus*. Протестные проекты предлагают новую модель, которую разумно именовать – *homo tardus*, т.е. «человек замедленный». Модель *homo economicus* включает в себя следующие сущностные характеристики – высокий темп технического развития и социальной динамики, глобализация и увеличение потребления при увеличении

производственных сил. Протестные социальные движения не могут полностью отказаться от потребления как такового, но и не соглашаются с теми формами потребления, которые существуют в обществе постмодерна (также именуемого обществом потребления (Ж. Бодрийяр)). Решением, с точки зрения протестных движений, является выработка и реализация способов замедления потребления как противостояния сущностным чертам общества постмодерна. Данные движения обладают рядом проблем, связанным с принципиальной невозможностью «преодоления» текущей социальной системы по трем основаниям: (1) существующий дефицит социального и материального капитала определяет нехватку необходимого ресурса для «борьбы» с текущей системой; (2) структурная особенность капитализма, как главного источника негативных эффектов и принципиально ориентированного на умножение ресурсов, делает невозможным борьбу с собой, т.к. в эту систему помещаются все ресурсы планеты; (3) системная специфика постмодерна, а именно плюрализм и борьба с универсальными системами, не предполагает организацию макросоциальных групп.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что концептуальная схема трансформации социальной реальности и обнаруженные социальные феномены могут быть использованы в дальнейших исследованиях в рамках философии и других гуманитарных дисциплин. Результаты анализа репрезентации искренности через знаки искренности могут быть применены при анализе продуктов современной массовой культуры.

Исследование практического значения трансформационных процессов в социальной реальности позитивно скажется на возможности рефлексии специфики современного гетерогенного мира, что создает условия для формирования идентичности, устойчивой к негативному влиянию социальной реальности. Проведенное исследование может являться теоретическим фундаментом для анализа социальной теории постпостмодерна. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных курсов по дисциплинам «Основные модели социальной реальности», «Вызовы современной цивилизации» и «История философии».

Апробация работы. Наиболее значимые выводы работы получили апробацию на научно-практических конференциях международного и всероссийского уровней, в том числе: XIII Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2021. Этика как наука и профессия» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 18–20 ноября 2021 г.); Международная конференция «Смысл и смыслообразование» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ 2-4 июня 2022 г.); XIV Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2022. К 100-летию "Философского парохода"» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 17–19 ноября 2022 г.); Международная научная конференция «Цивилизационные коды России (к столетию философского парохода)» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 17-18 ноября 2022 г.); Международная научно-практическая конференция «VII Гуманитарные Губкинские чтения» (г. Москва, РГУ нефти и газа (НИУ), 21 апреля 2023 г.); VIII московский международный семинар (конференция) «Трансцендентальный поворот в современной философии – 8: метафизика, эпистемология, трансцендентальная когнитивистика и искусственный интеллект» (г. Москва, РГГУ, 20-22 апреля 2023 г.); XV Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2023. Разумность. Практичность. Человечность» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 16-18 ноября 2023 г.); XI научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска – 2023» (г. Москва, МГУ, 4-8 декабря 2023 г.); Международный научный семинар (конференция) «Трансцендентальный поворот в современной философии – 9: метафизика, эпистемология, теория сознания, когнитивистика и искусственный интеллект, теология» (г. Москва, РГГУ, 11-13 апреля 2024 г.); XXII Международная конференция молодых ученых «Векторы» (Москва, МВШСЭН, 18-21 апреля 2024 г.).

Основные результаты исследования отражены в 8 опубликованных работах, в том числе в изданиях перечня ВАК – 3 статьи.

Структура работы. Диссертация состоит из 2 глав, 6 параграфов, введения и заключения. Общий объем исследования составляет 153 страниц. Список литературы включает в себя 153 источников.

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЕ ДИНАМИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА ПОНЯТИЯ И ПРОЦЕССА ЕЕ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

§1. Генезис понятия «социальная реальность»: классические теории

Понятие «социальная реальность» вводится в философский дискурс феноменологом Альфредом Шюцем, который определяет ее следующим образом: социальная реальность – совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции¹⁷. В свете того, что А. Шюц уточнял и углублял данное им определение, синтез этих уточнений и указанного определения выражается следующей формулировкой: социальная реальность – это сумма интеракций субъектов, или результат интерсубъективного опыта человека. Интеракция, в данном случае, рассматривается как концепт, являющийся результатом редуцирования понятия «social interaction»¹⁸, используемого в значении «социальное взаимодействие»¹⁹.

Уточним сущностное значение понятия интеракции. В академической традиции закрепилось два вида значений, которые относятся к двум направлениям осмысления этого феномена: бихевиоризм и символический интеракционизм. Для первого характерно формальное рассмотрение взаимодействия (интеракции), как суммы реакций на взаимные стимулы, при том, что содержательная сторона стимулов и реакций не учитывается²⁰. Ключевым аспектом интеракции

¹⁷ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 42.

¹⁸ Schutz A. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action. Dordrecht. P. 22

¹⁹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев и др. М. : РОССПЭН, 2004. С. 24

²⁰ Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен. М. : Издательство Московского университета, 1984. С. 87

рассматривается обмен личностными ресурсами, который строится на условиях реципрокного, т.е. прагматического, или большего обмена. Для символического интеракционизма характерно понимание интеракции как процесса опосредованного обмена знаками и символами, содержащих потенцию к интерпретации контекста коммуникации²¹. Этот контекст, являясь пространством для символического обмена, позволяет создать общее ценностно-смысловое поле. Данный подход позволяет рассмотреть интеракцию как посредника между субъектами за счет символов, наделяя тем самым реакцию символическим значением, исходящим из контекста коммуникативной ситуации.

Интеракция – это не всякое взаимодействие, но рациональное, учитывая, что для А. Шюца, как представителя феноменологии, символ выступает объектом культуры²², а коммуникация осуществляется с помощью определенной системы знаков и символов²³. А принимая в расчет критику А. Шюцем бихевиоризма²⁴, понимание интеракции в направлении символического интеракционизма наиболее точно отражает идею А. Шюца в отечественной науке.

Данная оптика определяет модель восприятия социальной реальности как суммы intersubjectивного опыта, который образует цикличную структуру посредством интеракции, т.е. социального взаимодействия, где субъект определяет социальную реальность через другого субъекта и природу, а это, в свою очередь, создает систему интеркоммуникации, в дальнейшем превращаясь в саму структуру, повторно влияющую на индивида и социум.

Ретроспектива исследования феномена социальной реальности, как часть настоящего исследования, осуществляется нами с определенных методологических установок, которые необходимо прояснить для понимания нашего взгляда. Такое обстоятельство вызвано тенденциозной установкой, что любое исследование

²¹ Блумер Г. Общество как символическая интеракция / пер. с англ. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 17

²² Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев и др. М. : РОССПЭН, 2004. С. 13

²³ Там же с. 156

²⁴ Там же с. 10

является интерпретацией, а любая интерпретация, по мысли Х.-Г. Гадамера, осуществляется из неустранимого контекста Я²⁵.

В основе настоящих рассуждений лежит два подхода – феноменологическая социология и постструктурализм. Феноменологическая социология предлагает выверенный лексикон, выступающий как ориентир для дефиниций в исследовании социальной реальности. Еще раз подчеркнем, что именно А. Шюц открыл и определил феномен социальной реальности, также уточним, что другие направления, в рамках которых проводились исследования социальной реальности, при всей широте разработанности проблем в данной теме, не предложили в лице авторов строгого определения главному понятию – социальная реальность, что будет показано ниже. Таким образом, феноменологическая социология выступает фундаментом нашего исследования в части понятийного аппарата. Но нельзя отрицать, что ряд проблем, вытекающих из исследований современного общества, не был должным образом концептуализирован в основополагающем для подобных исследований направлениях постструктурализма последних сорока-пятидесяти лет. Более того, постструктуралисты предложили ряд методологических установок, которые не только углубляют понимание дефиниции социальной реальности А. Шюца, но и дают ясную модель исследования.

В свете того, что настоящее исследование относится к области социальной философии, которая, как определяет авторитетный отечественный философ К. Х. Момджян, является автономной исследовательской областью философии, анализирующей общество, историю и человека как субъект деятельности и социокультурных взаимодействий²⁶, не представляется возможным ограничиться только феноменологической социологией А. Шюца, т.к. последняя дисциплина ориентирована на исследование социального микромира²⁷, а изыскания в области социальной философии ориентированы на социальный макромир. Поэтому, отталкиваясь от дефиниции социальной реальности А. Шюца, в силу ее ясности, учитывая, что социальный макромир складывается из множества отдельных

²⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. С. 227–228

²⁶ Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / ред. В. С. Степина – М.: Т. 3 : Мысль, 2001. – 696 с. с.610

²⁷ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 537–538

субъектов и их межличностных связей²⁸, принимая во внимание, что главная черта современной науки и интеллектуальной деятельности выражается понятием междисциплинарности²⁹, методология настоящего исследования, в числе прочего, строится на постструктуралистском подходе.

Постструктурализм, объединяющий ряд подходов в социально-гуманитарном познании, ориентированных на семиотическое истолкование реальности (концепция «мир как текст»³⁰), опирающихся на концепцию знака как единства, означающего и означаемого, но ставящих задачу пересмотра структуралистской парадигмы относительно «вне-структурных» параметров структуры, обладает рядом преимуществ в исследовании социальной реальности, а именно: 1) разработанность проблемы кризиса репрезентации; 2) адаптированность приема демистификации, возникающего на всех уровнях власти скрытых стратегий принуждения; 3) закреплённость поиска зон свободы – маргинальных, но оказывающихся в результате в качестве предельной, далее нерасчленяемой реальности, неконтролируемой силами власти (желание, история, «хаосмос», аффекты, тело, жест и т.д.)³¹, 4) концептуализация феноменов современного социума: ризома, общество потребления, симулякр, симуляция, номадизм и т.д.

В свете проблемности исследования социальной реальности, видится разумным экспликация ее структуры. Результат данного процесса мы можем увидеть в ряде зарубежных и отечественных исследований, посвященных анализу социальной реальности. В частности, наиболее подходящими в рамках настоящей работы, и соотносящимися с выводом большинства исследователей структуры социальной реальности, является выделение двух ее составных частей. Так, Л.И. Пахарь говорит о наличии объективной и субъективной сторон структуры

²⁸ Аналогично идее Делеза и Гваттари: «любая политика – это макрополитика и микрополитика» Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. М.: Астрель, 2010. С. 322

²⁹ Касавин И.Т. Междисциплинарность в науках и философии. М., 2010. С. 9

³⁰ Звездина А. А., Корнилова Г. И., Ланцова И. В. Мир как интерпретация // ВЕСТНИК ИргТУ. 2011. №1 (48). С. 276

³¹ Новейший философский словарь: 3-е изд. / гл. ред. А.А. Грицанов. – Мн., 2003. С. 847

социальной реальности³², с этой позицией солидарен и социальный философ В. В. Макаров³³.

Объективная сторона структуры социальной реальности включает в себя непосредственно воздействующие на субъекта части культуры, такие как: социальные институты, материально-технические продукты и природа, а именно та ее часть, которая отражена в системе жизнедеятельности человека. Объективная сторона, таким образом, является результатом социальной деятельности человека, сформировавшей определенную социальную среду, в рамках которой существует человек. Стоит отметить роль и место языка как объективной части социальной реальности и результат социальной интеракции людей на протяжении истории. Язык требует соблюдения четких правил и норм его использования, а также существует объективно, т.е. независимо от отдельного субъекта³⁴.

Субъективная же сторона структуры социальной реальности представляется как набор установок, которые вариативно синтезируются у отдельно взятого социального субъекта. Такой отдельно взятый синтез установок формирует у индивида представления о социальной реальности как таковой, т.е. мировоззрение. Вне зависимости от того, какие установки синтезированы, скажем, взяты из научного или обыденного дискурса – мировоззрение представляется индивидуальным, однако такой синтез дистрибутивен, т.е. каждая установка имеет свои пределы, которые ограничиваются коллективными представлениями и традициями, социальными нормами и обычаями. В противном случае построение единой системы отношений в границах социальной реальности было бы невозможно, ввиду отсутствия общих знаковых и символических выражений, являющихся обязательным условием для социального взаимодействия. Этой же логики придерживался и Э. Дюркгейм в своей работе «Социология, ее предмет, метод и назначение³⁵». Он концептуализирует подобные мысленные образования в

³² Пахарь Л. И. Политические аспекты современного состояния социальной реальности // Трансформация политической культуры: состояния и перспективы. 2010. с. 111

³³ Макаров В. В. Онтологическая природа социальной реальности // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2004. № 7. С. 5–12.

³⁴ Галкина-Федорук Е. М. О форме и содержании в языке // Мышление и язык. Госполитиздат. 1957. С. 353–354

³⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. С. 263

понятии «коллективные представления», обозначая тем самым границы индивидуального и коллективного социального опыта, где второе воздействует на первое и является результатом социального взаимодействия между индивидами.

Исследовательская оптика требует детального исследования и анализа генеалогии понятия социальной реальности в свете классической и постмодернистской философской парадигмы.

Данное А. Шюцем определение социальной реальности как результата intersубъективного социального опыта людей опирается на многовековую философскую традицию. Сам же феномен, который сейчас именуется социальной реальностью, попал в поле зрения философов еще в Античности. Античные мыслители настроили оптику философии таким образом, что философы Нового времени остаются в той же парадигме³⁶.

В Античности, преимущественно, человек не мыслился вне социального и политического поля³⁷. В связи с этим, в философских текстах того времени ретроспективно обнаруживается пристальное исследование как социального микромира, так и социального макромира; первое иллюстрируют диалоги Платона, особенно ранние, развивающиеся в логике сократического поворота, а второе – текстами Аристотеля, в частности трактатом «Политика»³⁸; Стагирит исследовал возможные законы устройства общества.

Отметим, что родовое понятие «реальность» появилось как позднелатинское обозначение «realis», т.е. вещественный, действительный³⁹. Понятие стало одним из ключевых в философии, т.к. встречается во всех областях этого знания. Проблематика социальной реальности, в частности, и реальности как таковой, коренится в проблематике бытия, где настоящее понятие отражало систему существующих явлений. Бытие было первой абстракцией, определяющей существование внутреннего мира человека и мира сущего, включающего в себя и

³⁶ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье / пер. и под ред. С. А. Мальцевой. СПб. : «Издательство Пневма», 2003. С.20

³⁷ Аристотель. Евдемова этика / перевод с древнегреч. Т.В.Васильевой, Т.А.Миллер, М.А.Солоповой. М. : ИФ РАН, 2005. С.278

³⁸ Аристотель Политика / перевод с древнегреч. С. Жебелева. М. : «Мысль», 1983. Т. 4. С. 420–432.

³⁹ Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / пер. с древнегреч. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 352

общественное бытие. Осмысление последнего подчас становилось основной деятельностью некоторых философов, что видно из биографии Платона, который хотел воплотить в действительности свои идеи о государстве⁴⁰.

Учение Платона о государстве неразрывно связано с анализом современной ему социальной реальности. Он (1) дает первую модель идеального общества, т.е. вводит норму в прескриптивном смысле, (2) создает прецедент соотнесения идеальных представлений о социальном и наличествующих обстоятельствах. Платон усматривал в актуальном ему состоянии социальной реальности множество проблем и недочетов: начиная от формы организации полисов и разделения труда, заканчивая потенцией к экспансии и образованию империй. Систематизируя свои наблюдения и выводя в рациональное поле интуиции, Платон обращается к фундаментальным размышлениям, начиная с разделения реальности на мир вещей – ограниченную формой материю, поддающуюся перцептивному восприятию и доступную на эмпирическом уровне, и мир идей – эйдос, такое пространство, в котором содержатся идеи и идеальные воплощения вещей, доступные только интеллигибельно, через рациональное. В свете данной логики разумным представляется существование и идеального государства, по сути являющегося воплощением идеального устройства социальной реальности в политической перспективе. Более того, Платон видел разумным не только размышление об идеальном государстве, но и предпринял попытки овеществления своей теории в сущем, а именно в Сицилии. Однако первостепенно нас интересует теоретические построения Платона.

Вопросы о преобразовании сущего Платон рассматривает в своих трудах, представленных в форме диалогов, в частности, выделяются диалоги «Государство», «Законы», «Политик»⁴¹. Ключевым аспектом, объединяющим его политические труды, выступает анализ социальной реальности и построение универсальной общественной модели⁴². Данная модель включает в себя строгую социальную стратификацию по роду занятий, отказ от стремления к расширению ойкумены,

⁴⁰ Губин В. Д. Основы философии: Учеб. пособие. – 2-е изд. / М., 2008. С. 23

⁴¹ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с, с. 34

⁴² Платон. Государство / Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с., с.268

установления принципов правления, основанных на власти философов, и герметизацию политически активного общества в границах города-государства⁴³.

Платон в интеллигентно доступном «идеальном» государстве усматривал возможность его воплощения, причем ключевым элементом, на котором основывалось бы государство, выступает строгая вертикальная структура власти, где на ее вершине находятся философы – люди, обладающие особыми знаниями, навыками, личностными качествами, которые можно зафиксировать в концепте «sophia», т.е. мудрость. При семиотическом анализе концепта выделяется три смысловых выражения, где среди «знания» и «мудрости», фигурирует и «мастерство», которое связано с понятием «технэ» (греч. Τέχνη – искусство; ремесло). Данная идея в эпоху Просвещения трансформируется и воплощается в политических концепциях национального государства⁴⁴ и технократии⁴⁵, где «мудрость» редуцируется до «тэхне», а «философы» заменяются профессиональными политиками.

Платон видит в сословном делении возможность достижения блага Целого, но только посредством выполнения каждым сословием своих обязанностей, без перехода в область влияния другого сословия. Он усматривает благо в формировании статичной структуры общественной организации с присущим ей искусственным «торможением» развития, ради сохранения аристократичной формы правления, считая все остальные извращенными. Он допускал, что в процессе развития общества будет меняться и форма его организации, а именно посредством постепенного проникновения влияния третьего сословия на первые два, начнется процесс «гниения», деградации общества или же состояние социального кризиса.

Платон осмысливает возможные политические состояния общества, а имея в распоряжении ясную концептуализацию различных политических состояний, можно дать оценку действительному положению вещей, и т.к. политические процессы отражают общественные тенденции, то предложенная концептуализация Платона, является оценочной системой состояния социальной реальности. Платон делает

⁴³ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с, с. 20

⁴⁴ Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. / сост. и примечания В. Волжский. СПб. : Мифрил, 1993. С. 259

⁴⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. М. : Мысль, 2000–2001. С. 744

акцент на деградации государственной системы в процессе трансформации политического ядра государства, от должного – в лице аристократии – к самой неблагоприятной – в лице тирании. Он выстраивает темпоральную модель трансформации государства: аристократия, тимократия, олигархат, демократия и тирания⁴⁶.

Построение Платоном модели идеального государства напрямую отталкивается от анализа социальной действительности. Для создания данной модели Платон рассмотрел следующие аспекты социальной реальности: политический режим, форма правления и форма государственного устройства. Особенностью же является наделение онтологическим статусом нравственности, находящейся у Платона на вершине аксиологической пирамиды, впоследствии ставшей базисом для будущих моделей общественной организации, выстраиваемых в эпоху Просвещения⁴⁷.

Существенный вклад в понимание реальности, в том числе и социальной, внес Аристотель. Он рассуждал о потенциальном и актуальном бытии, подчеркивая, что ничто не может существовать в действительности, если не было бы в возможности. В «Политике» он пишет следующее: «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому»⁴⁸. Государство, таким образом, выступает условием для реализации самостоятельности Человека, а т.к. государство является частью социальной реальности, то именно это и позволяет существовать Человеку.

Аристотель был одним из первых, кто задался вопросом о переходе из возможности в действительность⁴⁹: если «что-то» появилось, то у этого «что-то» была перед этим такая возможность и именно эта возможность осуществилась. Человек не только является осуществленной возможностью, он не только способен

⁴⁶ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с, с. 241-250

⁴⁷ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье / пер. и под ред. С. А. Мальцевой. СПб. : «Издательство Пневма», 2003. С. 97

⁴⁸ Аристотель Политика / перевод с древнегреч. С. Жебелева. М. : «Мысль», 1983. Т. 4. С. 378–380.

⁴⁹ Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 87

осознавать этот механизм, но и действовать⁵⁰, т.е. выбирать какая возможность осуществится. Действие возможно в определенном поле и это поле, по Аристотелю, политическое, т.е. является частью социальной реальности. Знаменитое определение Аристотеля «человек – политическое животное» отражает настоящую интерпретацию. В данных рассуждениях выражается противоречивое сочетание двух начал в человеке: первое начало обладает статичным и, следовательно, неизменным характером – человек является животным; второе начало отражает динамический и условный характер природы человека – стремление к благу как таковому, а, следовательно, и той его части, которая выражается в стремлении к благополучной политической жизни⁵¹.

Описание социальной реальности у Аристотеля проходило через призму его социально-философской концепции, основанной на общефилософском теоретическом построении. Аристотель считал, что первопричиной всех явлений в мире, архе, был Бог, как вечная, статичная, отделенная от всех вещей сущность. В связи с этим, реальность, в ее выражении космоса и природы, рассматривается исходя из органицистских представлений, т.е. она существует по общим законам живой природы⁵². А значит, если принимается идея о природе как едином живом организме, где одно возникает ради другого, то это предполагает наличие высшей цели, обуславливающей существование частей только в органическом целом. Такой подход рассматривает реальность как подчиненную целевой причине, где все существование подчинено единой цели.

Аристотель солидарен с Платоном в вопросе о стремлении каждой вещи к своему благу, где реализация частного блага – есть реализация блага как такового, общего, определяемого божественным первоначалом. Такой подход говорит о телеологичности мировоззрения Аристотеля, которое усматривается в его представлении о реальности, как о сущности, движущейся к своему разрешению,

⁵⁰ Там же. С. 92–96

⁵¹ Аристотель Политика / перевод с древнегреч. С. Жебелева. М. : «Мысль», 1983. Т. 4. С. 375–644.

⁵² Там же. с.240

совершенности, конечности процессов посредством достижения цели⁵³. Аристотель различает реальность на сущее и должное, включая ее в систему, подчиненную должному, соразмерно концепции общего блага.

Органицизм реальности у Аристотеля предполагает перенос законов живой природы на социальное пространство, процесс развития общества и установление законов его существования. Аристотель определяет поведение индивида как целенаправленное, определенное мыслью. В свою очередь человека он определяет как «политическое животное», т.е. общественное существо, способное к жизни исключительно в кругу себе подобных, включенных в определенный культурный нарратив. В попытке соотнесения с современными представлениями о человеке, как индивидуализированном и «уникальном», возникает парадокс⁵⁴. Аристотель определяет потребность человека в обществе, как главное условие самодостаточности субъекта, способного реализовать человеческую интенцию только в обществе, где и является главным элементом государства.

Аристотель связывает способ социального устройства с политическим. Рассматривая государство как форму общежития граждан, он рассматривает процесс развития форм общественной организации, как энтелехию человека, совершенной формой которой является государство. Он разделяет формы организации общества на следующие уровни: человек, семья, селение и государство. Человек, как элементарная единица, существует исключительно в общности себе подобных. Первым обществом является семья, внутренняя структура которой содержит в себе иерархические отношения господства и подчинения. Посредством расширения экономических и социальных связей, вследствие экономической целесообразности, семьи образуют селения, в которых также действуют иерархические законы. Государство же Аристотель рассматривает как совершенную, финальную стадию

⁵³ Рахматуллин Р. Ю., Хидиятов Н. Б. Рационалистическое направление в философии. Уфа: Уфимская высшая школа МВД России, 1993. 75 с

⁵⁴ Федорова М. М. Классическая политическая философия / М., 2001. С. 9–11

развития форм организации общества, ставшее результатом эволюции ранних форм общежития людей⁵⁵.

Таким образом, Аристотель представляет социальную реальность, как подчиненную целесообразности, выстраиваемой исходя из телеологичности общественных процессов, соотнесенных с процессами природными. Если Платон усматривает источником целесообразности природный детерминизм и трансцендентный мир идей, то Аристотель рассматривает целевую причину как имманентную вещам, проявляющаяся посредством энтелехии, т.е. как части единого процесса эволюции, направленного на достижение цели. Такой подход вступает в противоречие только в обозначении источника трансформации сущего, однако оставляет общим отношение к индивидуальному началу в общественной организации. И у Платона, и у Аристотеля, индивид подчинен целому, где «целым» выступает идея государства, как финальной точки развития общественных отношений. Оба философа, рассматривая часть реальности через призму социального взаимодействия, придерживаются парадигмы наличия объективного подхода к трактовке взаимоотношений между индивидом и обществом⁵⁶.

Философские теории Платона и Аристотеля, касающиеся функционирования социальных структур, легли в основу философии Средних веков и Нового времени, в ее рамках стало возможным эксплицирование структуры социальной реальности, ее элементов и вербализация самого понятия.

Отдельного внимания заслуживают философские воззрения Аврелия Августина, потому что его работы знаменуют переход от античной к средневековой философии. Наиболее важными трудами Августина в свете настоящего исследования могут считаться: «О порядке», «О свободной воле», «О граде Божиим», т.к. в них формируются христианские представления о должном устройстве социальной реальности, которые повлияли на всю западную мысль в целом.

⁵⁵ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье / пер. и под ред. С. А. Мальцевой. СПб. : «Издательство Пневма», 2003. С. 112

⁵⁶ Там же. с. 107

Аврелий Августин помещает представления о социальной реальности в историческое измерение, что является решительным разрывом с античной традицией. История имеет начало – творение, и конец – воскрешение и Страшный Суд. История имеет три ключевых события, которые задают разметку исторического времени – речь идет о первородном грехе, ожидании Мессии и первое пришествие Христа с образованием Церкви. В этом смысле такая философская теология задает этическую перспективу рассмотрения социальной реальности, где субъект должен различать зло и благо. Зло воплощается в любви к себе, благо воплощается в любви к Богу, такой подход позволяет разделить людей на два вида, что было концептуализировано Августином как «Град земной» и «Град Божий»; тем самым социальная реальность предстает как бинарная структура. Гражданин «Града земного» функционирует в социальной реальности как «повелитель», а гражданин «Града Божьего» – как «странник», т.е. номадически⁵⁷.

Концепция двух градов не рассматривается Августином как некое историческое, государственное или географическое образование, т.к. отдельно взятый индивид может совершать поступки, которые могут соответствовать правилам как одного града, так и другого, и только Бог обладает знанием о принадлежности человека к одному из градов. Тем самым в социальной реальности не проводится жесткой демаркационной линии между двумя градами, имея в себе бинарную структуру, она не воплощается как жесткое разделение на две группы всего человечества. Реальные же земные государства рассматриваются Августином двояко: отдельно взятое государство упорядочивает жизнь индивида, помогает его жизнедеятельности, но Августин делает акцент на отношении субъекта к этим социальным благам – важно пользоваться этими благами, но не наслаждаться. Любое существующее государство возникло как следствие грехопадения, но приносит пользу, т.к. выступает гарантом порядка социальной реальности.

Взгляды Августина, который концентрировался в своем философствовании на исторической необходимости и последствиях первородного греха для социальной реальности, контрастируют в философско-исторической перспективе идеям Фомы

⁵⁷ Иванов В.И. собр. соч. в 4 т. Брюссель : Fouer oriental chretien, 1979. – Т. 3. С. 195

Аквинского, который, следуя за Аристотелем, осмысливает государство как природную необходимость.

Коммуникативные практики людей приводят к установлению юридических законов, как способу противления злу и достижению общего блага. Фома различает следующие виды законов, которые действуют в социальной реальности: вечный, естественный и человеческий, а сверх них – Божественный. Вечный закон выступает рациональным планом Бога. В этом плане бытия участвует человек, такое участие относится к естественному закону, который можно сформулировать следующей фразой: «делай добро и избегай зла» – что выражается в следовании собственной природе. Возможность такой практики обусловлена разумностью человека⁵⁸. Отсюда Аквинат развивает теорию естественного права, в рамках которого он солидаризируется с Августином, т.к. концентрируется на справедливости как критерии закона. Социальная реальность непосредственно связана с политическим измерением, которое задает вектор законотворчества: лучшая форма правления – монархия, которая позволяет государству быть упорядоченным и единым, худшая форма – тирания, т.к. она исходит из грубой силы и зла.

Субъект социальной реальности, по Фоме, управляет своими действиями с помощью разума, который позволяет различать добро и зло, но точное различение возможно, если человек пользуется Божественным законом. Аквинский утверждает, что общество должно регулироваться не светской властью, а папой римским, т.е. католической теократией, тем самым воплощая идею о «Божьих детях», разумно связывая государственный и церковный источник власти.

Говоря о развитии социально-философской мысли, особого внимания заслуживают философы эпохи Просвещения, в частности Т. Гоббс и Дж. Локк.

Реформация привела к межконфессиональным войнам в Европе и представления об этой части света как едином христианском пространстве, гарантом сохранности которого является католическая церковь, были навсегда утеряны. В этой связи, мыслителями стали подниматься вопросы об условиях совместного

⁵⁸ Нестерова О. Е. Историко-философские предпосылки учения Августина о соотношении времени и вечности // Августин: pro et contra - СПб.: РХГИ, 2002. - С. 707–722.

существования различных социальных групп, которые имеют кардинально отличные друг от друга представления о мире и его законах. Гоббс и Локк пересматривают вопросы, связанные с природой государства, общества, религии и т.д. Согласимся с Д. Узланером, что эти философы создали собственный универсум, в котором были переосмыслены традиционные общественные категории и изменено представление о мире, которое ляжет в основу проекта модерна⁵⁹.

Т. Гоббс проводил последовательную антиклерикальную мысль, делая акцент на необходимости подчинения церковных институтов светской власти, тем не менее относился к религии положительно, считая ее духовной пищей для масс. Апеллируя к древнему правилу, которое представлено в священных текстах, гласившему «не поступать с другими так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой» Гоббсом была выведена идея, что из этого правила вырос общественный договор, который привел к возникновению государства. Смысл идеи общественного договора можно редуцировать до следующего – участники договора отказываются от части естественных прав в пользу главы государства, который силой закона обеспечивает сохранность и нормирование естественных прав участников договора.

Дж. Локк радикально ограничивает деятельность представителей религии, по сути, сводит эту деятельность к заботе о будущей жизни и спасении души⁶⁰. Светская власть, по Локку, отвечает за гражданские блага. В «Послании о веротерпимости» Локк предлагает идею свободы совести как неотъемлемого права каждого человека, тем самым право выбора религии, которую будет исповедовать человек – принадлежит только ему, и никто не может на него влиять. Дж. Локк в «Двух трактатах о правлении» развивает идеи происхождения собственности из труда, а также идею об общественном договоре как основе происхождения государства⁶¹.

Основополагающей вехой в развитии социальной науки являются концепции социального развития и механизмы социальной трансформации французского философа О. Конта. Конт, как один из родоначальников позитивизма, будет

⁵⁹ Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. 2020. С.25

⁶⁰ Локк Дж. Собрание соч в 3 томах. Том 3 М. : Мысль 1888. С. 95 – 96.

⁶¹ Там же С. 278

отстаивать и обосновывать необходимость взаимодействия с социальными законами через призму естественнонаучных методов, также солидаризируясь с позицией Фомы Аквинского касательно вопроса о месте философии в человеческом знании, но уже не как «служанки теологии», а как «служанки науки».

Основным вопросом, на который французский философ отвечает в своих трудах, является вопрос об эволюционном источнике образования общества и государства. Конт рассматривает историю развития и трансформации стадий человеческой культуры как процесса перехода от теологической и метафизической к позитивной объяснительной модели. Позитивистская методологическая установка позволила Конту определить место социальных законов в границах научного дискурса, а также создать новую науку – социологию, или социальную физику.

В своих трудах Конт усматривает прямую связь между общественными законами и законами природы, тем самым утверждая возможность применения методов познания природы к познанию общества. Данные размышления станут фундаментом для современной социологической мысли, а также откроют дискуссию среди социальных философов о валидности такой экстраполяции.

Учение Конта является точкой фиксации социальной философии в границах научного знания. Артикуляция позитивной оптики на общественные законы как объективные и подверженные естественнонаучной методологии создает предпосылки для смещения философского знания в сторону прагматичного применения и установления модернистских установок как определяющих вектор развития социальной мысли вплоть до начала XX века.

Одним из философов, внесших значительный вклад в обособление социальной реальности как отдельной области философского исследования, стал немецкий философ К. Маркс. Социальная реальность в представлении Маркса рассматривается сквозь оптику марксистской сформулированной им социальной онтологии. Социальная реальность существует в качестве автономной области действительного мира. Пребывание в действительности аргументируется выявлением общих закономерностей в форме организации человеческого общества вне зависимости от места и времени его существования. Действительность же не

исключает возможного, т.к. созданная социальная теория включает в себя поэтапное развитие человеческого общества, подчиненного введенной Марксом структурной единице – формации.

По Марксу социальная реальность — это упорядоченная совокупность свойств отношений между людьми, необходимая для осуществления специфической человеческой жизнедеятельности, в основе которой лежит труд и производственные отношения⁶². Объективность этой упорядоченности выражается в сведении таковых к общему определяющему предмету – производительной силе. Она регистрируется посредством эмпирического наблюдения ее материально-предметных и процессуально-деятельностных воплощений. Социальная реальность исследуется К. Марксом и Ф. Энгельсом сквозь материалистическую оптику, для которой совокупность материально-предметных воплощений является базисом, первичным условием существования высших форм культурного проявления человека. Культура же, во всем своеобразии, подчиняется процессуально-деятельному воплощению производительных сил и выступает в качестве надстройки.

В призме марксистского учения социальная реальность предстает очищенной от следующих умозрительных априорных сущностей: «человеческая природа», «высший разум», «бытие вообще». Основой критики выступает детерминизм: этапы развития человеческого общества, подчиненного логике метаморфоз производительных сил.

Социальная реальность после Маркса (а на него в этом повлиял Гегель) представляется исторически пластичной, способной к изменениям как на уровне содержания, так и во внешних, частных проявлениях. Проявление может изменяться в зависимости от исторического и географического положения, особенностей социополитического устройства, в сумме событийных форм. Глубинное содержание изменчиво в границах формационного подхода, предлагающего динамизм формаций, посредством максимизации внутренних противоречий, проявляющихся в виде кризиса или революций.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений : перевод с нем. К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные произведения: В 3 т. М. : 1979, Т. 1. С. 203-206

Природа социальной реальности не является плодом априорных сущностей, теперь это совокупность систем общественных отношений. Общественные отношения выступают как результат мотивированных действий конкретных индивидов и социальных групп. При этом система общественных отношений принципиально не сводима к индивидам, выступая как некий результат реляционной природы социальной реальности. Также социальная реальность упорядочена в объективной структуре бытия и историческом развитии, которые необходимым образом взаимосвязаны посредством односторонней детерминации, т.е. историческое развитие является следствием объективной структуры бытия.

Познание социальной реальности принципиально доступно к законосообразному истолкованию, содержащему в себе «неклассическую» модель причинности. Причинность формирования социальных отношений и научного знания представляется как субъектно-субъектная система, в которой познаваемость включает в себя диалог культур, исключая существование нейтральности субъекта познавательной деятельности. Такой подход критикует игнорирование деятельностной природы субъекта, предполагая осмысление соотнесенности объясняемых характеристик предмета исследования с особенностями средств и операций научной деятельности⁶³.

Формирование системы общественных отношений не есть продукт искусственного субъективного замысла, а есть плод исторического самовоспроизводящегося закона, зависящих от уровня развития производительных сил и вытекающих из них социальных противоречий. Однако воспроизводство системы невозможно без культурной деятельности индивида и группы, направленной на осмысление характера собственных действий. Общественное сознание при этом не выступает как сумма индивидуальных человеческих сознаний, а представляется как некий встроенный нарратив, отражающий общественное бытие и элементы его функционирования. При этом рефлексия социальной реальности не означает факт адекватного, объективного отношения к ней и к себе, как части

⁶³ Леонтьев Л. А. О работе К. Маркса К критике политической экономии. М., 1959. С. 49

данной реальности, что позволяет сказать о том, что индивид лишен автореферентности.

Переход от фундаментального исторического рассмотрения эволюции общества к более «ощутимым» и непосредственно связанным с обыденным опытом отдельно взятого индивида структурам социальной реальности в социальной философии осуществил английский философ Г. Спенсер, который пристально исследовал сумму социальных элементов – результат взаимодействия субъектов, образующих уникальную социальную конструкцию.

Герберт Спенсер – английский философ и один из отцов основателей социологической науки, изучающий вопрос проблематизации научного изучения общества, ввел в социологический дискурс понятия «социальный институт», «социальная функция», «социальное развитие» и др. В границах работы в области социальной философии он изучал вопрос о сущности, видах и эволюции социальной реальности. Спенсер вписал вопрос об изучении общества в систему социальных наук, для которых ключевым предметом исследования является объективная социальная реальность⁶⁴.

Будучи сторонником позитивизма, он видел и разрабатывал такую систему научного знания, в которой четко просматривается связь между науками о природе и науками об обществе⁶⁵. Считал, что исследование социальной реальности, общественных процессов и явлений возможно только на основании естественнонаучных методов, в частности, посредством включения в дискурс эволюционной теории⁶⁶. Такой подход должен был включить рассмотрение социальных процессов и явлений в призму биологических законов, аналогично перенесенных на социальный мир.

Это бы обеспечило валидность изучения законов социальной реальности, акцентируя внимание на характерных чертах общества, его строении и усматриваемых общих с природным миром законах формирования и развития, а

⁶⁴ Спенсер Г. Социология как предмет изучения / пер. с англ. СПб. : Тип. А. Якобсона, 1896. С. 142

⁶⁵ Тексты по истории социологии XIX–XX вв. Хрестоматия / Сост. и отв. ред. Т.З.О.Д.Ф.Н. В.И. Добренчиков, к.ф.н. Л.П. Беленкова. М. 1994. С. 241–247

⁶⁶ Там же. С.287

также процессах, существующих в социальной реальности: от больших социальных групп их подгрупп до микросоциальных формирований.

Г. Спенсер усматривал проблему определения понятия общества центральной в изучении социальной реальности. Вопрос, сформулированный философом для определения понятия: «смотреть ли на общество как на некоторое особое бытие или нет?» – должен разрешить противоречие между социальным номинализмом и социальным реализмом⁶⁷. Первое направление рассматривает общество как наименование совокупности общественных единиц, т.е. индивидов, признающих существование «общества» только как словесного выражения. Второе направление – социальный реализм предполагает, что общество есть действительное образование, часть социальной реальности, которую невозможно свести к индивидам и отдельным группам, существующим в особой форме организации общества, включающим в себя всю совокупность субъектов, образующих уникальную социальную конструкцию.

Однако Спенсер видел проблему в определении общества и как просто совокупности индивидов, и как особой формы организации социума. Он стремился занять промежуточную позицию, которая выражается в постановке нового вопроса: «имеет ли общество, как особое индивидуальное бытие, сходство с другими видами бытия?»⁶⁸. В процессе анализа социальной реальности Спенсер выделил два агрегатных состояния: неорганическое и органическое. Усматривая абсурдность сравнения общества, как части неорганического образования, ввиду присущего внутреннего динамизма и сменяющихся структурных форм, он определяет общество к разряду органического агрегата.

Относя общество к органическому агрегату, он выделял ряд сходств между органическими и социальными структурами: общество обладает своей темпоральностью, которая соответствует росту его объема; дифференциации структур, прогрессирующих как в количестве так и в качестве; следующей за дифференциацией структур, дифференциация их функций, усматриваемая в

⁶⁷ Там же. С. 211

⁶⁸ Спенсер Г. Социология как предмет изучения / пер. с англ. СПб. : Тип. А. Якобсона, 1896. С. 87

прогрессии разделения труда в обществе; сменяемость функциональных единиц, в условиях сохранения функций как таковых; сохранение жизнеспособности отдельных структур и соответствующих функций после гибели социального организма.

Несмотря на логичность сопоставления общества как особого вида бытия, подверженного органическим законам, Спенсер все же не является ортодоксальным приверженцем биологической теории общества. Он усматривал также и ряд существенных отличий, среди которых ключевое находилось в организации финальной формы общества и организма. Общество, в отличие от организма, не является целым, оперируемым центральной системой, а выступает как дискретное целое, объединенное функционально и структурно, но пространственно разделено между собой, что роднит теорию Спенсера с грядущими постмодернистскими концепциями о детерриторализованном социальном пространстве⁶⁹.

Помимо установленного различия, существует еще целый разряд отличий, усматриваемых в антонимичной структуре конечной цели существования общества и организма. Если части организма функционируют для обеспечения сознания и жизни целого – в обществе это сознание распределено в равной степени между индивидами, а целью выступает поддержание жизни самих функциональных элементов, т.е. индивидов.

Несмотря на видимые противоречия в органической теории общества, Спенсер усматривает пользу данного подхода для изучения социальной реальности. Так он выделяет функциональное сходство в умозрительных подсистемах: производительной – обеспечивающей базовые потребности, необходимые для существования; распределительной – поддерживающей связи между частями целого; регулятивной – обеспечивающей координацию деятельности частей, формирующей связи и обеспечивающей единство системы.

Таким образом, Спенсер использовал синтетический подход в изучении социальной реальности, объединивший следующие: эволюционизм – ключевая

⁶⁹ Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. М. : Астрель, 2010. С. 67.

структура, включающая в себя основные законы формирования целого из части; органицизм – как модель для сравнения органического и общественного бытия; функционализм – подход, позволяющий рассмотреть как части целого, существующих в модусе выполнения определенных функций для поддержания его жизни, так и самого целого как необходимого условия для существования функциональных единиц.

Система отношения между индивидом и обществом выстраивается исходя из созависимой модели, где общество, посредством дееспособности регулятивных институций, принуждает индивида следовать исполнению социальных норм, а индивид или группа, в свою очередь, стремится воздействовать на общество, подстраивая его под свои потребности. Особое внимание уделяется процессу изменения соотношения между первичными и вторичными факторами эволюции общества, где на ранней стадии преобладают первичные факторы, т.е. природные условия, географическое положение и доступ к ресурсам, а на более поздних – вторичные, основанные на развитии технологий и интенции к изменению окружающей среды.

Влиятельным социальным философом выступает последователь социологического подхода О. Конта, а по совместительству представитель школы позитивизма Э. Дюркгейм, который предложил оригинальную интерпретацию социальной реальности, рассматривая ее как объективную силу, существующую независимо от индивидуального опыта⁷⁰, со своими законами и нормами, определяющими поведение и взаимодействие индивидов в обществе. Социальная реальность включает в себя социальные нормы, ценности, правила и институты, которые формируют пространство и механизм взаимодействия между индивидами и социальными структурами.

Такой подход к социальной реальности включает в себя возможность понимания аспектов социального бытия через призму коллективной силы и норм общества, а не индивидуального восприятия.

⁷⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / пер. с фр. и послесловие Л. Б. Гофмана. М. : Наука, 1990. С. 472.

Например, социальные нормы и ценности определяют, как взаимодействуют субъекты, какие цели и какие ограничения ими принимаются. Социальные институты, такие как правовая система, экономика и образование, также формируют социальную реальность, определяя рамки действительности и возможностей. Социальная реальность имеет собственную динамику и существует независимо от человеческого восприятия. Это позволяет исследовать социальную реальность в научной оптике.

Дюркгейм выдвинул понятие «социальных фактов» как основы понимания социальной реальности. Социальные факты — это внешние и объективные явления, которые оказывают влияние на поведение и мышление индивидов. Они существуют независимо от индивидуальной воли и находятся вне индивида, оказывая влияние на поведение и мышление отдельно взятых субъектов⁷¹.

Социальные факты могут включать различные аспекты общественной жизни, такие как нормы, правила, ценности и институты. Они представляют собой внешние ограничения и шаблоны поведения, которые формируются и поддерживаются в обществе. Дюркгейм считал, что социальные факты имеют объективный характер и могут быть изучены и проанализированы как научные объекты. Он призывал социологов отвлекаться от индивидуальной психологии и смотреть на общество в целом, изучая его социальные факты.

Примером социального факта может служить правовая система. Правила и нормы правовой системы существуют вне индивида и обладают объективным характером⁷². Они ограничивают поведение людей в социуме и определяют, что является законным и незаконным. Другим примером социального факта может быть религиозное верование или обычай. Религиозные нормы и обычаи существуют в обществе и оказывают влияние на поведение и мышление верующих. Они могут быть объективно изучены и имеют свои собственные законы и правила.

⁷¹ Там же. с.323

⁷² Там же. с. 80.

Понимание социальных фактов позволяет рассмотреть социальную реальность как совокупность объективных и коллективных явлений, существующих независимо от индивидуальных предпочтений.

Дюркгейм использовал понятие «коллективное сознание» для обозначения системы представлений, убеждений и ценностей, которые существуют в обществе и оказывают влияние на индивидов. Он рассматривал коллективное сознание как объединяющий фактор, который формирует и поддерживает социальную интеграцию и солидарность. Оно формируется и поддерживается через социальные институты, т.е. семью, образование, религию и другие пространства социального взаимодействия, образуя общие ценности и моральные нормы, которые формируют оптику индивида и общества в отношении социальной реальности.

Другой представитель социального конструктивизма, М. Вебер, сосредоточил свои исследования на представлениях индивидов о социальной реальности. Для М. Вебера социальная реальность существует благодаря наличию у людей определенных представлений о ней. Немецкий философ отмечает, что социальная реальность не совпадает с физической реальностью, хотя и накладывается на нее. В этой связи возникает проблема их различия. Такое смешение осложняется восприятием социальной реальности как реальности «первого порядка». Такие представления из-за экономии мышления приводят к тому, что люди воспринимают ее как единственную, универсальную, исчерпывающую все возможности человеческого бытия. Как следствие, многие люди настолько погружаются в социальную реальность, что не мыслят и не ощущают себя вне ее⁷³.

Одним из ключевых понятий, которое Вебер разработал, является понятие «социальной действительности» или «социальной реальности»⁷⁴. Вебер утверждал, что она обладает своей собственной логикой и законами, отличающимися от индивидуальных психологических мотиваций. Он признавал, что социальная реальность сложна и многомерна, и ее понимание требует анализа как объективных структур, так и субъективных интерпретаций.

⁷³ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / пер. с нем. М. И. Левиной. М. : Прогресс, 1990. С. 383

⁷⁴ Там же. с. 369

М. Вебер подчеркивал, что социальная реальность представляет собой множество слоев и измерений, механика существования которых основана на социальном действии. Он разделял его на четыре типа: целевое (основанное на расчете достижения определенной цели), ценностное (основанное на вере в правильность определенных ценностей), эмоциональное (основанное на эмоциональных и перцептивных реакциях) и традиционное (основанное на традициях и обычаях)⁷⁵. Совокупность целевых, аксиологических, психологических и исторических действий, в различной степени взаимодействия друг с другом, порождают и определяют социальный динамизм.

Согласно Веберу, рациональность играет важную роль в формировании социальной реальности, усматривая невозможность ее построения в «природном», «естественном» состоянии. Он различал два типа рациональности: инструментальную – отвечающую за выбор средств для достижения цели на основании расчета суммарной пользы для общества и индивида; целевую – выбор цели самой по себе, вне зависимости от предоставленных средств, с возможностью их обретения посредством социо-политического действия. Эти типы рациональности прослеживаются в различных сферах общественной жизни: политике – консолидации имеющихся средств для достижения цели; экономике – построение модели, исходящей из принципа соразмерности использования ресурсов среды обитания; культурной – формирование аксиологических и аксиоматических моделей в социальном пространстве⁷⁶.

Однако Вебер также подчеркивал, что социальная реальность не ограничивается только рациональностью. Религиозные убеждения, традиции и эмоции также играют роль в формировании общественных отношений и институтов. Например, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер анализировал влияние протестантской этики на развитие капитализма, выделяя роль религиозных убеждений в формировании экономической рациональности.

⁷⁵ Там же. с. 20

⁷⁶ Там же. с. 10

Еще одной важной темой, затронутой Вебером, была бюрократия. Он изучал развитие бюрократических структур в обществе и их влияние на социальные отношения. Вебер предупреждал о том, что бюрократия может привести к жесткости, лишить индивида личной свободы и инициативы, что может привести к ограничению социальной динамики⁷⁷.

В работе «Экономика и общество» Вебер затронул вопрос о социальной стратификации. Он выделил различные типы социальных классов и статусов, а также их влияние на структуру общества. Вебер подчеркивал важность экономической власти, социального престижа и политической силы как основных компонентов социальной стратификации.

Суммируя следует отметить, что в работах Макса Вебера социальная реальность изучается с разных сторон, начиная от религиозных влияний и заканчивая бюрократическими структурами и социальной стратификацией. Его концепции и понятия продолжают оставаться актуальными для современных исследований социальной динамики и общественных процессов. Вебер не только предоставил инструментарий для анализа социальной реальности, но и внес существенный вклад в понимание того, как различные аспекты общественной жизни взаимодействуют и формируют социальное полотно.

Проблематикой исследования социальной реальности занимался австрийский философ, основоположник феноменологической социологии А. Шюц. Он занимался решением проблемы противоречия двух подходов в изучении социальной сферы человеческой жизни. Первый подход к изучению социальной реальности и ее аспектов, базируется на использовании лишь методов естественных наук, которые представлялись единственно научными, т.к. позволяют произвести анализ с последующим релевантным в эмпирике результатом⁷⁸. Отказ от естественно-научного подхода порождал бы невозможность соотнесения и валидации социальных наук наряду с классическими. Второй подход провозглашал

⁷⁷ Там же. с. 26

⁷⁸ Там же. С. 17–20

фундаментальное различие в структуре социального и природного миров, делающие невозможным полное соотнесение естественно-научных методов и социальных⁷⁹.

Отличия усматриваются в том, что социальные науки являются идеографическими, им свойственны индивидуализирующая концептуализация и поиск единичных утвердительных суждений⁸⁰. В отличие от естественных наук, которым свойственен номотетический подход с характерной обобщенной концептуализацией всеобщих достоверных суждений.

Данное отличие подходов к научному знанию усматривается исходя из различий в отношении исследуемого объекта. Для естественно-научного дискурса, актуальным является работа с постоянными отношениями, которые возможно измерить, вычислить и провести релевантный эксперимент. Подобный подход затруднителен в сфере социальной реальности, поскольку приложение точных измерительных величин в переменных состояниях общества практически исключает возможность, как проведения экспериментов, так и их точное измерение.

Итогом работы с данным противоречием стало разделение двух подходов; естественные науки должны иметь дело с материальными объектами и процессами, социальные же науки – с психологическими и интеллектуальными. Следовательно, методом первых является объяснение, а вторых – понимание⁸¹.

Однако исходя из представления об исторических или социальных событиях, как существующих в единичном и неповторяющемся виде, а также переноса частных методологических особенностей на все социальные дисциплины – данное строгое различие рассматривается А. Шюцем как ошибочное⁸². Естественные и социальные науки имеют единый набор правил научной процедуры, для которой характерно преобладание принципов вывода и обоснования, а также теоретические идеалы единства, простоты, универсальности и точности.

Цель социальных наук – достижение организованного знания о социальной реальности, представляемая как тотальная сумма объектов и событий в

⁷⁹ Там же. с. 19

⁸⁰ Там же. с. 51

⁸¹ Там же. с. 52

⁸² Там же. с. 21

социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий.

А. Шюц выделил два типа социальной реальности: «социальный мир первого порядка» и «социальный мир второго порядка». Социальный мир первого порядка относится к прямым и непосредственным взаимодействиям между индивидами, в то время как социальный мир второго порядка представляет собой мир символов, значения и норм, созданных индивидами в процессе коммуникации. Подобное различие позволяет определить границы между коммуникацией как механикой, самим процессом, и его содержанием – языковой игрой со своим общим полем знания и индивидуальными установившимися правилами⁸³.

Подобная языковая игра у Шюца представляется в виде символической интеракции. Символическая интеракция играет ключевую роль в создании и поддержании социальной реальности. Шюц утверждал, что люди используют символы и язык для взаимодействия друг с другом и для конструирования социальной реальности. В процессе коммуникации люди обмениваются символами, которые имеют общепринятые значения и позволяют им конструировать смысл и социальные образцы поведения. Эта концепция помогает определить восприятие субъекта и группы, а также зависимость понимания социальной реальности от контекста, в котором взаимодействуют субъекты.

В качестве вывода можно заключить, что понятие социальной реальности появляется у А. Шюца. Такое понятийное решение стало итогом осмысления многовековой философской традиции, того, что сейчас называется социум. Начиная с Платона, появляются идеи, требующие более тонкого различения, чем использование такого широкого понятия как «общество». А. Шюц в своем определении социальной реальности подчеркнул важнейший аспект intersubjectивного опыта людей и интеракции в частности. Данный аспект выводит рассмотрение общества из привычной бинарной оппозиции субъективно-объективного и настраивает оптику исследователя таким образом, что философы

⁸³ Там же. с. 54–60

постмодернизма смогли создать категориальный аппарат, благодаря которому стало возможно осмысление происходящих в современности событий, показавшихся, рискуем предположить, сущим кошмаром для философов прошлого с их всеобъемлющими системами. Резюмируя этот историко-философский обзор анализа подходов к определению понятия «социальная реальность» и к проблеме трансформации социальной реальности, можно сделать выводы о том, что:

- общей является идея о кризисе, наличии в ней разрывов, острого противоречия между действительным и идеально-возможным бытием;

- начатая Платоном и Аристотелем философская традиция, а именно та ее часть, что связана с описанием структуры и принципов организации человеческой жизни, настроила общий фокус исследования социального аспекта реальности на государство. В такой оптике государство выступает регулятором и творцом общественных отношений, играя главенствующую роль. Поэтому одна из проблем – сложный процесс трансформации актуальной формы политической действительности в различных модусах.

§2. Исследование динамики социальной реальности в постмодернистской философии

Предмет исследования в данном параграфе — это концепции эпохи постмодерна, являющегося не только темпоральным продолжением модерна (модернити)⁸⁴, но и выступающего как его антитеза. Модерн, сформировавшийся к последней трети XVIII века, характеризуется формированием индустриального общества, индустриализацией экономики, глобализацией, демократизацией, образованием национальных государств и механизма идентификации человека как гражданина. Данный этос предполагает приобщенность субъекта к метанарративу⁸⁵, т.е. особому повествованию, существующему в виде структуры, объемлющей

⁸⁴ Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. Berkeley and Los Angeles, 1984. P. 33.

⁸⁵ Скажем, одним из метанарративов является метанарратив прогресса, который повествует о достижении человечеством блага при помощи материально-технического развития, следовательно, прогресс становится особой ценностью, ради обладания которой человек готов пойти на жертвы, скажем, пожертвовать состоянием экологии ради создания материальных благ.

ключевые для социума сюжеты, содержащей систему ценностей и образ жизни, источником легитимности которого выступает государство.

Социальное сознание субъекта и общества формируется исходя из государственных установок, базисом для которых выступают идеи эпохи Просвещения. Главными идеями, воздействующими на индивида и группу, выступают теории о социальной роли науки, теория прогресса, позитивизм и конструирование концепции социального бытия, как части общего целого – государства. Основным направлением философской, политической и социальной мысли, подобно средневековым схоластам, но в новых условиях, стал поиск универсалий – всеобщих концепций, включающих в себя построение универсального дискурса, содержащего в себе потенцию к распространению на глобальный, мировой уровень.

Постмодерн возникает как антитеза модерну. Две мировые войны поставили перед обществом и философами острый вопрос о месте модернистских универсалий в условиях делигитимации государственных институтов и кризиса «Великого нарратива» национальных государств⁸⁶. Итогом этого кризиса стало появление волны критики универсализма. Поэтому основным направлением мыслительной деятельности, при формировании социальных теорий, станет идея деконструкции Великих нарративов модерна. Авангардом интеллектуального сообщества выступили философы, которые сформировали идеи философии постмодернизма. Они выявили, описали и концептуализировали ряд проблем, которые справедливо можно отнести к теме проблемы трансформации социальной реальности.

3. Бауман, признанный социальный философ исследовал социальную реальность через призму категории «современность» (модернити), метко окрестив ее «текучей». Он выделил и исследовал признаки социальной реальности, которую можно именовать современной⁸⁷. Это непосредственно относится к проблеме настоящего исследования. 3. Бауман в своей концепции проясняет обыденную

⁸⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 92

⁸⁷ Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комаров. М. : Питер, 2008. С. 228.

языковую практику называния одних субъектов современными, а других нет, при условии, что и те и другие субъекты находятся в одном историческом промежутке.

Концепт «текущая современность» хорошо схватывает реалии, фиксированные другими философами-постмодернистами при помощи концептов: ризома, имплозия, магический шар и других понятий, которые изымаются из привычного контекста употребления и наделяются новым значением с целью обобщения определенного набора практик, не имеющих до этого адекватного понятийного выражения.

С другой стороны, несомненна дискуссионность такого понятия, вследствие его метафоричности, поэтому предикат «текущий» нуждается в прояснении, особенно в рамках нашей темы о трансформации социальной реальности.⁸⁸ В концепции З. Баумана «текучесть» представляется свойством современного общества, объясняющим его парадоксальную устойчивость в условиях межкультурного взаимодействия и распространения демократических институтов, создающих гетерогенное социальное пространство, сложно организуемое в целое. Текущая современность представляет собой сложное и многогранное понятие, которое описывает изменяющееся общество, где старые формы стабильности и связей уступают место неопределенности, временности и гибкости.

«Текучесть» современности противопоставляется «твердости» классического общества, существующего в границах стройных идеологических систем и государственных институтов⁸⁹. Деконструктивистская тенденция постмодерна способствовала «плавке твердых тел», освободившей базис от политических, этических и культурных переменных, парадоксально сформировав еще более «твердую» систему порядка, толерантную к неэкономическому воздействию, вследствие деконструкции оных⁹⁰.

З. Бауман вводит понятие «разжижение», трактующееся как хаотичный процесс трансформации старых порядков в новую форму. В этой связи, он пишет, что происходит «разжижение» старых порядков, что приводит к формированию

⁸⁸ Там же. с. 136.

⁸⁹ Там же. с. 212

⁹⁰ Там же. с. 9

свободного от надстройки главенства безличной экономической системы, редуцирующей идентичность современного индивида до потребителя⁹¹.

3. Бауман предлагает ряд существенных характеристик «текучей современности». В свете нашего исследования наиболее подходящими представляются три из них, а именно: разрушение традиционных форм социальных связей; индивидуализация и потребительская культура; неопределенность и неустойчивость⁹². Данные характеристики обладают наибольшей репрезентативностью, рассматривая характерные процессы, их последствия и проблемные зоны современной социальной реальности, что актуально для текущего исследования темы.

Бауман считал, что состояние текучей современности приводит к постепенному разрушению традиционных социальных структур и форм социальных связей. Ранее устоявшиеся образцы поведения и взаимодействия, основанные на долговременных отношениях, сейчас заменяются краткосрочными связями. Так, приводится в пример институт семьи, ранее представлявший стабильную базовую единицу общества, ставшую сегодня рассредоточенной, в связи с изменившимся урбанистическим социальным пространством. Условия постиндустриального общества делают возможным существование индивида и группы вне традиционных форм социальных связей⁹³.

В условиях «текучей» современности приоритет ставится на индивидуализацию и удовлетворение личных потребностей. Люди переносят акцент с коллективных ценностей и обязательств на личные стремления и потребности. Они ориентируются на себя, стремятся к самореализации и максимизации своей индивидуальности. В потребительской культуре, которая активно пропагандируется в современном обществе, люди обращают особое внимание на потребления и приобретение товаров, услуг и статусных символов, формируя тем самым особое, выражаясь языком З. Баумана, «тело потребителя», фокусирующееся не столько на

⁹¹ Там же. С. 145

⁹² Там же. С. 61–189.

⁹³ Там же. С. 160.

достижении нормы, а сколько на фиксации текущего состояния готовности к новому приобретению⁹⁴.

Текущая современность характеризуется высокой степенью неопределенности и неустойчивости. Быстрый темп изменений в разных сферах жизни — социальной, экономической и технологической — создает неопределенность относительно будущего и осложняет прогнозирование. Современные технологии и коммуникации делают мир более цельным и мобильным, т.е. воплощают космополитический идеал. В результате, люди становятся более мобильными, т.е. готовыми переезжать и менять место жительства, работу, круг общения и даже культурную идентичность. В то же время индивид переживает чувство безысходности и тревожности в условиях постоянной необходимости адаптироваться к изменениям и пересматривать свои цели и планы, что в свою очередь коррелирует с массовостью такой тенденции, создающей дополнительное пространство для соперничества в границах приобретения социальных знаков и символов, повторно создавая пространство тревоги⁹⁵.

Представленная концепция имеет как ряд серьезных допущений, так и соотносится с общими для постмодернистского дискурса позициями. Общим является представление современной социальной реальности как гетерогенного пространства, ввиду многосложного соединения разнокультурных элементов в глобальном экономическом пространстве. Для такого пространства характерен процесс обезличивания индивида до «человека-массы», сопряченного стереотипной системе ценностей.

Жан-Франсуа Лиотар, французский философ-постмодернист, занимался анализом состояния социальной реальности через призму краха «Великого нарратива»⁹⁶. В своей работе «Состояние постмодерна» Лиотар большое значение придает понятию дискурса, разделяя его на типы, в зависимости от характера повествовательных структур в обществе – нарративов. Такой акцент не случаен, Лиотар солидарен с позицией Л. Витгенштейна, а именно с его концепцией

⁹⁴ Бауман З. Мыслить социологически / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Аспект-пресс, 1996. С.20

⁹⁵ Там же. С. 206.

⁹⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 79

языковых игр, как особого механизма формирования социальной реальности, возможной к конструированию посредством контекстуальности коммуникативных ситуаций⁹⁷. Такая оптика считается подходящей под описание современной действительности, состоящей из множества конструируемых симулятивных элементов.

Лиотар создает систему, описывающую процесс трансформации определенного дискурса в зависимости от исторического периода. Так, он выделяет три вида нарратива:

1. «легитимирующий» макронарратив, целью которого является обоснование господства, существующего политического строя, моральных норм, законов и образа мышления, формирующихся исходя из структуры социальных институтов;

2. «языческий» микронарратив, обеспечивающий целостность повседневной жизни посредством формирования нарративов в первичных коллективах, где микронарративы не претендуют на власть, существуя в закрытой коммуникативной среде – семье;

3. «дискурсивный» метанарратив, создающий пространство для существования каждого из уровней нарратива, поддерживающий механизмы управления, посредством создания «социальной мифологии».⁹⁸

Рассматривая нарративы, Лиотар описывает современную социальную реальность в состоянии «после современного» («постмодерна»), для которой характерен процесс делигитимации метанарративов, т.е. утраты доверия со стороны социума к особым повествованиям, содержащим систему ценностей и определенный образ жизни: метанарративы снижают влияние на общество, т.к. государство, транслирующее и навязывающее эти повествования, утратило свою легитимирующую силу вследствие катастроф XX века, например, две мировые войны, которые показали разрушительную силу прогресса, который поддерживали мировые державы.

⁹⁷ Там же. с 29

⁹⁸ Там же. с. 10–39

Идеи Лиотара в контексте рассмотрения социальной реальности могут быть сведены к нескольким ключевым позициям. Во-первых, он утверждает, что с появлением постиндустриального общества и культуры постмодерна меняется статус знания. Знание является неотъемлемой частью культуры и представляет собой разновидность дискурса. В информационную эпоху знания приобретают форму товара.

Лиотар считает, что прежний принцип, согласно которому получение знаний связано с формированием разума и личности, устарел и будет утрачен. Производители и потребители знания начинают относиться к нему как к товару, имеющему стоимостную форму. Знание производится и будет производиться с целью продажи, оно потребляется и будет потребляться для увеличения добавочной стоимости и для обмена. Знание перестает быть самоцелью, как ранее, и, парадоксально, со временем теряет свою потребительскую ценность, т.к. знание, приравниваясь к товару, попадает в действие товарно-денежных отношений, а у товара есть свойство терять свою актуальность⁹⁹.

В форме информационного товара знание становится ключевым элементом для укрепления производственной мощи. Модернистская (позитивистская) идея о науке как «спасителе» человечества от глобальных проблем более не признается широкими массами, потому что стали актуальными альтернативные идеологические системы, например, массовая культура. Наука воспринималась как нарратив, стремящийся к глобальной экспансии во все сферы социальной реальности, но теперь становится лишь инструментом для оптимизации производственного процесса и создания новых областей потребления. Пропитывающая урбанистическое пространство позитивистская идея прогресса как чего-то самоценного, основанного на прагматике внутренних законов, имплицитно интериоризируется в субъекте в виде различных артефактов мировоззрения. Это уместно коррелирует с модусом *homo economicus* и его характерной чертой – достижением блага путем увеличения предметов потребления.

⁹⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 112

Таким образом, Лиотар воспринимает социальную реальность как гипертекст, структура которого определяется его дискурсивными ограничениями, которые формируются посредством совокупности языковых игр и закреплены институциями. Такой гипертекст являет собой структуру, в которой дискурс является элементом, формирующим правила, которые легитимируют науку, культуру, а также государственные и социальные институты в целом. В условиях утраты легитимности социальное пространство нестабильно. Нестабильность, или хаотичность, является, согласно Лиотару, общим состоянием современной, постмодернистской социальной реальности¹⁰⁰.

Если Ж.-Ф. Лиотар настроил свою исследовательскую оптику в социально-гносеологическом ключе, интересуясь генезисом и наличествующим состоянием сложившейся социальной реальности, то Ж. Делез, французский философ, социолог и политический теоретик, концептуализировал состояние социальной реальности, предложив иную оптику рассмотрения отношений в новой социальной ситуации. Ж. Делез разработал свой собственный подход к анализу социальных процессов и структур, который отличается от традиционных подходов, таких как марксизм или структурализм. Отличие усматривается во введении новых понятий и элементов в исследовании социальной реальности, таких как: «различение» и «дифференциация», «рефрейминг», «микроуровень», «субверсия» и т. д.

Также влиятельным аспектом философской деятельности Делеза в рамках нашего исследования является его языковая концепция, различающая имя и имя события. Он признает амбивалентную языковую социальную природу события, существующую не как ноумен (вещь в себе), а как «фиксированный в языке предел»¹⁰¹.

В социальной теории Ж. Делеза важную роль играют понятия «различение» и «дифференциация». В то время как традиционные подходы обычно стремятся к выявлению общих закономерностей и установлению всеобщих принципов, Делез подчеркивал значение различий и дифференциации в социальной реальности. Он

¹⁰⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 130

¹⁰¹ Делез Ж. Логика смысла. / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : Академический проект, 1998. С. 45

считал, что социальные отношения и процессы формируются из множества взаимодействующих и динамичных элементов, а не подчиняются универсальным правилам¹⁰². Делез полагал, что социальные реальности и отношения не следуют линейным моделям или определенным правилам, а складываются из множества взаимосвязанных и динамичных элементов. Более того, что различия и разнообразие формируют основу современного социального мира¹⁰³.

Ж. Делез разработал понятие «рефрейминга», которое предполагает преобразование существующих социополитических норм и условий. Вместо того, чтобы просто анализировать существующую структуру и условия, он предлагает рефреймить, т.е. изменять оптику исследования и осмыслять мир в новом свете, «расширять» существующие рамки и условия, чтобы создать новые пути мышления и действия. Суть «рефрейма» заключается в возможности расширения представлений и ухода от стереотипизации в вопросах, связанных с пониманием того, что создает потенцию к усматриванию новых возможностей в переоценке фактов и явлений¹⁰⁴. Это позволяет найти альтернативные точки зрения и подходы к пониманию мира и его комплексных взаимосвязей. Он подчеркивал значение изменения контекста и восприятия в процессе трансформации социальной реальности.

Сущностное отличие подхода Делеза в изучении социальной реальности основывается на деконструкции модернистской, вертикальной, древовидной структуры познания. Взамен вертикальной иерархичной системы он, совместно с Гваттари, предлагает ризоматичную модель – множественную и неиерархичную, основанную на горизонтальной, межвидовой и плоскостной форме связи, образующую гетерогенное пространство реальности¹⁰⁵. Предлагается переосмысление доминирующей на Западе бинарной модели знаний, трансформировавшуюся в ризому, как постоянно расширяющийся лабиринт без

¹⁰² Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковского. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 51.

¹⁰³ Делез Ж. Логика смысла. / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : Академический проект, 1998. С. 146

¹⁰⁴ Делез Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екб. : У-Фактория, 2007. С.135

¹⁰⁵ Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. М. : Астрель, 2010. С. 6.

центра, в котором отсутствует начало и фиксированный конец. Гетерогенное пространство без границ представляет собой самостоятельную ризоматичную структуру без конкретного референта, но, в связи с другими множествами, образующей детерриториализированное пространство.

Современная социальная реальность представляется как сегментированная структура, сотканная из множества частей, не соединяемых принципиально, существующих в цикличном режиме смены друг друга в установленных общих границах¹⁰⁶. Делез проводит грань принципиального различия между сегментацией общественных структур в древнем мире и в современном (жесткая и мягкая соответственно). Жесткая пребывает в бинарном модусе, покоясь в самом себе и зависима от текущих «крупных машин» бинаризации: государство, церковь, институты. Такая сегментарность имеет круговую структуру, стремящуюся свести свои границы к центру. Делез именует такую сегментарность линейной, выражая ее в образе дерева, где древовидность формирует жесткую детерминацию однородного пространства, соразмерно принципу дихотомии, концентрирует противоположности в самом себе¹⁰⁷.

Жесткой, линейной сегментации Делез противопоставляет мягкую, ризоматичную структуру, рассматриваемую не как два разных состояния одного и того же процесса, но как два различных процесса. Если в первобытном обществе действия в структуре регламентируются кодом и детерриторизацией, то в современном – слабые коды подвергаются шифрованию, приобретая сверхкодированное состояние. В условиях утраты детерриторизации, ей на смену приходит специфическая ретерриторизация: «наши общества продолжают плавать в гибкой ткани, без которой жесткие сегменты не удержались бы»¹⁰⁸. Таким образом, формируется особая структура реальности, главным трансформатором которой является политика, существующая одновременно как макрополитика, так и микрополитика.

¹⁰⁶ Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. М. : Астрель, 2010. С. 347.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же С. 349

Так, Делез предлагает систему, которая включает в себя гетерогенное пространство, в котором любое общество или индивид пересекается двумя сегментарностями: молярной и молекулярной – жесткая структура, оставляющая пространство для существования бессознательных аффектов, и мягкая, состоящая из множества элементарных единиц, созависимо существующих друг с другом. В традиционных подходах акцент ставится на исследовании макроуровня, а именно – государственных структур и политических институтов. Делез же исследовал социальную реальность, вырабатывая новый язык, объясняющий актуальные тенденции при помощи, например, таких концептов как микрофизика власти, молекулярная политика и субверсивные практики¹⁰⁹.

Вместо поиска единого и всеобъемлющего объяснения социальной реальности, Делез признавал ее множественность и плюрализм. Он подчеркивал значение многообразия и разнообразия в социальном мире и призывал к принятию этой плюрализации вместо стремления к единодушию.

В целом социальная теория Ж. Делеза представляет собой подход к анализу социальной реальности отличный от традиционных подходов по своему фокусу на различии, дифференциации, рефрейминге, микроуровне и плюрализме, что делает его уникальным и особым в контексте социальной теории. Его работы в поле социальной и политической теории оказали значительное влияние на оптику современного анализа данных объектов.

Мишель Фуко – французский философ постструктуралист, который исследовал в своих работах социальную реальность, подчеркивая роль власти и знания в формировании общественной действительности. Основные работы Фуко связаны с проблематикой истории культуры и определения места знания и отношения внутри и между дискурсами. В своих исследованиях он стремился выявить историко-культурные и антропологические условия формирования современного знания и социальных институтов, уделяя особое внимание анализу различных форм насилия и власти, представленных как основные дефиниции современной социальной реальности.

¹⁰⁹ Там же С. 370

На раннем этапе создания своей концептуальной схемы Фуко считал, что история не имеет объективного смысла, а различные культуры и эпохи не могут быть поняты в рамках единой универсальной теории. Он утверждал, что каждое историческое событие имеет свой уникальный контекст и не может быть объяснено с точки зрения общих закономерностей. Ключевыми понятиями в работах Фуко, выстраивающими его концепцию описывающую социальную реальность, являются «дискурс» и «эпистема». Где дискурс — совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций¹¹⁰. Фуко дает начало представлению о дискурсе, как о сложной коммуникативной системе, включающей в себя иерархию знания и экстралингвистические факторы, такие как: идеологические пресуппозиции, знания, мнения. Дискурсы формируются в системе отношений конкретной эпистемы, одной из трех, сменяющей друг друга посредством двух «разрывов», создающих три эпистемы — ренессансную, классическую и современную. Эпистема представляется как обусловленное исторически культурно-когнитивное априори, совокупность правил и отношений в конкретном месте и времени.

Важнейшим вопросом исследования является определение формы знания и культуры в разных эпистемах, противопоставляемых линейному представлению об истории, и не обладающих универсальной значимостью, а напротив — определяющихся конкретными дискурсами. Эпистема формирует индивидуальный порядок, схему восприятия действительности, языковые коды и иерархию общественных практик, в сумме с археологическим подходом Фуко, делающим возможным поиск скрытых форм знания¹¹¹. Так, каждой эпистеме соответствует своя модель видения мира: для ренессансной — подобие знака и вещи; для классической — атрибутивность знака и вещи, включение вещей в знаки универсальной модели; для современной — трансцендентальность, уход от тождества

¹¹⁰ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М. : Касталь, 1996. С. 108

¹¹¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб. : А-сad, 1994. С. 16.

и различия знака и вещи в сторону «идеальных сущностей», таких как: труд, язык, жизнь и т. д.

Данный подход к разделению социальной реальности на три эпистемы имеет высокую степень критичности, в том числе и самим Фуко. Однако если опустить критику универсализма, то аргументация в отношении формы знания и его влияния на реальность остается валидной. Так, Фуко анализировал, как знание и механизмы контроля используются для управления людьми и создания социальных норм. Он исследовал, как различные формы знания, такие как медицина, психиатрия и социальные науки применяются для регулирования поведения и мышления людей. Утверждая, что наша идентичность формируется под влиянием социальных и культурных факторов, поднимая проблему детерминизма человеческой судьбы, а именно – свободы.¹¹²

Сфокусировавшись на проблеме свободы личности, Фуко высветлил особенности социальных практик, акцентируя внимание на влиянии дискурса на вовлечение политической власти и технологий в социальное пространство. Фуко утверждает, что власть проникает в жизнь индивида не только через политические установки, но и через управление его здоровьем, размножением, трудоспособностью и другими аспектами биологической жизни. Эта позиция выражается в концепциях биополитики и биомощи, показывая, как власть проникает в различные аспекты жизни индивида, регулируя их через инструменты знания и контроля¹¹³.

Обращая внимание на то, как социальные нормы и дисциплина формируются и поддерживаются через такие институты как семья, образование, медицина, тюремная система и т. д., Фуко усматривал связь между развитием социальных отношений и пенитенциарной системой. Он выявляет структуру, способную к синхроническому переносу тюремной модели на основные институты власти, воздействующие на поведение и самоощущение индивида, доминирующие в пространстве социального взаимодействия¹¹⁴.

¹¹² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. С. 352.

¹¹³ Там же. С. 201

¹¹⁴ Там же. С. 104.

М. Фуко в своих работах проблематизировал структуру социальных отношений и структуры власти, а также способы их функционирования. Он выдвигал идеи, способствовавшие развитию критических теорий в области социологии и философии, подчеркивая роль власти, знания и их воздействия на общество. Близкими к исследованиям М. Фуко являются работы Ж. Бодрийяра, т.к. последний, как и первый, исследовал машинерию социальных структур, довлеющих над индивидом.

Жан Бодрийяр – французский философ-постмодернист, который создал систему восприятия современной социальной реальности сквозь оптику критического подхода. Рассматривал актуальные процессы трансформации социального мышления и социального порядка в их «инаковости», т.е. противопоставлении привычным (модернистским) схемам социальной реальности. Ядром социальной теории Бодрийяра выступает рассмотрение реальности как знаковой системы, существующей в пространстве гиперреальности, т.е. симуляции, синтезирующей действительность и фантазии таким образом, что невозможно отличить первое от второго. Социальная реальность выражается в образе тотального театра, который означает динамическое пространство, в котором утратило свое значение различие субъекта и объекта, а вместо этого различия появляется тактильно-эстетическая (aisthesis – греч. чувственное восприятие) среда¹¹⁵. В настоящей среде происходит слияние реальности и воображения в одно целое, что выражается в структуре, привлекающей субъектов социальной реальности процессом, дающим эстетическое наслаждение, но приводящего к состоянию, в котором отличить реальность от симуляции невозможно¹¹⁶.

Социальная теория рассматривается в широком спектре монографий: «Общество потребления» (1970), «Символический обмен и смерть» (1976), «Симулякры и симуляции» (1981). Бодрийяр рассматривает процесс трансформации логики потребления, как «фундаментальной мутации в экологии человеческого пространства». Система производства вышла далеко за границы закона спроса и

¹¹⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : «Добросвет», 2000. С. 133

¹¹⁶ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев и др. М. : РОССПЭН, 2004. С. 54

предложения. В постиндустриальном обществе, т.е. в современности, Бодрийяр усматривает процесс создания искусственной среды потребляемых вещей, создающей особый ритм, интериоризирующий в индивиде наиболее рациональную модель жизни, основанную на системе соответствия модусу *homo economicus*. Формируется особая логика потребления, где на смену потребительской стоимости благ и услуг, а также удовлетворению потребностей, приходит логика генезиса социальных знаков и символов, определяющихся социальной логикой, а не индивидуальной¹¹⁷.

Процесс потребления выступает как часть рациональной систематизации производительных сил, индивидуализируя не действительную цель субъекта, а скорее его неререфлексируемую потребность в борьбе с отчуждением. Борьба с отчуждением парадоксально включает субъекта в еще большую систему потребления, выступающую механизмом включения индивида в обобщенную аксиологическую систему социального обмена¹¹⁸. Потребление выполняет также и функцию социализации, позволяющую идентифицировать схожую в ценностях группу людей или индивидов. В данной системе – производство и потребление – есть один логический процесс, возводящий потребление в ранг общественного труда. Потребитель, включаясь в производственную цепь равноценно труженику, поддерживает общее социальное пространство, не допуская его деградации. Потребление приобретает дискурсивный характер, являясь частью объективной реальности, пропозиционно существует как в повседневном, так и в интеллектуальном дискурсе, где обретает силу «здравого смысла», становясь фундаментальным измерением общественной жизни¹¹⁹.

Одной из характерных черт социальных теорий философов-постмодернистов является деконструкция или критика «классических» социальных теорий. Так, Бодрийяр выступает критиком теории Маркса о политической экономии, считая ее недостаточно радикализированной. Бодрийяр считает, что Маркс, трактуя

¹¹⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Издательство АСТ, 2020. С. 148

¹¹⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 102

¹¹⁹ Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с фр. А. В. Качалов. М. : Рипол-Классик, 2019. С. 35

потребительную стоимость как досоциальную и трансисторическую, сам становится апологетом той самой системы политической экономии, где выявляется действительное содержание его революционности, заключающееся в оппортунизме. Бодрийяр предлагает радикализировать критику, а точнее, обобщить до границ социальной реальности, считая ошибкой отведение политической экономии места исключительно как системе производства, распределения и потребления материальных благ. Потребление выступает как всеобъемлющая общественная практика, формирующая не только свой дискурс, но и аксиологическую систему знаков¹²⁰.

Бодрийяр предлагает синкретическую модель понятийного аппарата, направленного на обобщение критики политической экономии, которая выражается в новом понятии «знаковая стоимость». Он объединяет понятие товара, предложенное Марксом, вместе с семиотикой Соссюра, выходя за границы простого различения, выявляет специфическую предметность товара и знака, экономики и культуры¹²¹. Эта специфика выражается в трансформации знака и товара в нераздельную структуру, в которой первое и второе более не отдельные специфические пласты восприятия, а единая система, в которой товар приобретает знаковую стоимость. Он более не определяется потребительской стоимостью в Марксовом смысле, а является продуктом в семиотической системе, выстраиваемой производством знаков, которые и занимают место товара.

Такой подход обуславливает социальную теорию Бодрийяра, выраженную в смене классического подхода к системе производства-потребления, представляя ее в новой семиотической форме, где знаки-символы, знаки-товары становятся определяющими культурными единицами для описания актуального состояния не только культуры, но и общества и общественных законов в целом. Бодрийяр усматривает в социальной реальности сочленение экономики и культуры не только через Марксову конструкцию базиса и надстройки, но и как особой знаковой

¹²⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : «Добросвет», 2000. С. 164

¹²¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. М. : Академический Проект, 2007. С. 120

системы, становящейся элементом массовых социальных процессов¹²². В этом процессе синтеза культуры и экономики усматривается генезис нового статуса труда. Где на смену труда производительного приходит труд воспроизводительный, воспроизводящий сам себя в качестве общественного знака¹²³. Становясь знаком, труд утрачивает свое основание «праксиса», т.е. связи с деятельностью по созданию блага; труд, в таком случае, переходит в зависимость от формы, т.е. для субъекта социальной реальности необходимо выглядеть трудящимся, но не обязательно им быть. Тем самым, субъект социальной реальности включается не в процесс построения общего блага, а в процесс социализации. Бодрийяр, в данном случае, говорит о включении субъектов социальной реальности в самореферентную, т.е. отсылающую к самой себе, модель воспроизводства знаков. Таким образом Бодрийяр провозглашает принцип главенства знака и символа над реальностью, который формирует современную социальную реальность – мир симуляции и симулякров¹²⁴.

Если марксистская мысль была характерной чертой раннего творчества Ж. Бодрийяра, то Ю. Хабермас остается на неомарксистских позициях на протяжении всего философского пути.

Социальная реальность, излагаемая Юргеном Хабермасом в его трудах, представляет собой сложную многомерную структуру, которая включает в себя социальные отношения, институты и коммуникативные процессы в рамках модернистского общества. Хабермас рассматривает социальную реальность как результат взаимодействия между различными формами деятельности и коммуникации, представляя ее как состоящую из контрафактических притязаний на значимость¹²⁵. Отношение к процессам в структуре социальной реальности описано в его ранней работе «Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества» трансформируется в актуальном тексте «Новое структурное изменение публичности и делиберативная политика».

¹²² Там же. С. 95

¹²³ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : «Добросвет», 2000. С. 24

¹²⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 74

¹²⁵ Хабермас Юрген Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай. М. : Праксис, 2010. С. 15

Один из ключевых аспектов Хабермасовской концепции социальной реальности — это идея публичной сферы. В ранней работе, посвященной структурным изменениям публичной сферы, Хабермас утверждал, что публичная сфера представляет собой пространство, в котором индивиды могут взаимодействовать и свободно обсуждать общественные вопросы – без принуждения и доминирования. Он считает, что открытый и плюралистический обмен идеями и мнениями в публичной сфере способствует формированию легитимных политических решений¹²⁶. Это становится возможным посредством обретения авторского доступа индивида к публичным информационным источникам, ставшим современным инструментом коллективного и конвенционального принятия решений¹²⁷.

Другой важной концепцией Хабермаса является «теория коммуникативного действия», которая уделяет особое внимание языку и коммуникации в социальной реальности. По его мнению, коммуникативные действия являются основой формирования и поддержания общественного порядка. Хабермас считал, что в идеальной коммуникативной ситуации участники общаются между собой на равных, свободно выражая свои мнения и идеи. Так, Хабермас заимствует из феноменологии понятие «жизненного мира», как инструмент понимания коммуникативных процессов в современной социальной реальности, которая получила потенцию к глобальности коммуникационного пространства.

Также важным элементом Хабермасовской концепции социальной реальности является понятие «рассудочность»¹²⁸. Хабермас признает, что в обществе существуют различные интересы и взгляды и их столкновение может быть конфликтным. Однако он считал, что рассудочное общение и спор, обоснованный аргументацией и взаимным пониманием, может помочь в поиске справедливых и общеприемлемых решений. Он разделяет понимание общества на два уровня: жизненный мир, как пространство символического воспроизводства, и самоинтерпретации и систему действий, как образ для стороннего наблюдателя.

¹²⁶ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачина. СПб. : Наука, 2001. С. 72.

¹²⁷ Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Berlin, 2022. S. 10.

¹²⁸ Хабермас Ю. Спектр критикуемых выражений / пер. с нем. А. Б. Рахманова // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2). С. 303.

Хабермас настаивает на восприятии общества в призме двух уровней, признавая невозможность достаточного объяснения процесса общественного воспроизводства только с позиции коммуникативной рациональности.

Однако Хабермас в актуальной работе «Новое структурное изменение публичности и делиберативная политика» изменяет отношение к процессам, проходящим в публичной сфере, с оптимистичного на пессимистичный¹²⁹. Он считает, что цифровые медиа искажают, ослабляют делиберативную демократию. Цифровые платформы угрожают политическим дискуссиям, их серьезности, глубине и качеству. Так как, по Хабермасу, дискурсивная этика исходит из ряда формально-прагматических предпосылок, главной из которых является совместный поиск истины¹³⁰. Он строит базис своей теории на основе концепции идеальной языковой ситуации – ситуации, в которой имеет место принуждение аргумента и наличие прагматического условия: «непринудительное принуждение лучшего аргумента»¹³¹. Однако актуальное состояние публичной сферы опровергает эту гипотезу.

Социальные сети демократизируют общение, создают пространство для обсуждения имеющего эголитарный потенциал. Однако происходит обратное – возникает авторитарная система, т.к. идеальная языковая ситуация исключает равенство, создавая пространство, в котором интеллект с его профессиональными навыками всегда будет выше обывателя. Новая публичность не структурирована и лишена шлюзов и фильтров, эффект эгалитаризма интернета обрушил авторитетность официоза, что, с одной стороны, дало массу свободы, а с другой – породило дискурсивный (речевой/языковой) хаос, спутанность понятий и аргументаций. Этот вал превращается в «своевольную гримасу цифровых концернов, которые управляют миром»¹³²; вместо мнения и позиций граждан. Информация трансформируется в товар, происходит экономизация и утилизация

¹²⁹ Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik / J. Habermas. – Berlin: Suhrkamp, 2022. –108 s. s. 72-80

¹³⁰ Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева. СПб. : Наука, 2001. С. 77

¹³¹ Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik / J. Habermas. – Berlin: Suhrkamp, 2022. –108 s. s.46.

¹³² Там же. s.42.

общественного мнения, где ключевой характеристикой информации является не позиция, а степень эмоционального вовлечения потребителя. Точка зрения превращается в товар, а публичность – в псевдопубличность, формируемая вокруг лидеров мнений и характеризующаяся спонтанным возникновением полярных взглядов.

С вхождением в мир социальных медиа все становятся потенциальными авторами, однако возникает разрыв между потенцией и сущим. Формирование мировоззрения и позиций исходит из спонтанного вала мнений некомпетентных субъектов, у которых отсутствует должная квалификация. Индивиды не готовы быть авторами и становятся экономическим ресурсом¹³³.

Таким образом, социальная реальность в трудах Юргена Хабермаса объединяет понятия публичной сферы, коммуникативного действия и рассудочной дискуссии. Он проблематизирует понятия свободы и равноправия в общении, как инструменты формирования общественного порядка для поиска справедливых решений.

Коммуникация как сущностная характеристика социальной реальности находится в центре работ П. Бурдьё, французского социолога и философа, в своих работах уделявшего особое внимание изучению и анализу социальной реальности. В его трудах представлены оригинальные концепции и методологические подходы, дающие возможность эксплицировать структуру социума и систему взаимодействия внутри него. Бурдьё предлагает взглянуть на социальную реальность как на объект, который формируется и подвергается изменениям под воздействием принципа двойного конструирования социальной реальности¹³⁴. Данная оптика делает возможным преодоление генеральной проблемы анализа социальной реальности – разрыва между объективным и субъективным подходом ее изучения.

П. Бурдьё предложил совмещение двух основополагающих подходов к изучению социальной реальности. Первый подход базируется на структурализме, рассмотренном выше и представленном Э. Дюркгеймом, он рассматривает социальные системы как объективные структуры, независимые от сознания и воли

¹³³ Там же. С.120.

¹³⁴ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / пер. с фр. В. И. Иванова. М. : THESIS, 1993, С. 148

индивидов, но оказывающие влияние на их действия и стремления. Второй подход, известный как конструктивизм, апологетом которого является А. Шюц, раскрывается в позиции, обуславливающей действия индивидов их жизненным опытом, социализацией и приобретенными предрасположенностями, которые являются организующими принципами их действий и формируют социальных агентов как активных участников процесса конструирования общественной реальности.

Бурдьё считает такое противопоставление подходов искусственным, из чего следует уместность рассмотрения социальной реальности в призме диалектического единства указанных подходов. Единство выражается в принципе двойного структурирования социальной реальности, а именно в признании существования объективных структур, стимулирующих как отдельно взятого индивида, так и социальные группы к конкретным действиям, независимым от их сознания и воли, а также, что эти структуры являются результатом социальных практик агентов структур¹³⁵. Агенты структуры – индивиды, легитимирующие структуры в интересующих практиках, посредством артикуляции элементов генеральной идеи самой структуры.

Для выражения состояния социальной реальности, а также для эксплицирования социальных структур Бурдьё предлагает оригинальную формулу, отражающую сущность методологической стратегии в современной социальной реальности: <(габитус) x (капитал)> + поле = практики¹³⁶. Далее будут проанализированы составные части данной схемы.

Под габитусом подразумеваются скопления субъективных предпочтений, вкусов, установок, сформированных у индивидов в процессе их социализации. Габитус является своеобразным фильтром, через который индивид воспринимает и оценивает социальную реальность. Он определяет способы взаимодействия с другими акторами и определяет привычные схемы поведения, которые индивид использует для участия в поле.

¹³⁵ Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Издательство «Алетейя», 2001. С. 102

¹³⁶ Там же. С. 17.

Понятие «поле» выступает как интеллигибельная структура, в которой осуществляются социальные отношения. Поле, по его трактовке, это структурированное пространство, внутри которого акторы соперничают за накопление различных видов капитала: социального, экономического, культурного и символического. Капитал понимается как структура господства, существующая в конкретном социальном поле и выступающая как эмпирически постижимая в разрезе интересубъективных практик выбранных акторов. Эти акторы могут быть как индивидами, так и группами, их деятельность и взаимодействие создают своеобразные социальные структуры, формирующие социальную реальность.

Производная трех элементов является важным условием для понимания концепции двойного конструирования социальной реальности. Социальная реальность, согласно Бурдьё, не существует независимо от индивидов, но в то же время они действуют в рамках определенных социальных структур и условий. Он подчеркивает влияние обратной связи между социальной структурой и индивидами: структура влияет на индивидов, а индивиды, в свою очередь, могут влиять на структуру через свои действия и практики.

Исследования Бурдьё позволяют рассмотреть различные аспекты взаимосвязей между акторами, структурами и символическими системами общества, на обнаружение скрытых механизмов и закономерностей, лежащих в основе социальной реальности. Социальная реальность представляется как сеть невидимых связей, образующих особое социальное пространство, являющееся результатом взаимодействия соотносящихся внешних по отношению друг к другу элементов.

Таким образом, исходя из историко-философского анализа состояния социальной реальности в оптике теорий философов постмодернизма, можно выделить ряд социо-политических маркеров, дающих возможность эксплицировать динамику социальной реальности как таковой, а также констатировать факт нарастания темпа социальной динамики внутри социальной реальности, как одного из ключевых показателей ее трансформации. Социальная динамика, являясь крайне проблемным понятием в социальной философии ввиду ее нарастающей скорости, а следовательно, и проблемой для социально-гуманитарного знания, традиционно не

«успевающего» рефлексировать социальные тенденции¹³⁷, в свете настоящего параграфа представляется как ключевая исследовательская дефиниция философов постмодернистов. Ответом на высокие темпы социальной динамики стало многообразие социальных теорий, предложенных и разрабатываемых социальными философами.

Накопление социополитических маркеров, таких как: рост числа контркультурных социальных движений; интенсификация экономических, а следовательно, и коммуникативных процессов, в связи с новой волной научно-технического прогресса и глобализацией; деколонизация, и последующая за ним проблема интеграции процесса перестройки ценностных установок как в микросоциальном, индивидуальном, так и в макросоциальном, т.е. политическом, с необходимостью приводит общество к состоянию неопределенности, вследствие крайней сложности фиксировать текущие изменения, а следовательно и адаптироваться к ним.

В заключение, можно утверждать, что ввиду высокого темпа социальной динамики формируется поле для возникновения политических, социальных и культурных разрывов, в свете настоящего исследования, именуемые кризисом.

§3. Основные идеи теории социальной реальности в постмодернизме

Представив анализ основных концепций философов постмодернизма, в рамках которых ярко раскрывается процесс трансформации социальной реальности в постмодернизме, необходимо дать обобщение философской мысли рассматриваемой эпохи.

Важнейшей общей тенденцией в постмодернистской философии является наличие системного кризисного состояния структур социальной реальности. О наличии кризиса в социальной среде также говорят и трансформации философских подходов для ее изучения. Множество постмодернистских концепций предлагают не

¹³⁷ Холодкова Н. А. Основные подходы к изучению социальных изменений // Социологический журнал. 2002. №1. С. 24

построение идеологических систем для их применения в строительстве государства, а поиск альтернативных точек зрения и смещение акцента с государство-центричной системы на коммуникативную. Роль государства все еще оценивается как значительная, как например, у М. Фуко, но именно intersubjective взаимодействие, отношения человека и государства, человека и общества в целом – становятся главным предметом исследования.

Бодрийяр считает, что социальная реальность находится в кризисе, вызванном, с одной стороны, угрозой дереализации действительности, заменяемой на симуляцию, а с другой – угрозой избыточной реальности, переходящей в состояние гиперреальности¹³⁸. Такое противопоставление может казаться противоречивым, однако это парадокс, ведь Бодрийяр в обоих случаях усматривает проблему подмены реального. Недостаток реального появляется в симулятивном пространстве общества потребления, где генеральный нарратив обрел знаковую форму процесса потребления. Главенство нарратива общества потребления за счет фасцинирующего и апотропийного свойств¹³⁹, т.е. притягательности и устрашения, способно включать субъекта в особую социальную «игру», целью которой выступает доведение симуляции до ее предела – гиперреальности, в которой реальное подменяется симуляцией¹⁴⁰. Проблемой выступает утрата референта реальности, происходит подмена реальности симуляцией, что приводит к отчуждению.

Если Бодрийяр фокусирует оптику на анализе процесса трансформации социальной реальности, то Фуко – на роли социальных институтов и следующей из них машинерии общественных отношений. Как было сказано ранее, уделяя особое внимание анализу различных форм насилия и власти, представленных в качестве основных дефиниций современной социальной реальности, Фуко указывает на разрыв в уместности применения традиционных методов контроля и современными социальными условиями¹⁴¹. Историко-биографические условия философской и

¹³⁸ Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. В. Качалов. – М.: Рипол-Классик, 2019. с. 34

¹³⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 151

¹⁴⁰ Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. В. Качалов. М.: Рипол-Классик, 2019 с. 35

¹⁴¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. С. 251

политической жизни М. Фуко, а именно обширная общественная деятельность и критика существующего социального строя в рамках «Красного мая», имели отражения и в его текстах. Об отражении кризисного состояния свидетельствует также и смена предмета исследования, с эпистемологического на конституирующие социальные структуры.

В своих трудах «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», «Рождение биополитики», «Ненормальные» Фуко исследует психологические проблемы современных людей, вызванные деятельностью «надзирающих» институций¹⁴². Все вышесказанное свидетельствует о наличии институций, деформирующих ментальное состояние включенного в социальные практики индивида. Современная ситуация явственно свидетельствует о катастрофическом разрыве между конвенционально принятой прескриптивной гуманистической нормой и дескриптивной практической нормой, фундированной в имплицитном принципе отношения к индивиду как к функции, приводящей к отчуждению. М. Фуко, вскрывает античеловеческий и противоречивый смысл государства, прокламирующего гуманистические ценности как свою легитимирующую основу, но в этот же час является главным источником закрепощения индивида с целью превращения его в производственную механистическую социальную единицу.

Интересным представляется описание кризиса у не похожих по оптике своего философского анализа социологического подхода П. Бурдьё и эпистемологического подхода у Ю. Хабермаса.

Как было артикулировано выше, Ю. Хабермас высветлил кризис социальной реальности посредством критического анализа собственной концепции «идеальной речевой ситуации»¹⁴³. Технологические возможности современности, на первый взгляд, имеют потенцию для создания равного социального пространства, в котором будут реализованы те самые «идеальные» условия. Однако проникновение в публичную коммуникативную среду профанного, ординарного массового человека, столкнулось с диаметрально противоположной силой – технократической

¹⁴² Там же. с. 381

¹⁴³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачина. СПб. : Наука, 2001. С. 92

манипуляцией, создающей симулятивное пространство, в котором профессионалы обладают крайней степенью суггестии на социум, делая практически неосуществимым создание «идеальной языковой ситуации». Либеративный дискурс, существующий в нормативных рамках логики и «непринуждающего принуждения», оказался возможным к применению только за границами общего публичного пространства, вновь «запираясь» в пространстве научного дискурса.

В то же время, если рассматривать концепцию социального пространства у Бурдьё, может сложиться впечатление, что он занимается исключительно экспликацией законов и принципов социального взаимодействия. Однако в своей работе «Воспроизводство: элементы теории системы образования» (1970), он усматривает в процессе социализации в системе школьного образования неявный акт легитимации символического насилия, закрепленного в процессе воспроизводства социального порядка, базирующегося на «очевидности» основ социальной иерархии¹⁴⁴. Бурдьё критикует гуманистический проект образования, базирующийся на принципах открытости, доступности и равного доступа индивида к возможности обретения социального блага. Кризис гуманистического проекта выражается в несоответствии его состояния и действительности, детерминирующей положение индивида в социальном пространстве сообразно его успехам в образовательной среде, отождествляя их с его личностью. В сущности, Бурдьё говорит о симуляции, вскрываемой посредством нахождения несоответствия пропозиции и действительности.

Та же тенденция описания кризисного состояния социальной реальности наблюдается у З. Баумана, Ж. Лиотара и Ж. Делеза. Общим в их концепциях описания актуального состояния социальной реальности является представление ее как динамической, детерриториализированной структуры, противопоставляемой классической, древовидной вертикальной системе внутренних отношений.

Вторая важная идея философии постмодернизма – это идея изобретения таких методов анализа и языка описания социальных реалий, вредных с точки

¹⁴⁴ Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Просвещение, 2007. С. 54

зрения этих мыслителей, которые бы лишили их влияния на сознание европейского человека. Деконструкция, которая является примером такого метода анализа современности, является общим для философов-постмодернистов. Ж. Лиотар сконцентрировался на исследовании процесса деконструкции метанарративов, т.е. глобальных универсальных мифов¹⁴⁵, как основы модерна и классического общества. Выявляя базовые дефиниции метанарративов модерна, Лиотар усмотрел процессы делигитимации научного знания, прокламируя тем самым кризисное состояние устоявшегося мифа. Катастрофические события середины XX века, а также процесс эволюции капитализма в социально-ориентированный, определили научное знание на службу процесса интенсификации производства и потребления. В условиях кризиса легитимности институций и ослабления силы модернистских метанарративов, таких как идеологический, религиозный, позитивистский, светский – индивид утрачивает доверие к ним, создавая тем самым прецедент потери смысла, как индивидуального, так и глобального¹⁴⁶.

Ж. Делез исследовал широкий спектр процесса трансформации структуры социальной реальности, переживающей кризис соответствия общественному запросу. Древовидные, вертикальные общественные и культурные структуры были дискредитированы катастрофами XX века. Мир на пороге глобализации столкнулся с необходимостью построения такой общественной системы, которая бы отвечала запросу на динамизм, изменчивость, приспособленность к межкультурной коммуникации. В теории Ж. Делеза и Гваттари ведущей идеей становится трансформация структуры общества из вертикальной – жесткой, в горизонтальную, мягкую, концептуально обрамленную в понятие ризомы¹⁴⁷.

Подобная тенденция усматривается и в концептуальной схеме З. Баумана, описывающего состояние социальной реальности как «текущей современности». Предикат «текущий», как описывалось ранее, обладает многообразием смыслового и концептуального спектра. Среди них стоит выделить процесс деструкции

¹⁴⁵ Новейший философский словарь: 3-е изд. / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Мн. : Книжный Дом, 2003. – 1279 с. С. 620

¹⁴⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 112

¹⁴⁷ Новейший философский словарь: 3-е изд. / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Мн. : Книжный Дом, 2003. – 1279 с. С. 829

традиционных форм социальных связей, а также неопределенность и неустойчивость. И первое, и второе, является порождением кризиса старого культурного и общественного строя. Традиционная форма социальных связей испытывает трудности с воспроизводством аксиологических единиц в новых общественных реалиях, что коррелирует с концепцией не только Делеза и Лиотара, но с целой когортой философов-постструктуралистов.

В свете характерной для постмодернистской философии идеи о «смерти автора», а также радикальной гетерогенности социального пространства на первый взгляд кажется, что предмет мышления разных философов выступают разные части реальности, но, парадоксально, указанные выше философы заочно составляют сообщество, которое занималось изучением одной проблемы – кризисным состоянием социальной реальности. Это, в числе прочего, видно из рефрена их работ, где деконструкция становится уже не методом исследования, а констатацией факта «болезни» культуры. В этой связи, исходя из проблемы настоящего исследования, имеет место рассмотрение влияния кризиса на процесс трансформации социальной реальности.

Рассматривая социальный кризис как явление, характеризующееся разрывом между желанной возможностью и нежеланной действительностью, возникает потребность исследовать и детерминировать его последствия. Кризис представляется отправной точкой процесса трансформации социальной реальности. Принимая во внимание множественную трактовку кризисных явлений в различных областях реальности, стоит отметить специфику его влияния на часть реальности, именуемой социальной. Специфика усматривается в связи с неминуемым состоянием дефицита в той или иной части изучаемого феномена.

Социальная реальность фиксируется в конкретной социальной среде, а потому не может долго находиться в состоянии кризиса, вследствие чего возникает стремление к преодолению разрыва между желанным возможным и нежеланным действительным. Преодоление разрыва выступает как процесс трансформации действительности в приемлемое состояние, характеризующееся удовлетворением материальных, культурных, социальных, духовных и других потребностей.

Проблемным является процесс трансформации социальной реальности, состоящий, на наш взгляд, из трех сущностных дефиниций: дефицит, отчуждение и адаптация. Формируемая концептуальная схема не ограничивается тремя дефинициями, среди прочих стоит отметить: индивида, социальные нормы и практики, институции и прочее. Однако в свете настоящего исследования разумным видится концентрация внимания на ключевых элементах, непосредственно связанных с механизмом процесса трансформации.

Каждой из представленных детерминант трансформации социальной реальности соответствует особое место в данном процессе. Социальный кризис выступает первопричиной запуска процесса трансформации социальной реальности. Кризисное состояние выступает следствием диалектически накапливаемых социальных проблем, выраженных в наблюдаемых дефицитарных материальных и культурных маркерах: безработице, низком уровне доступности и качества образования, высоком уровне преступности, социальных потрясений, ограниченном досуге и прочих.

Если дефицит в классических обществах, в связи с историческими условиями их существования, в основной своей массе распространяется и рассматривается в контексте сложности обретения материальных благ, то с приходом постиндустриальных обществ, проблемы доиндустриальных и индустриальных трансформируются в решение проблем психики и ментального состояния.

Так, одной из главных социальных проблем индустриальных и постиндустриальных обществ, является массовое и классовое состояние отчуждения индивида и групп. Исходя из особенностей урбанистического пространства современного общества (в том числе и индустриального), ставшего основным местом аккумуляции и интенсификации процесса производства и потребления, возникает потребность перестройки и социальных институтов, формирующих новых тип человека – человека массы¹⁴⁸. Это особый социокультурный тип человека,

¹⁴⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. М. Гелескул. М. : ООО издательство «АСТ», 2002. С. 162

характеризующийся утратой индивидуальности, индифферентный по отношению к социальным различиям¹⁴⁹.

Однако принимая тот факт, что человек массы не задействует рефлексивные механизмы, а потому осознать или артикулировать свое состояние представляется если не невозможным, то в крайней степени сложным действием, влияние отчуждения усматривается в ординарном габитусе индивида и группы включенного в постиндустриальные социальные практики. Отчуждение становится результатом пребывания индивида в новом социальном урбанистическом пространстве, где город, обладающий многомерным функционалом, перестает быть местом стечения и встречи множества индивидов, а выступает особым феноменом, который влияет на человека через процесс интериоризации, т.е. структура психики меняется, повторяя структуру города. Скажем, развитие инфраструктуры города и активная трансляция идеи возможности легко добраться из точки А в точку Б отражается на идентификации человека как мобильного субъекта, т.е. того, кто легко добирается из точки А в точку Б. Следовательно, городское пространство влияет на индивида таким образом, что определяет его режим существования.

Отчужденное состояние, ввиду антропологических особенностей человека, таких как: потребность в признании, реализации, творчестве, познании и т. д., вызывает негативный эффект как у индивида, так и у групп. Неудовлетворенность текущим устройством социальной реальности неотвратимо приводит к росту числа социальных потрясений, варьирующихся от частных случаев маргинализации индивидов, не желающих следовать общественным нормам, так и массовых, выражающихся в контркультурных движениях, сопротивляющихся насилию урбанистических и механистических социальных структур, характерных для позднего капитализма. Наиболее ярким примером такого процесса являются массовые движения хиппи в 70-х годах XX столетия, открыто выступающих против переноса аксиологических единиц исключительно в русло товарно-денежных отношений и борьбу за знаки престижного потребления.

¹⁴⁹ Там же. с 165

Подобное явление следует назвать процессом адаптации к новому состоянию социальной реальности. Попытки борьбы с отчуждением имеют волнообразный прогрессирующий характер. После каждого витка борьбы с отчуждением наступает плато, свидетельствующее об успокоении наиболее радикальных социальных течений¹⁵⁰. Состояние относительного «покоя» приводит к рецессии и возврату в привычный габитус общества потребления, что, в свою очередь, вновь обостряет социальные противоречия и дает импульс для нового витка борьбы с отчуждением.

Вследствие подобного процесса накапливаются измененные культурные элементы, передающиеся в социальном пространстве и имеющие возможность привести к качественным изменениям. В свете настоящего исследования массовый процесс адаптации акторов социальной реальности, в конечном счете, приводит к трансформации социальной реальности как таковой.

Подводя итоги следует отметить, что выявлена следующая концептуальная схема процесса трансформации социальной реальности в оптике трудов философов постмодернизма: *дефицит – кризис – отчуждение – адаптация*.

Накопление разного рода дефицитов приводит к состоянию кризиса, который, в свою очередь, запускает механизм отчуждения, а уже он, исходя из невозможности длительного нахождения в подобном состоянии, без угрозы витальным потребностям, приводит к необходимости адаптации, которая становится стартом процесса трансформации социальной реальности.

Таким образом, нам следует сконцентрироваться на исследовании следующих проблем: проблеме дефицита; проблеме отчуждения; проблеме адаптации.

¹⁵⁰ Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. М. : Астрель, 2010. С. 885

ГЛАВА 2

Процесс трансформации социальной реальности в позднем капитализме на основе методов философии постмодернизма

§1. Влияние дефицита на генезис трансформации социальной реальности

Интеллектуальная элита эпохи Нового времени сформировала представление о благополучии в экономическом ключе как цели общества. Скажем, таковы теории справедливого общества Ж. Ж. Руссо, который считал, что все люди должны обладать равными правами, а частная собственность должна быть распределена между всеми гражданами¹⁵¹, или социальная теория К. А. Сен-Симона, в рамках которой основная задача философии – создание разумного общества, характеристикой которого является максимальное предоставление гражданам возможности для удовлетворения их потребностей и справедливого распределения производственных и материальных ресурсов. Наиболее же влиятельными являются теории Дж. С. Милля и А. Смита, в рамках которых Человек стал рассматриваться как *homo economicus*, т.е. социальный субъект, выстраивающий свой габитус исходя из рационалистических убеждений и ценности материального благополучия¹⁵². Такое представление о человеке сохраняет свое влияние и в эпоху постмодерна. Следовательно, в обществе наиболее остро воспринимается состояние дефицита, которое препятствует достижению цели социума.

Так как социум является частью социальной реальности, то в рамках анализа осмысления трансформации социальной реальности в философии постмодернизма необходимо уделить внимание проблеме дефицита. В зарубежной философии осмысление проблемы дефицита привело к тому, что это определение уже не является проблемой только лишь материального (продовольственного) характера, а включает в себя совокупность экономических, политических и культурных

¹⁵¹ Руссо Жан Жак Об общественном договоре / Жан-Жак Руссо ; пер. с фр. С. Н. Южакова. – М. : Игломс Эдишинз, 2012. – 383 с. с. 251

¹⁵² Пигалев А. И. Игры экономического человека и конкурентная среда человека // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 190

факторов, характеризующихся выходом из состояния нормы и определяемых нехваткой должного количества благ¹⁵³.

В социальной теории А. Шюца о конечных областях значений, в рамках которой австрийский философ осмысляет обособленные сферы человеческого опыта и переход из одной сферы в другую, все «жизненные миры»¹⁵⁴, т.е. донаучное представление о мире, по отношению к миру повседневности характеризуются какого-либо рода дефицитом, например, дефицитом активности или дефицитом существования. Повседневность, таким образом, именуется им вслед за Э. Гуссерлем «верховой реальностью»¹⁵⁵. Действительно, человек обладает разноуровневыми потребностями (например, естественные и духовные) и их удовлетворение предполагает разные виды деятельности, но нет такой деятельности, которая бы включала в себя удовлетворение всех потребностей. Следовательно, индивиду необходимы разные виды деятельности. И именно мир повседневности предполагает наличие вариантов, из которых человек выбирает. Скажем, для удовлетворения потребности самореализации человек занимается творчеством, но для удовлетворения потребности питания ему необходимо сменить творческую деятельность на экономическую, например, продать результат творчества для получения ресурсов, позволяющих приобрести продукты питания. Но и экономическая, и творческая деятельность находятся в повседневности как области привычных ситуаций.

Дефицит в рамках социальной теории рассматривает и Ж. Бодрийяр. В своей работе «Система вещей» он указывает на систематичность и бесконечность потребления в современном обществе¹⁵⁶, утверждая, что человек потребляет и вещи, и знаки. Если у индивида есть дефицит калорий, то он потребляет пищу, если есть дефицит признания, то он вступает в коммуникацию, чтобы получить необходимое количество знаков признания (например, комплимент). Разрабатывая проблематику

¹⁵³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 69

¹⁵⁴ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев и др. М. : РОССПЭН, 2004. С. 161–179.

¹⁵⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. М. : Мысль, 2000–2001. С. 403–404

¹⁵⁶ Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : Рудомино, 2001. С. 5

симуляции в социальности реальности, французский философ выявляет проблему «дефицита реальности»¹⁵⁷. Действительно, если субъект находится в симулятивных практиках, т.е. практиках направленных на создание образа, или, выражаясь языком Бодрийера – кажимости, у него возникнет такого рода дефицит. О подобном процессе говорит и словенский социальный философ С. Жижек, а именно о стремлении современного человека к Реальному, в условиях дефицита Реального, вызванного симулятивной природой современной социальной реальности¹⁵⁸.

Необходимо уточнить, что мысли Ж. Бодрийера и С. Жижека при своей схожести имеют отличия, т.к. в первом случае говорится о реальности, а во втором – о реальном. Они отличаются только абстрактно, при использовании этих понятий: «Реальное – это имя воплощенной реальности... Реальное есть результат посредничества сознания между реальностью и психикой»¹⁵⁹. В настоящем тексте мы будем использовать реальность и реальное как синонимы¹⁶⁰.

Социальная теория Ж. Бодрийера находит отражение в происходящих в исторической действительности двойственных социальных процессах. Первый вариант социального процесса – «дауншифтинг» – направление, в рамках которого человек противостоит обществу потребления, отказываясь от его ценностей, например карьеры. Субъект начинает жить «для себя», что предлагается понимать участниками таких практик как непосредственный контакт с реальностью, в экологическом варианте дауншифтинга это означает самостоятельное выращивание продуктов питания, экономии энергии и жизни в природе¹⁶¹. Второй вариант социального процесса – это активное потребление знаков в попытке таким образом восполнить дефицит реальности. Скажем, одной из социальных потребностей является потребность в общении, прескриптивной нормой в удовлетворении этой потребности является реальное общение, т.е. общение в действительности, но оно заменяется большим количеством виртуальных контактов, человеческое

¹⁵⁷ Бодрийер Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : «Рудомино», 2001. С. 66.

¹⁵⁸ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. Артема Смирного. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 11–15

¹⁵⁹ Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти. Волгоград, 2009. С. 18

¹⁶⁰ Там же. с. 17

¹⁶¹ Бодрийер Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : Рудомино, 2001. С. 40

времяпрепровождение осуществляется в виртуальной реальности. Такое состояние привело к появлению феномена «хикикомори», которое получает негативную оценку со стороны психиатров и общества в целом¹⁶², что, например, обозначается проблемой «8050» – содержание 80-летними родителями 50-летнего хикикомори.

Таким образом, проблема дефицита в постмодернистском дискурсе приобретает массовый, даже тотальный характер (т.к. вопрос о реальности и реальном относится к предельным вопросам философии¹⁶³). Дефицит усматривается исследователями не только в экономической (материальной), но и духовной и политической сферах.

Делегитимация современного социального порядка, обусловленная секуляризацией и кризисом идеологий, объективно порождает в обществе массовую потребность в надежном и безусловном основании для построения устойчивой системы ценностей, которая задает социальные нормы, выполняющие ориентирующую функцию. Указанная потребность обусловлена свойством социальных структур, а именно стремлением социума к сохранению своей целостности, которая, в свою очередь, является необходимым условием дальнейшего воспроизводства всего общества как системы, тем самым, можно говорить о телеологической характеристике социума. Однако вследствие ценностного дефицита¹⁶⁴, т.е. состояния недостатка артикулированных предпочтений, или состояния, при котором в существовании субъекта социальной реальности автоматизмы преобладают над творческими практиками, а сам субъект желает обратной пропорции, возникает отчуждение, которое приводит к необходимости его преодоления или смягчения до приемлемого уровня. Парадоксальным образом почти единственным способом преодоления отчуждения является приверженность значительной части общества законам рыночных отношений, которые, собственно, являются одним из источников отчуждения.

В этой связи законы рыночных отношений могут стать одним из оснований для формирования ценностной пирамиды.

¹⁶² Saito T. Hikikomori: Adolescence Without End. Minneapolis, 2013. P. 38

¹⁶³ Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти. Волгоград, 2009. С. 16

¹⁶⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 121

Капиталистическая система представляется социуму как нечто предельно естественное, существующее в рамках собственных законов и неподвластное человеку. В современном публичном дискурсе подобное состояние общественной системы можно выразить через понятие «экологичность»¹⁶⁵, т.е. требующее оптимального количества затраченных усилий для существования. Так, принятие в социуме капиталистического закона как естественного создает эффект освобождения индивида от ответственности за его создание и контроль, ввиду его «естественности» и «независимости» правил, т.е. субъекты в социальной реальности воспринимают его не как созданный людьми (как, например, юридический закон), а как естественный (например, закон притяжения). Сама потребность в определении чего-то «естественного», формируется как ответ на засилье «неестественного», «ненастоящего» или симулятивного в современной социальной реальности. На фоне кризиса институций, которые возлагают ответственность за текущее состояние социальной реальности на социум путем приобщения к социальным и политическим практикам, таким как: выборы, голосования, референдумы и прочее – создается пространство для диссонанса между сущим и должным.

В этой связи, представляется разумным выявление структурных элементов капиталистической системы для понимания каузальных связей между ними в современной социальной реальности. Одним из таких элементов выступает наука и научное знание. В капиталистической системе наука как социальный институт находится в зависимом положении. С одной стороны, наблюдается зависимость от поддержки политической власти, что подтверждается важностью статуса учебного учреждения как государственного, а также системой финансирования средствами государственного бюджета (грантами), с другой стороны, констатируем зависимость от частных предпринимателей, которые выступают заказчиками научных изысканий (например, компания «SpaceX»).

Для успешной организации жизни социума требуется выстраивание цельной аксиологической системы, которая, в свою очередь, является результатом рефлексии

¹⁶⁵ Валько Д. В., Соломко Д. В. Экологичность как междисциплинарный термин // Управление в современных системах. 2020. №2 (26). С. 16

потребностей. Однако, по мнению Х. Ортега-и-Гассет, в условиях существования феномена человека-массы¹⁶⁶ выстраивание подобной системы усматривается проблематичным, т.к. доктрина массового общества предполагает включение денежно-меновых отношений во все сферы intersubъективной деятельности¹⁶⁷, что делает проблематичным построение иных аксиологических систем в социуме. Подобной интенцией, на первый взгляд, обладает научный дискурс, инерционно переносящий ценность научного знания в трансформирующейся действительности.

Особое место в данном дискурсе занимает отношение к знанию как таковому и к научному знанию в частности. Модернистский (позитивистский) подход к науке как к инструменту «спасения человечества»¹⁶⁸ от множества проблем более не признается широкими массами, т.к. был дискредитирован катастрофами XX века. Наука являла собой нарратив, стремящийся к глобальной экспансии во все сферы социальной реальности, а теперь становится лишь инструментом для оптимизации производственного процесса и фундаментом для создания новых областей потребления. Идея прогресса, как чего-то самоценного пропитывает урбанистическое пространство, основанное на прагматике внутренних законов, имплицитно интериоризируется в социуме в виде различных артефактов мировоззрения. Это уместно коррелирует с модусом *homo economicus* и его характерной чертой – достижением блага путем реализации прагматичных установок. В постмодерне эти установки свелись к увеличению предметов потребления¹⁶⁹.

Казалось бы, в современном мире имеет место модель, исходящая только из прагматики существования и закрытия базовых потребностей, однако подобная мотивация более актуальна для доиндустриальных обществ, испытывающих объективные трудности с удовлетворением потребностей. В индустриальную, а тем более в постиндустриальную эпоху, проблема обеспечения базовыми благами уходит

¹⁶⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. М. Гелескул. М. : ООО издательство «АСТ», 2002. С. 162

¹⁶⁷ Там же. С. 160

¹⁶⁸ Касавин И. Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. 2021. №60. С. 219

¹⁶⁹ Пигалев А. И. Игры экономического человека и конкурентная среда человека // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 193–195.

на второй план, а вместе с тем идея индивидуального блага становится над благом коллективным¹⁷⁰. В условиях ослабления силы европейских метанарративов, таких как греческий фатализм, христианское искупление, буржуазный прогрессизм и марксистский утопизм¹⁷¹, индивид утрачивает доверие и к их проводникам – социальным институтам. Подобное состояние недоверия создает тем самым прецедент потери смысла – как глобального, так и индивидуального¹⁷².

Одним из эрзац-объектов смыслообразования¹⁷³ выступает научное знание, которое утрачивает свою легитимность под влиянием следующих факторов: неочевидность вклада науки в решение социальных, экономических и политических вопросов, закрытость внутреннего дискурса, презентация итогов политизированности научного знания – ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, показавшей на что способна наука, вышедшая за границы гуманистического и этического нарратива¹⁷⁴.

Представление широких социальных групп о научном знании редуцируется до понимания науки как набора фактов. В таком понимании, энергизирующим аспектом, т.е. привлекающим внимание, выступает «процесс любования собственным разнообразием, подобно растительному или животному миру»¹⁷⁵. Из этого исходит и эффект «утраты смысла», который создает проблему рефлексии опыта: у человека есть потребность в рефлексии, которая позволяет идентифицировать себя в мире, что необходимо для устойчивости психики, но с «утратой смысла» это невозможно. Именно поэтому в современном мире актуальны психология и психотерапия, как попытка возвращения хотя бы индивидуального смысла.

Говоря о состоянии современной социальной реальности, нельзя упустить один из главных ее элементов. Влияние массовой культуры в послевоенный период

¹⁷⁰ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика; Культурная революция, 2006. С. 73.

¹⁷¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 55

¹⁷² Там же. с. 69

¹⁷³ Т.е. заменителей, с помощью которых индивиды стремятся утолить состояние дефицита, в нашем случае дефицита культурных мифов, способных выступать как фундамент для образования смысла в актуальном состоянии социальной реальности.

¹⁷⁴ Там же. с. 112

¹⁷⁵ Там же. с. 70

увеличивается экспоненциально. Формирование обществ изобилия с их материально-центричной системой ценностей, основанной на доиндустриальном дефиците в сочетании с кризисом «больших рассказов» и процессом глобализации, привели к формированию системы универсальных смыслообразующих знаков, сконструированных в рамках модели общества потребления. Такими «универсалиями» представляются знаки потребления, органично включенные в аксиологию индивида и общества, занявшие место метанарративов¹⁷⁶.

Что послужило причиной органичного включения знаков потребления в ценностную пирамиду индивида? В индустриальный период происходит аксиологический переход от религиозного дискурса к научному. Позитивистский миф работал лишь до определенной поры. В середине XX века, в процессе делигитимации позитивизма, образовалось рудиментарное, фрагментарное мировоззрение индивидов¹⁷⁷. Массовая культура еще оставалась в модернистском, традиционном представлении об общественных идеалах и инерционно пыталась интериоризировать их в общество. Сам процесс делигитимации институций и разложения метанарративов, посредством акта деконструкции стал энергизирующим.

Деконструкция культурных норм, традиционных представлений, ирония и критика институций выступает социокультурным актом, изменяющим социальную реальность. Этот процесс энергизирует общественность, сплачивает отдельные социальные группы в едином порыве деятельности, что создает эффект возвращения «общего дела», присущего модернистскому дискурсу и не нашедшего альтернатив в постмодерне. Данный процесс приобрел особенно широкий характер в 60-е годы XX века. На фоне Вьетнамской войны, Красного Мая 1968 г. во Франции и ожидания культурной революции процесс деконструкции выступал одновременно как акт несогласия и как поле для генезиса «нового» в социокультурном и политическом пространстве.

¹⁷⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала / перевод И. И. Степанова-Скворцова. М. : Политиздат, 1969. С. 130

¹⁷⁷ Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с фр. А. Юдина. М. : «REFL-book», 1994. С. . С.112.

Историческая ситуация, а также философская тенденция критики текущего состояния социальной реальности позволяют говорить о наличии острого дефицита смысла, исходя из которого, естественным становится процесс поиска альтернативных моделей общественных отношений, лишенных тотальной универсализации и допускающих свободное, децентрализованное социальное пространство. Однако процесс решения данной проблемы, т.е. построение альтернативной модели общественных отношений, порождает новую проблему – достижение данного результата возможно только в условиях, если не единой, то, когерентной системы ценностей и отношений, что вновь замыкает процесс борьбы с универсалиями на самом себе, требуя некой направляющей институции.

Обобщая сказанное ранее, проблема дефицита в постмодерне приобретает тотальный характер. Отметим, что проблема дефицита наблюдается и в тех социальных пространствах, которые репрезентируют состояние достатка. Подобное состояние социальной реальности, в котором происходят парадоксальные процессы, относящиеся к антонимичным сущностям, притяжению к благу и отталкивание от него, именуется в работах Ж. Бодрийяра процессами фасцинации и апотропии, которые можно отнести к части единого процесса антропологического поворота, повлиявшего на социальные науки. К указанному процессу относятся два противоположных состояния, концептуализацию которых произвел Р. Отто, речь идет о состояниях *fascinans* и *tremendum*¹⁷⁸.

Современный информационный мир состоит из множества парадоксально соединяемых элементов. Социальная реальность, как результат intersубъективного опыта Человека¹⁷⁹, в эпоху постмодерна пронизана фасцинирующими и одновременно апотропийными свойствами¹⁸⁰.

Согласно Ж. Бодрийяру, фасцинация есть не что иное, как завораживание, гипнотическое обольщение или зомбирование. Социальная реальность представлена образом «тотального театра»: динамического пространства, в котором на месте исчезнувшего различия субъекта и объекта синтезируется тактильно-эстетическая

¹⁷⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Издательство АСТ, 2020. С. 189

¹⁷⁹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев и др. М. : РОССПЭН, 2004. С. 55

¹⁸⁰ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 126

среда¹⁸¹. Происходит слияние видимого и воображаемого в одно целое, что привлекает процессом, дающим эстетическое наслаждение от него самого и правил игры.

Одновременно с притягивающим свойством, в социальной реальности присутствуют и элементы апотропии, т.е. утращения, запугивания, разубеждения и т. п. В настоящем параграфе будет проанализирована часть социальной реальности, находящаяся в парадоксальном, состоянии одновременного притяжения субъекта к текущей реальности и отталкивания от нее; кроме того, будет проанализировано также место дефицита в процессе трансформации социальной реальности. Подобное состояние создает особую проблему осмысления социальной реальности – субъекту трудно различить подлинную и ложную информацию, а, следовательно, и совершить рефлексию дефицитарных основ аксиологии современного массового человека, т.е. тех ценностей, которые конституируют социальные нормы.

Гетерогенность социального пространства в постмодерне, в сочетании с потерей энергизирующего источника в виде метанарратива, проявляется в высокой степени атомизации общества и сопутствующем генезисе апотропийных знаков, ставших следствием технического прогресса и глобализации: к ним относятся угрозы техногенных катастроф в промышленной сфере и, вытекающих из них, экологических катастроф, социальные потрясения в виде локальных войн, содержащих потенцию к глобальному конфликту, а также терроризм.

Подобного рода парадоксальное состояние социальной реальности, одновременно притягивающей и отталкивающей, привлекательной и утрашающей субъекта социальной реальности становится причиной эффекта «утраты смысла» собственной жизни у индивида, дефицита устойчивых аксиологических моделей. Данный эффект проявляется на фоне глубокого кризиса институций, пропитанных симулятивностью, что стало результатом утраты их легитимности, пребывания институций в статусе «общества спектакля»¹⁸², в котором референты легитимности, т.е. политические субъекты, не являются больше актерами политической воли.

¹⁸¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : «Добросвет», 2000. С. 133

¹⁸² Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М. : Логос, 1999. С. 88

Источником процесса фасцинации является состояние *fascinas*, т.е. состояние очарования¹⁸³. В социальной реальности наблюдается ряд объектов, которыми хочет овладеть индивид. Такие объекты порождают очарование, притягивают к себе. В статусе фетиша вокруг них складывается нарратив, который поддерживает определенная социальная группа. Такими объектами сегодня выступают предметы престижа и потребления – бренды, массовая культура, индивидуализированная потребительская корзина.

Подробно рассмотреть фасцинирующие свойства в социальной реальности и место дефицита в ней можно на примере процесса коллекционирования. В процессе гонки за максимизацией прибыли в массовой культуре трансформировалась модель получения дохода. На заре становления кинематографа главным источником дохода являлись кассовые сборы. С ростом масштабов и влияния корпораций, в фильмах появилась неявная реклама - *product placement*, где предметы потребления из реальности помещались в мир кино. Следующий виток увеличения и расширения потребления случился после появления крупных серийных фильмов, таких как: «*Star Wars*», «*Aliens*», «*Star gate*» и т. д. Кино начинает ориентироваться на ранее казавшуюся неплатежеспособную категорию – детей и подростков, являющихся наиболее суггестивной группой. Фильмы перестали быть самодостаточным продуктом и, вслед за образованием фанатских сообществ, открылась новая сфера товаров – фирменная продукция, или «*merchandise*».

Фирменная продукция обладает сильным фасцинирующим свойством за счет узнаваемости, доступности и консолидации. Индивид, обладающий фирменной продукцией, автоматически приобщается к коллективному телу других ее обладателей, тем самым восполняя дефицит целостности. Серийность и разнообразие киновселенных позволяют расширять число фирменной продукции, что мотивирует индивида к коллекционированию продуктов множества франшиз. Коллекционирование *merchandise*'а выполняет две функции: репрезентативную – приобретенные продукты выступают маркерами приобщенности к определенной

¹⁸³ Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевич. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 58

(фанатской) группе; интериоризирующую – сумма коллекционируемых объектов влияет на психику, образуя множество микро-идентичностей у субъекта, которые проявляются через овеществление принадлежности к группе¹⁸⁴.

Процесс накопления предметов обладает фасцинирующим и, как следствие, энергизирующим свойством за счет приобщения индивида к влиятельным смыслам массовой культуры. Нарративы, влияющие на группы «коллекционеров», фрагментарно формируют идентичность, потому что они не являются частью выверенной идеологии. У субъекта нет необходимости фиксировать статичную идентичность, вместо нее формируются микро-идентичности. Современный человек *интериоризирует* в себе множество фрагментарных нарративов, конструируя тем самым свою идентичность.

Но в свете двойственности процессов общества потребления (например, ситуация с автомобилями: с одной стороны, человек получает удобство, с другой, вредит природе, от которой он зависит) в противовес очарованию возникает сопутствующий процесс – апотропия, возникающий посредством состояния *tremendum*. *Tremendum* – состояние страха, которое запускает процесс отстранения от объекта или сдерживание путем разубеждения или устрашения¹⁸⁵. Так, наряду с пропозицией индивидуализированного потребления знаков, присутствуют угрозы, которые являются результатом деятельности человека, включенного в производственно-потребительскую модель. Максимизации производства сопутствует рост темпов загрязнения окружающей среды, политизация экономики приводит к геополитическим конфликтам, которые, в свою очередь, ведут к нарастанию как локального, так и глобального напряжения. В этих условиях, где потребитель выступает главным двигателем спроса, а, следовательно, и тем, кто способствует интенсификации производства, он, *de facto*, становится медианой между терроризмом и ядерной войной, т.к. участием в процессе потребления он легитимирует и политизацию экономики, ввиду тесной связи рыночных отношений и политики.

¹⁸⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. М. Гелескул. М. : ООО издательство «АСТ», 2002. С. 82–89

¹⁸⁵ Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевич. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 21

Описанное двойственное состояние человека в обществе потребления фиксируется только благодаря рефлексии, но, т.к. практики рефлексии доступны только на высоком интеллектуальном уровне, а ощущение этой двойственности все равно присутствует, но в виде аффектов, проблема решается через приобщение к культурно-политическим организациям, ставящим своей целью пересмотр и трансформацию общественных норм в русле отказа от модуса потребления и концентрации на проблемах экологии.

Политические и общественные движения, поднимающие проблему влияния общества на экологию, игнорирование которой сегодня не представляется возможным, попутно формируют апотропийный знак, представленный в виде артикуляции угрозы экологии общечеловеческого масштаба. Проблема заключается во влиянии на природу роста количества вещественных благ: чем больше производство этих благ, тем сильнее разрушение экологии. Так как состояние экологии напрямую влияет на жизнедеятельность человека, то каждый социальный субъект оказывается в ситуации: больше вещественных благ – выше уровень жизни, но, в последствии, хуже природе, которая является ценностью, что подтверждается различными модификациями производства, направленными на минимизацию его негативных последствий. Отличительной особенностью указанного выше процесса является идея трансформации социальной реальности в самом широком спектре взаимодействия ее элементов; от индивидуального габитуса потребителя, базирующегося на аксиологических установках на сохранение окружающей среды, до политических институтов, выступающих глобальным регулятором, направляющим индивидуальные интенции в колею общего дела¹⁸⁶.

Состояние *tremendum* также усматривается и в процессе коллекционирования. В условиях отсутствия доступа к традиционным источникам энергизации¹⁸⁷ в виде метанарратива, интериоризация множества фрагментарных нарративов становится тем самым источником энергизации. Перед субъектом в обществе стоят две задачи: аккумулировать энергию – искать должное количество устойчивых источников

¹⁸⁶ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп. А. М. Руткевича. М. : Издательство «Весь Мир», 1997. С. 173

¹⁸⁷ Макаров А. И. Энергия «проклятой стороны вещей // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 3. С. 91.

энергизации в виде массы микро-идентичностей; сохранять энергию – выстраивать вокруг себя такую социальную среду, которая позволит ограничить количество потенциальных угроз выстраиваемой идентичности.

Если сравнивать процесс коллекционирования в средние века и в современности, то между ними наблюдается ключевое отличие. Коллекционирование ранее являлось частью экстерииоризации деятельности человека, перформацией его идентичности. Например, в Средние века коллекционирование являлось привилегией элит: скажем, правители собирали книги как символ их интеллектуальной развитости или украшения как символ достатка и эстетической утонченности. В современности это обратный процесс: идентичность формируется посредством интериоризации множества микро-нарративов, вещественными знаками которых являются предметы коллекционирования. Индивид совершает акты, или попытки, конструирования идентичности в условиях засилья отчуждающих элементов, с необходимостью присутствия эффекта от включения его в систему общества потребления¹⁸⁸.

Данная тенденция, а именно попытка конструирования идентичности, существует не только в границах индивидуума или частного опыта, а масштабируется до пределов социума как такового. Исходя из справедливой марксистской установки «бытие определяет сознание», можно утверждать, что общественные законы, нормы, процессы, интериоризируются в индивиде не только в виде артефактов сознания и особом габитусе, но и влияют непосредственно на социум.

Отдельного внимания заслуживает потребность субъекта в подтверждении собственной уникальности, актуализированная в современной социальной реальности и выражающаяся, в частности, в процессе коллекционирования. У субъектов социальной реальности потребность в уникальности выражается в разных запросах: величие нации, поиск особенных предметов в виртуальной реальности, особый выделяющийся стиль одежды и т.д. Данная потребность возникает как у

¹⁸⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика; Культурная революция, 2006. С. 101

субъекта, так и в обществе, находящимся под воздействием индивидуалистического нарратива. Сущностной особенностью культуры как системы, является стремление к собственному сохранению и воспроизводству¹⁸⁹. Особое место занимает идея сохранения целостности, продвигаемая социумом посредством норм, в значении не статистическом, т.е. усредненном, а ценностном, т.е. ориентированном на отличия от других культур. Чтобы поддерживать эти различия появляются «нормальные» отличия внутри, позволяющие избежать гомогенности и смешения с другими культурами¹⁹⁰. Каждый отдельный социум, таким образом, обладает рядом прескриптивных норм, которые вербализируются в виде законов, предписаний, маркирующий одно поведение как нормальное, а другое – как патологическое.

Стремление индивида к уникальности обусловлено тем, что он вырос в культуре. Находясь под воздействием интериоризации социальных норм, он вбирает в себя желание поддерживать ее различия, чтобы не допустить ее разрушения, и, следовательно, разрушение самого себя. Стремление быть уникальным исходит из желания поддерживать целостность культуры (ведь ее разрушение приравнивается к смерти), так возникает эффект стремления к уникальности, *de facto*, становящейся потребностью.

Ж. Бодрийяр в своей работе «Симулякры и симуляция» описывает механику парадокса уникальности культуры следующим образом: «Подобным способом любая замкнутая система предохраняет себя одновременно и от референциальности и от страха референциальности — и от всякого метаязыка, упреждая его игрой своего собственного метаязыка, то есть дублируя себя собственной критикой»¹⁹¹. Таким образом, формируется симуляция, которая дублирует и дополняет собой иллюзию референциальности, создавая пространство различия между знаком и реальностью, т.е. должным и сущим.

Любая культура признает себя вечной, при этом признавая смертность, а именно – конечность любого социального или природного образования: «Так, чувство виновности, страх и смерть могут подменяться наслаждением чистыми

¹⁸⁹ Философский словарь / под. ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. С. 206

¹⁹⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 42

¹⁹¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : «Добросвет», 2000. С. 147

знаками виновности, отчаяния, насилия и смерти. Это и есть эйфория симуляции, стремящейся к отмене причины и следствия, начала и конца, к замене их дублированием»¹⁹².

Возвращаясь к вопросу о коллекционировании, в нем видно влияние данного процесса. Серийность и процедурность отличительных маркеров объектов коллекционирования решает проблему груза референциальности, т.е. статичного закрепления идентичности. Возобновляемость приобщает и к общему, не накладывая ответственность на субъекте, и при этом позволяет сформировать идентичность в границах существующих символов-знаков, не выключая его из культурного дискурса.

Феномены серийности, процедурности и возобновляемости выражаются при помощи концепта «модульность». Модульность – свойство системы, в нашем случае – системы производства знаков-символов. Сущностной особенностью указанного свойства является множественное воплощение частных элементов с потенцией к образованию целого. Массовая культура стремится к созданию пространства, которое будет скрывать его симулякральность, т.е. состояние пространства, которое стремится скрыть собственную иллюзорность, как например комнаты страха в Диснейленде, а потому смещает акцент с тиражирования копий на эстетическое и гармонизированное поле. Такой эффект возникает посредством наличия референта у предметной массы современной культуры, которым является концепт-образ. Но, учитывая груз референциальности, возникает потребность в маскировке референта. Такого результата можно добиться посредством использования модульных структур и «моделей для сборки»¹⁹³.

Рассматривая массовую культуру, нельзя не заметить ее модульный характер. Начиная от автомобилей разных комплектаций, конструктора «lego», фигурок «фанко-поп», заканчивая модной одеждой, показами и формированием «идеала» (стандарта) красоты, предлагающего определенные варианты существования телесности. Даже в условиях деконструкции образа «sacred monster», механизм

¹⁹² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : «Добросвет», 2000. С. 148

¹⁹³ См. Х. Картасара «модель для сборки».

остается прежним – предложение различных образов при расширении их количества¹⁹⁴.

В этих условиях можно говорить о парадоксальном социальном феномене, который мы обозначим как «серийная уникальность», имеющий в своей основе социальные концепции Г. Маркузе и его «одномерного человека»¹⁹⁵, а также Х. Ортега-и-Гассета с его размышлениями о технике и потребности в «ненужном как необходимом»¹⁹⁶. Суть социального феномена серийной уникальности заключается в конструировании эффекта «уникальной» идентичности в соответствии с антропологической потребностью ее формирования и сохранения и исходит из продуцируемых, возобновляемых и серийных модулей, предоставляемых массовым производством. Данный феномен следует рассматривать как парадокс, т.к. концепты «серийность» и «уникальность» являются взаимоисключающими, но, несмотря на это, при спросе на уникальность появляются предложения ее формирования, которые, при высоком спросе приобретут характеристики серийного производства. Это становится возможным посредством сокрытия референциальности продуцируемых элементов, т.е. сокрытие референта «уникального» за множественностью подобных ему с помощью умножения количества модулей. Более того, понятие органично встраивается в условия текущей социальной реальности и включает в себя как притяжение к уникальному, так и страх перед серийностью, что позволяет говорить о практической значимости выявления данного феномена, как инструмента для демаркировки ценностных установок индивидов в современном социуме.

Частым случаем в сфере индустрии моды является позиционирование бренда как уникального, более того, обещающего потребителям тоже стать уникальными или в авторском изводе «подчеркнуть уникальность» посредством приобретения соответствующей продукции. Так, британская журналистка и главный редактор американского издания журнала «Vogue», знаменита своей цитатой: «Create your

¹⁹⁴ Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М. : Логос, 1999. С. 111

¹⁹⁵ Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с фр. А. Юдина. М. : «REFL-book», 1994. С. 14.

¹⁹⁶ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп. А. М. Руткевича. М. : Издательство «Весь Мир», 1997. С. 172

own style... let it be unique for yourself and yet identifiable for others»¹⁹⁷. Стоит отметить, что, предлагая «создать свой собственный стиль», предполагается, что субъект обладает возможностью комбинирования существующей одежды. Это видно исходя из продолжения, где предполагается, что этот образ будет уникальным, но узнаваемым, из чего следует, что имеется определенный серийный набор брендовых вещей, который при определенном комбинировании создает эффект уникальности.

Отметим, что концептуализация описываемых состояний *fascinans* и *tremendum* относится к достижению в рамках религиозной философии. Верующего человека притягивает к Священному, к Богу, но также отталкивает страх перед Священным. Немецкий теолог и феноменолог Р. Отто вводит понятия «*mysterium tremendum*» и «*mysterium fascinans*» – чувство непостижимой тайны, вызывающее у субъекта ужас и восхищение¹⁹⁸.

Важным аспектом одновременности разнополярных состояний является единый нуминозный объект, могущественная сила, имеющая возможность влиять на человеческую судьбу¹⁹⁹. Если в религиозном дискурсе данный объект обозначен и поставлен в иерархии ценностей на первое место, то в современном мире его место или пусто, или занято чем-то иным.

Знаки нуминозного объекта или рекуперированы, т.е. включены и трансформированы в знаки потребления, или остались в изначальном состоянии в атомизированных религиозных группах. Религиозный дискурс таким образом также поглощается и входит в знаковую систему товаров в медиакультуре. Он искажается и обезвреживается через нейтральные интерпретации, превращаясь в псевдорелигиозные практики «поиска себя» через психологию и квазисакральные предметы потребления, такие, как «магические» минералы, кольца, ленты и т. п.

Однако, несмотря на редуцированную артикуляцию нуминозного объекта, образовав дефицит смысла, на его место пришла интериоризирующая сила законов

¹⁹⁷ С англ. «Создайте свой собственный стиль... пусть он будет уникальным для вас и в то же время узнаваемым для других»

¹⁹⁸ Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевич. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 21–58

¹⁹⁹ Там же. с. 9–12

капитала²⁰⁰. Множество научных и политических артикуляций роли и места рыночных отношений в современном мире и представлены в виде технической интерпретации рыночных законов, все равно не поддаются четкому контролю и пониманию, потому что отдельный субъект не может контролировать рынок, что видно из истории экономических кризисов последний двух столетий.

Подобное состояние бесконтрольности рыночных законов в сочетании с их степенью воздействующего влияния на индивидуальное и коллективное бытие позволяет предположить, что они могут стать на место «священного», диктующего, в качестве псевдосубъекта (например, т.н. «рука рынка»), навязать свою волю, как индивиду, так и государству, и обществу в целом. Любое действие или событие можно интерпретировать через призму рыночных отношений, и определить его ценность в денежном эквиваленте.

Состояние невозможности контроля над этими законами одновременно притягивает и отталкивает индивида. Лишение субъекта ответственности за легитимацию рыночных законов вводит его в состояние, при котором невозможен безопасный выход из данной ценностной структуры.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Формализованность и симулятивность социальной реальности детерминирует процесс поиска подлинности. При этом социальная реальность подвержена процессам деконструкции, которые, с одной стороны, энергизируют субъектов во время совершения самого акта деконструкции, а, с другой стороны, не могут заменить метанарративы, которые энергизировали субъектов перманентно. По причине этого идентичность, во многом, формируется интериоризацией множества микро-нарративов. В этих условиях, констатируем появление парадокса «серийной уникальности», который предполагает конструирование уникальной идентичности, но которая, на поверку, оказывается, псевдоуникальной, потому что такая идентичность исходит из продуцируемых, возобновляемых и серийных модулей, предоставляемых массовым производством знаков и вещей. Но, в свете дефицита подлинности, субъекты социальной реальности находятся в условиях, не

²⁰⁰ Там же. с. 12

предполагающих иное удовлетворение запроса на уникальность, а фрустрация от отчужденности слишком велика, чтобы отказаться от этого запроса.

§2. Отчуждение как источник процесса трансформации социальной реальности

Во второй половине XX века появились тенденции к проявлению неудовлетворенности нынешним состоянием общества и культуры. Помимо историко-политических преобразований, стал прослеживаться кризис текущего культурного состояния – постмодерна²⁰¹. Массовая культура, согласно позициям многих философов-постмодернистов, в частности, Ж. Бодрийяра и Ж. Делеза, обрела форму бесконечной перекодировки, игры знаков и постоянным цитированием и самоцитированием²⁰². Одной из проблем современного мира считается проблема отчуждения, которая сопутствует процессу глобализации, являясь ее атрибутом, что уже не раз отражалось в научной литературе^{203 204}.

Проблема отчуждения в капиталистическом обществе стала очевидна для философов уже на закате «золотых 60-х» в США, когда на пике жизненного цикла общества потребления трансформировались модернистские ценности, проявления которых будут видны в грядущих десятилетиях. «Золотая эра» в социальной реальности воспринималась как спасательный круг для общества, как некая справедливая данность, органично вписанная в идею исключительности государства и граждан – «in God we trust»²⁰⁵. Стимулируемое постоянным ростом потребительской силы, в условиях разогнанных Второй мировой войной производственных мощностей, благостное состояние просуществовало недолго. Наличие институционально закрепленных позиций модерна было прервано чередой

²⁰¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 92

²⁰² Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века / сост.е. А. Найман. – Томск: «Водолей», 1998. С. 230–232

²⁰³ Крайнов А. Л. Феномен отчуждения как атрибут глобализации: социокультурный аспект // Известия Саратовского университета. 2008. Т.8. С. 32

²⁰⁴ Шетулова Е. Д. Отчуждение в глобальном мире: тенденция развития // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. №3 (27). С. 35

²⁰⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 128

политических прецедентов. Катализатором недовольства сложившимися отношениями индивида и государства станет война во Вьетнаме, обнажившая устоявшиеся проблемные зоны в общественных отношениях, скрываемые эффектом блага потребления. Конфликт материализуется через волну антиправительственных и пацифистских движений, в частности хиппи.

Бодрийяр, описывая проблему разобщенности мира, считал, что процесс глобализации, вызванный позитивными итогами Третьей промышленной революции решит эту проблему²⁰⁶. Тотальная цифровизация, в попытке включить индивидуума в мировое общество, устанавливала взамен локальным культурным нарративам свой – главенство рыночных отношений, приводя тем самым к культурной гомогенизации посредством масс-медиа²⁰⁷. Подобная попытка подмены нарратива встретила сопротивление не только в государствах с традиционным укладом общества, но и в постиндустриальных обществах. Если в первом случае причиной неприятия является влияние традиции, т.е. стремление сохранить традиционные культурные и ценностные устои, то во втором – проблема многоуровневого отчуждения индивида, вызванного включением в дискурс общества потребления²⁰⁸.

Данная попытка формирования нового общественного порядка, основанного на глобальном принятии идеи потребления как высшего блага, имплицитно содержит в себе идею замены старого метанарратива на новый, главной идеей которого является культивирование экономических отношений. Однако, несмотря на то, что одним из базовых критериев постмодерна является деконструкция универсальных истин, субъектам социальной реальности необходимы законы, в рамках которых будет осуществляться коммуникация; именно такими законами стали законы капитализма. Подобная проблема, а именно универсализация ценностей в парадигме рыночных отношений, свидетельствует о необходимости детального контроля процесса деформации устоявшегося порядка.

²⁰⁶ Там же. С. 166

²⁰⁷ Залуни В. И., Немнонов А. С. Социально-культурный проект постмодерна // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. №11 (101), ч.2. С. 162

²⁰⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика; Культурная революция, 2006. С. 147–152

Данный процесс предполагает замещение с частичным сохранением предыдущего нарратива, потому что новые идеи для воплощения в социальной реальности нуждаются в сопутствии старых идей, чтобы первые не воспринимались враждебно. Скажем, так функционирует любая традиция, новые идеи в ней всегда оснащены старыми. Например, вместо святцев в Советском Союзе практиковали издание так называемых красных календарей, в которых были отмечены даты смерти революционеров и, в связи с этим, давались советы как лучше назвать новорожденного, в зависимости от того, когда он родился. М. А. Булгаков в произведении «Собачье сердце» описывает такую практику на примере персонажа Шарикова, который выбрал себе имя Полиграф Полиграфович именно по указанному принципу.

В частности, данная проблема затрагивает в основном развитые общества, прошедшие этап индустриализации и вышедшие на уровень постиндустриального общества. Однако интенция глобализации такова, что предполагает выведение данной модели на мировой уровень с дальнейшим ее принудительным принятием обществами, исходя из сформированного нарратива рационализации²⁰⁹. Функция задержавшегося модерна, представленная в мягкой силе, способствует легитимизации условий нового порядка общественных отношений посредством включения в мировые рыночные отношения.

Таким образом, идеи постмодернизма хоть и были включены в культуру и, более того, активно используются до сих пор, но они не обладают консолидирующей силой, необходимой для функционирования государства, поэтому, в действительности, любая современная культура является гибридной формой, в которой сочетаются модернистские модели управления обществом и постмодернистские идеи функционирования культуры как части общества.

Рабочей моделью общественных отношений предполагается принятие экономической основы и прагматичности идеи потребления – максимальное участие индивида в производственно-потребительском процессе. Индивиду или группе

²⁰⁹ Хало П. В. Наука и образование в эпоху постмодерна / П. В. Хало // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 186–193 С. 191

необходим механизм, с помощью которого возможно достижение блага, в нашем случае – материального. Таким механизмом является всеобъемлющая и разноуровневая конкуренция. Конкуренция вводит в состояние постоянного стресса, необходимости соперничать на всех социальных уровнях, тем самым, все больше втягиваться в процесс производства и потребления²¹⁰.

Прагматичность потребления – необходимое условие для поддержания устоявшегося порядка, где центральной идеей является идея прогресса. Прогресс выступает самореферентным знаком, «универсалией», которая вынуждает человека поддерживать бесконечную гонку за автоматизацией и комфортом. Сам процесс удерживания порядка и комфорта, главной задачей которого является избавление человека от дискомфорта и сохранение текущего уровня потребления, требует колоссального уровня вовлеченности и контроля, что неминуемо заикликает данный процесс на самом себе. Этот механизм можно описать в виде следующей схемы: общество испытывает стресс из-за неудовлетворенных потребностей, затем создает механизм, позволяющий удовлетворить потребности посредством автоматизации. Но процесс поддержания уровня комфорта в условиях отчуждения и постоянной конкуренции опять приводит к стрессу²¹¹.

Отталкиваясь от идей Адама Смита, концептуализируем критерий включенности человека в производственно-потребительскую систему через концепцию *homo economicus*²¹². В данной модели человек одновременно является и объектом рыночных отношений, и субъектом, основывающем свой габитус на рациональных основах. В классическом представлении о *homo economicus* – человек, как существо рациональное, участвуя в рыночных отношениях, стремясь к росту потребления, создает общественные блага²¹³.

Субъект, как мыслящее активное существо, которое может влиять на происходящее вокруг, в модели Э. Дюркгейма позиционируется как социальный

²¹⁰ Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Издательство АСТ, 2020. С. 291

²¹¹ Там же. С. 292

²¹² Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Н. Ключин. М. : Эксмо, 2016. С. 557

²¹³ Пигалев А. И. Игры экономического человека и конкурентная среда человека // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 195–197

автомат, поведение которого детерминировано разного рода социальными конструктами²¹⁴. Выстраивая отношения, субъект может просчитать определенное количество ходов (т.е. спрогнозировать исход) и реализовать выбор в действительности. В таком случае предполагается, что субъект полностью включен в реальность. Рассматривая экономические отношения, субъект, как мыслящее существо, выстраивает определенные отношения с другими субъектами, отталкиваясь от экономической парадигмы, которая накладывает на него определенные пресуппозиции. Пресуппозиции необходимости достижения власти и что все имеет свою стоимость. Тем самым, появляется аксиологический модус, в котором мы усматриваем пирамиду ценностей, которая непосредственно влияет на функционирование социальной реальности. Высшей ценностью является обладание денежными средствами. Это влечет за собой определенное влияние, т.е. осуществление власти. Таким образом, субъект через достижение успеха в экономических отношениях достигает уровня власти.

Человек, как объект, рассматривается в роли финальной стадии производственной цепочки, логично завершая ее, создавая пространство для дальнейшей реализации производства. Речь идет о производстве, основанном на удовлетворении вторичных потребностей, основанных на потребительском желании. Такая модель проблемна, т.к., в случае удовлетворения потребительского спроса, производство становится нецелесообразным, что неминуемо приводит либо к кризису перепроизводства, либо частичной или полной остановки линии производства. Для решения этой проблемы необходимо все время создавать новые стимулы для потребления. В этих условиях радикально изменилось отношение к вещам, которые теперь рассматриваются не как набор функциональных качеств, но как знак власти, богатства, успеха и прочего что за ними стоят, переводя процесс потребления вещей на потребление знаков и символов²¹⁵.

²¹⁴ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. С. 210

²¹⁵ Лебедева Е. В. Потребление символов и символическая мобильность // Актуальные социологические исследования. 2013. № 7. С. 64

С развитием технологий и появлением массовой культуры инструментом для создания нового потребительского запроса становится реклама, которая прошла путь от функциональной, обозначающей непосредственные качества продукции, до перформативной, наполненной новыми знаками. Теперь реклама имплицитно содержит в себе дефиницию престижного потребления, социальной конкуренции и культивирование спроса, что, как было сказано ранее, является одним из главных условий для формирования отчуждения.

В процессе развития общественных отношений человечество перешло от натурального обмена к эквивалентному, а после – к знаковому²¹⁶. В первых двух вариантах обмена предполагается, что человек обладает ресурсами, знаковое воплощение которых с необходимостью соответствует их фактической ценности, в третьем же виде предполагается, что такое соответствие необязательно. Данные знаки представлены как сумма составных частей, поддерживающих установившийся новый миф об обществе изобилия, одновременно определяя его своим референтом. При этом само наличие изобилия необязательно, важна в первую очередь сама идея, потенция к возможности быть причастным к этому мифу, что видно на примере прекращения деятельности компании ИКЕА на территории РФ. Это событие не смогло отменить спрос на продукцию компании при наличии множества других поставщиков мебели, что демонстрирует желание потребителя быть приобщенным к конкретному потребительскому мифу.

В обоих случаях рассмотрения индивида как субъекта и объекта экономических отношений он подвергается отчуждению. Отчуждение – одна из центральных идей философии К. Маркса, он разделяет его на 4 уровня: от процесса, результата, самого себя и других²¹⁷. В данном случае появляется проблема: человеку необходимо быть включенным в экономические отношения, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность. Таким образом, отчуждение становится необходимым ее элементом. Критерием включенности человека в модель рыночных отношений

²¹⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб. : А-cad, 1994. С. 92–94

²¹⁷ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала / перевод И. И. Степанова-Скворцова. М. : Политиздат, 1969. С. 106

является его покупательская способность. Случаи несоответствия индивида с данной моделью признаются маргинальными и стигматизируются как форма социальной смерти.

В своей борьбе с модернизмом постмодернистски ориентированные авторы создавали произведения, обладающие разоблачительным пафосом. Цель таких текстов – деструкция больших нарративов, обладающих суггестивностью. Цель соответствовала их предположению, что большие нарративы регулируют процессы социальной реальности, закрепощая индивидов. Для достижения указанной цели многие десятилетия творческая элита производила культурные продукты в режиме цинизма, иронии, пародийности, происходило «постоянное пародическое сопоставление двух (или более) "текстуальных миров"»²¹⁸. Такие культурные продукты имели целью поставить потребителя в ситуацию, в которой он сохранял критичность. В этом смысле постмодернистская мысль – это не только разочарованная философия, полная скептицизма и релятивизма, но большой педагогический проект по воспитанию нового человека, обладающего критическим мышлением, которое позволяет ему выходить из режима серьезности, навязанного суггестивными большими нарративами, и переходить в режим игры.

При переходе в XXI век социальная и культурная ситуация начала меняться: цинизм и ирония, присутствующая в большом количестве продуктов культуры, породили скуку и бессмысленность, выражающуюся в отчуждении²¹⁹. Возник запрос на преодоление ситуации постмодерна, выраженный в желании соединить полярности жизни человека – сомнение и надежду, эмоции и отстраненность, иронию и искренность.

Репрезентативной в данном аспекте является индустрия развлечений, потому что именно в ней наблюдается радикальное отражение тенденций социальной реальности. Констатируем: стали появляться артисты, которые отказывались включаться в капиталистические отношения и выстраивать отчужденный сценический образ (последнее – характерная черта индустрии развлечений эпохи

²¹⁸ Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 222

²¹⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 68

модерна²²⁰). Такие артисты стали транслировать идеи естественности и искренности, а также выражать желание показывать свои эмоции и демонстрировать повседневную жизнь в социальных сетях.

Указанное поведение выступает маркером борьбы с отчуждением, особенно характерным для эпохи модерна, т.к. выстраивая сценический образ, который отличался от повседневного образа человека, артист попадал в ситуацию, в которой он не только воплощает сценический образ, но и при помощи такого образа создает блага, которыми сам пользоваться не может. Скажем, актер при просмотре фильма, в котором он сыграл, с одной стороны, видит себя, но, с другой, тот образ, в который он вживается, а просмотр им фильма, очевидно, происходит в повседневном (условно естественном) образе. Тем самым наблюдается тенденция среди современных артистов, решивших не «раздваиваться»²²¹, а находиться в одном модусе. Преимуществом такой стратегии является возможность создания большего количества контента за счет репрезентации «обыденной» жизни. Если количество контента является благом, то артисты, пользующиеся такой стратегией, имеют преимущество перед артистами, пользующимися модернистским подходом фиксации на публичном образе. Действительно становится очевидной выгода данной модели, ведь количество контента позволяет увеличивать количество демонстрируемой в них рекламы, что говорит о значительной капитализации творческого продукта.

Парадоксально, что «новая» стратегия также приводит к отчуждению, потому как социальная реальность в своей основе предполагает для человека два образа: публичный и интимный. Смешивая эти два образа, человек отчуждается от самого себя²²², т.к. смешение блокирует возможность идентификации, которая предполагает, что у человека есть некое статичное «Я», выражающееся в публичном и интимном образах, которое он соотносит с определенной социальной группой, а при смешении этих образов нет того выражения «Я», которое он может соотнести. Артистом не

²²⁰ Кузнецова О. Н. Проблема отчуждения в «Зеркале» искусства // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4 (16). С. 62

²²¹ Там же. С. 63

²²² Ахметзянова М. П. Анализ феномена отчуждения в творчестве К. Маркса // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415). С. 63

проводится рефлексия своего состояния, а именно рефлексия позволяет быть аутентичным и в интимном, и в публичном образах. В индустрии развлечений, как в неотъемлемой части социальной реальности, указанная проблематика ярко демонстрируется в рамках столкновения так называемых «старой» и «новой» этики.

Сторонники «старой» и «новой» этики оказались в противоположных лагерях в отношении проявления искренности, а именно она выступает как ключевой дефицитный элемент, необходимый субъекту для маркировки социального взаимодействия в формализованном и симмулятивном социальном пространстве постмодерна. Подобная проблема с одной стороны демонстрирует идею сторонников «новой искренности»: искренность как выход из ситуации отчуждения общества спектакля и прорыв к честным человеческим взаимоотношениям, с другой стороны, заставляет задаться вопросом, не является ли «новая искренность» очередным витком капиталистических отношений, где трансляция искренности становится желанным товаром? Если не является, то можно констатировать появление в социальной реальности новой стратегии, которая, на первый взгляд, избавляет от отчуждения, но на поверку приводит именно к нему.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо рассмотреть генеалогию феномена «новой искренности» в социальной реальности.

Концептуализация процесса борьбы с отчуждением в глобализованном мире выражена в актуальных в медиасфере терминах «новая этика» и «новая искренность». Генеалогически понятие «новая этика» возникло в американской культуре.

Э. Нойманн в книге «Глубинная психология и новая этика», вводит понятие «новая этика»: в данной работе идея «новой» предлагается автором как замена «старой», конвенциональной модели этики, основанной на принципе принятия большинством этических норм и правил. Несостоятельность конвенциональной модели аргументируется негативными последствиями, к которым приводит использование такого рода этики. Э. Нойманн считает, что конвенциональная модель

привела к легитимации фашистских и нацистских учений в межвоенный период²²³. Тем самым, «старая этика» приводит состояние социальной реальности к античеловеческому режиму, потому что ее радикальность является воплощением языческой идеи о главенстве закона²²⁴. Известно, что современное общество конвенционально признает гуманистические идеи, построенные на фундаменте христианского учения, но, парадоксально, как замечает Э. Нойманн, именно так называемая «старая этика» создает противоречие в социальной реальности, которое воплотилось в трагических событиях XX века.

Взамен конвенциональной модели Э. Нойманн предложил иную, базирующуюся на высокой степени индивидуальной ответственности, в основе которой лежат собственные чувства субъекта и безусловная ценность жизни и достоинства личности каждого²²⁵.

После выхода работы Э. Нойманна в философском и научном дискурсах актуализировалась проблема «обновления» этики. На фоне растущего процесса глобализации и развития средств массовой коммуникации, в том числе сети интернет, дискуссия интеллектуалов вышла за рамки философского и научного дискурсов и стала влиять на все сферы социальной реальности. Культурные революции 1960–1970-х гг. также заставили поднять вопрос о необходимости изменения этики в постколониальном мире. А. А. Гусейнов, критикуя то, что называется в современной литературе «новой этикой», замечает: «Новой была этика Иисуса Христа, этика Нового завета, которая соединяла людей разных племен перед лицом единого Бога. Новой была демократическая этика Нового времени, которая уравнивала представителей разных сословий как граждан одной республики. Новой была также коммунистическая этика, которая бралась сплотить всех людей в единую братскую семью»²²⁶.

Из указанной цитаты отечественного философа прослеживается не только сомнение в «новизне» такой этики, но и имплицитный критерий настоящей новой

²²³ Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика / пер. с англ. Ю. Донца. Спб. : Азбука-классика, 2008. С. 41–44

²²⁴ Там же. С. 35

²²⁵ Там же. С. 77–80

²²⁶ Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. № 58. С. 91

этики. Критерием, в данном случае, выступает предложение нового варианта консолидации субъектов социальной реальности. Действительно, и христианство, и демократизм Нового времени, и коммунизм предъявляют требования аутентичности, т.е. соответствия внешних проявлений внутреннему содержанию, где аутентичность выступает одной из основополагающих ценностей. Скажем, в христианстве изначально ставилась под вопрос праведность, построенная только на внешнем соответствии закону, тем самым мозаизм начала нашей эры предлагалось воспринимать как систему, в которой главным было публичное соответствие правилам, но состояние души, при этом, было чем-то вторичным, не требующим рассмотрения; тем самым, внутреннее состояние человека в данной интерпретации оказывалось противоположным внешнему поведению, что и порождало отчуждение. Или коммунизм, построенный на философии К. Маркса и Ф. Энгельса, поместил идею борьбы с отчуждением в сферу труда, чтобы преодолеть проблему разрыва между человеком и продуктом, который он производит. Тем самым, мы видим, что А. А. Гусейнов считает возможным воплощение новой этики только в рамках больших идеологий, что и критикуют философы постмодернизма, считая, что большие идеологии и производят универсальные нарративы, которые и порабащают человека, т.е. приводя его к отчуждению под видом «спасения» от него.

В XXI веке глобализация приводит к небывалому уровню межкультурной интеракции. Свидетельство тому принятие мировой валюты и главного международного языка коммуникации не военным способом, как это было, скажем, актуально для колониальной эпохи, а прагматичным способом, т.е. принятым на основе выгоды, прежде всего экономической. После двух мировых войн важнейшей задачей становится построение бесконфликтной межкультурной коммуникации. Сейчас это выражается в предлагаемых моделях правил поведения в сети интернет; такие модели выстраиваются на комплементарности, плюрализме, инклюзивности, равноправии и принятии единой концепции ненасилия²²⁷. Возникает идея, что есть некое общее чувственное восприятие несправедливости, которое не требует четкой артикуляции единых критериев. Но остается вопрос: насколько обоснованы

²²⁷ Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение / пер. с англ. М. : София, 2009. С. 272 с.

рассуждения о качественном изменении этики до «новой» в условиях актуальной социальной действительности.

В качестве развития концепции «новой этики» Д. Коллинз в 1993 г. ввел понятие «новая искренность» в эссе «Универсальность в 90-е годы: эклектическая ирония и новая искренность»²²⁸. Объектом его критики выступают фильмы, использующие «эклектичную иронию», заигрывающие со зрителем в постмодернистском дискурсе иронизирования и деконструкции, но не предлагающие ничего взамен. Фильмам, использующим подобную жанровую форму, он противопоставляет фильмы с серьезным отношением к этическим и моральным вопросам, стремящиеся избавиться от налета постмодернистской иронии и вернуться к истокам «чистого» восприятия ценностей. Возвращение к наивному восприятию идей такими, какими они есть на самом деле, Коллинз и называет «новой искренностью».

Такая проблематизация шире, чем противостояние так называемых новой и старой этик. Д. Коллинз критикует постмодернистов с заведомо проигрышной позиции, потому что использует дискурс, который вторые деконструировали раньше. Такая критика могла бы быть актуальной в 60-70-х годах, но в 90-е годы она уже не является влиятельной, так как «устарела». Но все же само словосочетание «новая искренность» закрепилось в публичной сфере. Переводя «новую искренность» в статус понятия, можно дать следующее определение – это коммуникативная публичная ситуация, в которой есть актер признания и актер, оценивающий признание с точки зрения его честности.

Вышеуказанные дискуссии приводят к расширению лексикона интеркоммуникации. Ставшие понятиями «новая этика» и «новая искренность» отражают тенденции в этой самой реальности, как реакции на отчуждение. Тенденции интеллигентно регистрируются за счет распознавания знаков «новой искренности». Адекватным представляется применение семиологического подхода к анализу знаков «новой искренности».

²²⁸ Collins J. *Film Theory Goes to the Movies*. New York, London, 1993. P. 242–246

Идейно интенция «новой искренности» редуцируется до следующего тезиса: необходимо преодолеть разные типы отчуждения между людьми и самим собой. С одной стороны, феномен «новой искренности» получает массовый характер, и в обществе есть запрос на реализацию такого типа искренности актерами социальной реальности. Согласно Ю. Хабермасу, искренность является важным аспектом успешной коммуникации, которая нарушается, если адресаты не имеют убеждений и предметов веры²²⁹. Л. Триллинг считает, что искренность связана с согласованностью между словами и чувствами, совпадением внутреннего намерения и внешнего действия²³⁰. В теории коммуникации П. Грайса искренность коррелирует с подлинностью и приверженностью истине²³¹.

С другой стороны, эти рассуждения игнорируют, а не преодолевают критически те исследования, которые провели философы постмодернизма. В частности, психоаналитик Ж. Лакан и представительница постструктуралистского течения мысли Дж. Батлер на разных основаниях критиковали реалистическую идею о существовании внутреннего, которое можно внешне точно выразить. Дж. Батлер ввела важное понятие для определения принципов существования и составных частей социальной реальности, которое радикально противопоставило себя субстанциальному подходу и эссенциализму – перформативность. Развивая логику рассуждений М. Фуко о захваченности субъекта в сеть властных дискурсов, представительница американской философии отмечает, что наша самоидентичность конструируется непрерывно, постоянно пребывая в телесных и коммуникационных практиках, обрамленных дискурсами, которые формируют нашу субъективность: «Субъекция состоит как раз в этой фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но который парадоксальным образом дает начало нашей деятельности и поддерживает ее»²³².

²²⁹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачина. СПб. : Наука, 2001. С. 121

²³⁰ Trilling L. Sincerity and Authenticity. Cambridge, MA, 1971. P. 130–137

²³¹ Грайс Г. П. Логика и речевое общение / пер. с англ. М. : Прогресс, 1985. С. 220

²³² Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. с англ. З. Баблюяна. Харьков : ХЦГИ; СПб : Алетейя, 2002. С. 15

Дж. Батлер как видно из приведенной цитаты, при всем прочем, остается в рамках марксистской традиции, т.к. фундаментальная зависимость от дискурса — это не более чем перефразирование идеи К. Маркса: «бытие определяет сознание». Может показаться, что парадокс, указанный Дж. Батлер, выходит за рамки мышления марксистской традиции, но вторая часть приведенной цитаты отражает возможность революции, которая рассматривалась К. Марксом и Ф. Энгельсом в рамках теории исторических формаций. Представительница постструктурализма сводит эту теорию к отдельно взятому субъекту.

С точки зрения новых постструктуралистов человек живет в социальной реальности, которая перформативно творит сама себя, в том числе телесность и идентичность человека, т.е. индивид воспринимает реальность посредством маркеров, которые может узнать. Телесность – это система отношений между физическим телом и культурными знаками²³³. Переживания также являются перформативными, так как не существует никакой идентичности за пределами внешних актов, но такие акты создают иллюзию стабильной идентичности.

По сути, постструктуралисты заявляют, что человеческая идентичность – это конструкт. Но идея конструирования социальной реальностью антропологического измерения распространена и за пределами постмодернистской парадигмы: «По мере взросления личности, социальное настолько прорастает в него, что все движения человека представляются “естественными”, едва ли не данными “от природы”. Однако обращение к разным сообществам показывает, что движения тела у них различны. Иными словами, каждое общество производит свои “техники” действий и взаимодействий»²³⁴.

Р. Барт рассматривает реальность через призму мифологического, как ансамбль знаков. Если рассматривать смысл знака в рамках постструктуралистской традиции, то он существует в отношении между означающим и означаемым, причем означаемым выступает не реальность *par excellence*, ведь она является недоступной.

²³³ Торопова А. А. Философия телесности. М., 2024. С. 24

²³⁴ Азаренко С. А. Социальная топология в современном обществознании. Екатеринбург, 2005. С. 55–56

В связи с этим Р. Барт предложил принцип семиологического анализа, который помогает выделить два уровня восприятия всякой вещи (в том числе тела и медиаобраза): денотативный, который отражает телос вещи, и коннотативный, который на семантическом уровне показывает то, как вещь включена в систему культуры. Второй уровень отражает особую логику существования, отличную от технического предназначения.

Социальная реальность включает в себя не только субъектов, но и вещи, с которыми они взаимодействуют, а также пространство, в котором они существуют. Исходя из того, что в интерсубъективном опыте человека, необходимо определить не вещи, а его представления о них и что эти представления конструирует. Медиапространство конструирует особый образ вещи, который наращивает коннотативное содержание, но в силу своих особенностей, медиасреда кажется репрезентативной, не привносящей ничего дополнительного в транслируемые образы. В интервью журналу Playboy канадский медиа-теоретик М. Маклюэн ввел термин «нарциссический наркоз», зафиксировав синдром, при котором человек не замечает психогенных и социальных последствий влияния новых технологий. В результате чего происходит изменение сенсорного восприятия и самовосприятия, которое сам человек не способен заметить, и поэтому свои переживания воспринимает как «естественные», а не культурно и технически обусловленные²³⁵. Из этого можно сделать вывод, что в культуре всегда возникают знаки, которые отсылают к означаемому, в частности, искреннему переживанию.

Значимое место искренности, особенно в ее части – искреннего переживания в аксиологической пирамиде не только индивида, но и определенной социальной группы, исходит из дефицитарности. Потребность в чем-либо, а не просто желание, отвечает на критический запрос в удовлетворении наиболее значимых для поддержания качественного уровня жизни и социального взаимодействия витальных потребностей.

²³⁵ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 124

Одним из пространств актуальной социальной реальности выступает блогинг, как разновидность шоу, потеснивший формализованное телевидение. Телевидение позиционирует себя как искусственное образование, даже как социальный институт, где субъект телесности людей, находящихся в кадре, всегда является коллективным (продюсеры, режиссеры, гримеры, стилисты и прочие). В XXI в. «новая искренность» приобрела медийную форму в лице медиа-селебрити, или интернет-знаменитостей. «Понятие интернет-знаменитость относится ко всем медиафигурам (людям, сетевым персонажам, животным), достигающим известности и популярности в интернете. Эта известность может быть достигнута благодаря исполнительскому мастерству, скандалу, положительному или отрицательному вниманию, может быть постоянной и преходящей, монетизируемой или нет»²³⁶.

Самой популярной площадкой для ведения блога является видеохостинг «YouTube». Блогер, или микро-селебрити, находясь вне институционализации, на экране симулирует естественность: «если традиционные знаменитости дистанцируются от своей аудитории, то микро-селебрити получают и наращивают свою популярность благодаря поддержанию постоянной связи с подписчиками и зрителями ... в то время как традиционные знаменитости известны своим исполнительским мастерством или талантом, известность микро-селебрити зависит от способности убедительно транслировать свою неотредактированную жизнь, представлять перед аудиторией в качестве “реальных” людей с “реальными” проблемами»²³⁷.

В указанной части социальной реальности ярко представлены два направления: реализм и конструктивизм. Блог позиционируется как реалистическое произведение. Реализм, по своей сути, есть идея, противоположная конструктивизму: декларируется демонстрация объективной реальности, и блог способен отразить ее фрагмент, «непосредственно» передать живые эмоции. Сфера блогинга интересна в данной проблематике тем, что суть микро-селебрити состоит в конструировании и поддержании образа обычного человека, принципиально не отличающегося от своей

²³⁶ Колпинец Е. В. Значение аффективного труда в культуре интернет-селебрити // Мониторинг. 2021. №5. С. 120

²³⁷ Там же. с. 121

аудитории. Публичное тело обрывает микро-жестами, которые семиологически становятся знаками искренности, честности, правдивости. Означивание является сущностной характеристикой человеческого тела²³⁸.

Модус «искренности» зачастую включает в себя демонстрацию интенсивных эмоций (смех, плач, ненормативная лексика, повышение голоса, шутки, широкие жесты). В этом смысле интенсивные эмоции стали знаком неконтролируемости себя в положительном ключе: человек не держит в себе переживания, а делится ими. Практически аффекты становятся синонимами искренности.

К настоящему моменту блогер – это профессия. Исходя из приведенного анализа, может показаться, что, в отличие от других профессий, человек, являющийся блогером, не отчужден от своего продукта. Но эта кажущаяся «аутентичность» несет в себе серьезную проблему: претензия на уничтожение культурных норм. Культурные нормы традиционно предъявляли стандарт поведения, позволяющий обществу быть упорядоченным и сохранять свою жизнеспособность. Аффекты, т.е. предельно выраженные эмоциональные реакции на нестандартные социальные ситуации, подрывают культурные нормы. Таким образом, деструктивное поведение блогеров предлагает норму, несоответствующую порядку, но в то же время нет конструктивной повестки, способной институционально закрепить это в норме. Агрессивное поведение, психомоторное возбуждение, двигательный ступор и т.д. являются ненормальным поведением, которое в большей степени рассматривается в психиатрической проблематике. Видеоблогер остро ощущает такое состояние и часто выходит из роли, навязанной обстоятельствами, чтобы вернуться в ситуацию искренности, выражаемую через аффект – смех, повышение голоса и бурное выражение различных эмоций, обозначая для зрителей свою подлинность²³⁹. Тем самым, блогерами, демонстрирующими аффекты, создается шоу, но оно вместе с идеей искренности оказывает деструктивное влияние на социальную реальность, основанное на утверждении ложной дихотомии, не выводя

²³⁸ Кристева Ю. Силы ужаса: Эссе об отвращении. СПб.; Харьков, 2003. С. 46

²³⁹ Батлер Дж. Антология гендерных исследований / пер. с англ. И. Караичева. Минск : Пропилеи, 2000. С. 308

из состояния отчуждения, но перенаправляя его в альтернативное, противоположное норме пространство.

Эта комбинация средств порождает особый жанр документального гиперреализма, которому присуще обостренное, сконцентрированное внимание к повседневности и прочим явлениям действительности, транслирующее приватное, интимное, неформализованное, правдивое. Ж. Бодрийяр охарактеризовал эстетику гиперреалистического направления как «создание несуществующего посредством точного отображения реальных объектов»²⁴⁰.

Блогинг, таким образом, стал формой нового натурализма. Демонстрация того, что обычно скрыто, т.е. интимных процессов, наблюдателем которых, традиционно, мог быть только близкий человек, соответствует принципу порнографичности, сформулированному Ж. Бодрийяром: «порнографична познавательная установка, в соответствии с которой он полностью лишает (ся) “тайны”. Иначе говоря, невидимого, – в первую очередь в самом себе»²⁴¹. Блогинг стал апофеозом новой искренности: демонстрирующий умывание блогер не стесняется показывать акне, воспаления на лице и т. п.

Можно дать такое рабочее определение новой искренности: это коммуникативная ситуация в социальной реальности между человеком, выражающим свое Я, и публикой, причем актер оценивает этот поступок как такой, в котором внешнее соответствует внутреннему. По сути, проявления новой искренности тесно связаны с актом признания, где все субъекты находятся во взаимных отношениях: «Субъект признания одновременно становится его объектом: он дает признание и в этот же момент претендует на признание в качестве признающего лица. Однако, если признающий не получает статуса, то и сам акт признания недействителен, поскольку нарушен принцип взаимности»²⁴². Признание искренности невозможно без участия другого – признающего субъекта.

²⁴⁰ Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : Рудомино, 2001. С. 97

²⁴¹ Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М. : Ad Marginem, 2000. С. 18

²⁴² Кристева Ю. Силы ужаса: Эссе об отвращении. СПб. : Харьков, 2003. С. 92

Исходя из вышеприведенного анализа, «новая искренность» есть не более чем симулякр, потому что субъекты социальной реальности, поддерживающие эту идею, считают, что они борются с отчуждением, но на самом деле они его преумножают.

Традиционно, борьба с отчуждением предполагала включение в идеологию, обладающую техниками достижения аутентичности не только индивида в социокультурном пространстве, но и таких крупных социальных групп как народ или нация. Скажем, в Советском Союзе, где марксизм приобрел идеологическую структуру, называемую марксизм-ленинизм. Предполагалось, что рабочий своим трудом приобщается к идее коллективизма, а он, в свою очередь, нивелировал отчуждение. Коллективизм, таким образом, позволял достичь аутентичности, индивид трансгрессировал к осознанию пользы, которую он приносит себе, как части коллективного субъекта. Также примером может служить социальная политика партии, направленная на обеспечение наиболее широких социальных групп собственным жильем, т.е. наблюдается строгая институциональная интенция к поддержанию качественно нового аутентичного субъекта.

В современной социальной реальности фиксируются тенденции к построению таких обществ, которые обладают следующими идеями, выявленными в ходе исследования. В условиях дошедшей до радикальной формы системы экономических и общественных отношений в модусе *homo economicus*, реализованной посредством общества потребления, решен вопрос с производственной мощностью, направленной на удовлетворение потребностей человека. Однако это не только не привело общество к порядку, но, наоборот, создало условия радикализации отчуждения.

Ответом на кризис модели *homo economicus* служит инверсия потребительских ценностей, основанных на попытке минимизации участия в экономических отношениях – *homo tardus*. Возвращение примата человеческих отношений над экономическими отношениями, главной составной частью которых является помещение первых на вершину аксиологической пирамиды, можно рассматривать как попытку создания нового блага в существующем состоянии постмодерна.

Основываясь на вышеизложенном, перейдем к выводам. Общество потребления, в ситуации обострения проблемы отчуждения, детерминировало процесс, результатом которого является обретение массовой культурой формы бесконечной рекурсии. Интенция к всеобщему принятию идеи потребления как высшего блага привела к ситуации, в которой система потребления заменяет разрушенные метанарративы. В этом смысле постмодернистская мысль выступает как педагогический проект, позволяющий минимизировать потери при адаптации в неустойчивой социальной реальности за счет использования игрового режима, а, следовательно, принятию любых условностей. Реакцией субъектов социальной реальности на указанные процессы стало появление феноменов «новой этики» и «новой искренности», которые вывели аутентичность в статус основополагающей ценности. Новая искренность — это коммуникативная публичная ситуация, в которой есть актер признания и актер, оценивающий признание с точки зрения его честности. В сложившейся ситуации модус искренности включает в себя демонстрацию интенсивных эмоций, которые являются аффектами, оцениваемыми в положительном ключе.

§3. Адаптация как вид трансформации социальной реальности

При анализе процесса трансформации социальной реальности в философии постмодернизма обнаруживается проблема, связанная с многообразием понятийного аппарата. Трансформация представляет собой многоуровневый процесс изменения объекта, сохраняющего в себе артефакты как первоначального состояния, так и периода изменений. Последнее позволяет исследователю определенного объекта отследить и эксплицировать характеристики, присущие объекту, на протяжении его истории.

Трансформация, как вид изменения, включает в себя специфические процессы, такие как деконструкция, реконструкция и адаптация. Изменение есть процесс смены состояния объекта в пространстве и времени; однако не каждое изменение является трансформацией, т.к., например, существует процесс деструкции, как вида

изменения, т.е. полного уничтожения объекта без сохранения маркеров, артефактов, которые бы позволили выявить изначальный объект; а, скажем, адаптация, выступает видом трансформации, включающим в себя методы деконструкции и реконструкции.

В настоящем параграфе исследовательская оптика будет направлена в первую очередь на анализ наиболее актуального и часто встречающегося вида трансформации социальной реальности – адаптации. Адаптация является процессом приспособления системы и ее элементов к изменившимся условиям внешней или внутренней среды, т.е. изменения, целью которых является поддержание функционирования системы. Базовым условием для начала адаптивных процессов в социальной реальности является наличие вызова²⁴³: общественного, политического, экономического или других. Процесс адаптации не предполагает наличие одного способа, а включает в себя набор или комбинации различных методов, которые, при достаточном накоплении адаптирующих элементов, позволяют говорить о качественном изменении исследуемого объекта, а, следовательно, и о процессе адаптации.

В качестве адаптивных методов, наиболее частыми в реалиях, именуемыми Ж.-Ф. Лиотаром состоянием постмодерна²⁴⁴, выделяется деконструкция. Как было сказано в предыдущем параграфе, деконструкция представляется как основной метод анализа социальной реальности в философии постмодернизма, основанный на «разборке», т.е. обратному конструированию процесса или социокультурного объекта. Однако в широком смысле этот метод предполагает конкретные технические средства, позволяющие достигать целей в социальной реальности, а, следовательно, может быть использован как механизм адаптации.

Основным объектом деконструкции у философов постмодернизма выступает модернистский метанарратив, однако, исходя из его особенности, а именно тотальности влияния на социальную реальность²⁴⁵, деконструкция планомерно

²⁴³ Тарасов А. Н. Аналитика культуры авангарда как социокультурной трансформации в континууме европейской культуры: философский аспект // Аналитика культурологии. 2013. № 25. С. 9

²⁴⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 9

²⁴⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : «Добросвет», 2000. С. 45-49

распространялась внутри все большего числа социальных институтов, в итоге приводя социальную реальность к состоянию, закрепленному Ж. Делезом и Ф. Гваттари в концепте «руины»²⁴⁶.

Анализируя актуальное состояние социума и социальной реальности, окружающей его, можно выделить ряд элементов, раскрывающих сущность проблемы трансформации социальной реальности. Для этого представляется необходимым поиск маркеров трансформации, ее причин, а также целей социальных субъектов или групп, рефлексирующих проблемы актуальной социальной реальности.

Одним из ключевых синдромов постиндустриального общества является хроническая неконтролируемая усталость²⁴⁷, ставшая реакцией на переход от голодной доиндустриальной эпохи к изобилию постиндустриальной, выраженная в прогрессирующем уровне потребления. Ж. Бодрийяр считает, что система знаков, окружающая человека в постмодерне, стимулирующая все большее потребление, выводит индивида из равновесия в системе производства и потребления. Культуриндустрия, т.е. «промышленный аппарат по производству единообразных, стандартизированных новинок»²⁴⁸ в сфере культуры, навязывает субъектам социальной реальности желания, которые, благодаря менеджменту и рекламе, воспринимаются потребителями как потребности. Потребность от желания отличается необходимостью удовлетворения, тем самым обладание продукцией культуриндустрии воспринимается как необходимое для жизнедеятельности, но в действительности это не так (без новой модели iPhone, в отличии от кислорода или воды, можно осуществлять жизнедеятельность), поэтому невозможно удовлетворить эти потребности. Субъект социальной реальности наращивает темпы потребления безрезультатно. Модель поведения следующая: бесконечная потенция в обладании

²⁴⁶ Риддингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута. М. : Высшая школа экономики, 2010. С. 42

²⁴⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика; Культурная революция, 2006. С. 153.

²⁴⁸ Савельева К. В. Развитие культурных индустрий в современном общества // Манускрипт. 2016. № 12 (74). С. 155

предложенных культуриндустрией желаний, в сущности трансформировав их в потребности – делает невозможным их удовлетворение²⁴⁹.

Исходя из вышеописанной модели, в которой обязательным условием гармоничного существования индивида является согласие с правилами экономических отношений, возникают различные варианты ответа на напряженное состояние общества. Ответ выражается посредством реакции или формирования отношения к отчуждению. Реакция в данном случае рассматривается как процесс нерелексируемый, спонтанный или интуитивный, в котором индивид или группа, без явной артикуляции, только ощущает неудовлетворение в качестве аффекта. Отношение же, напротив, как форма релексируемого ответа, характеризуется осмыслением источника напряжения – отчуждения.

В первом случае нерелексирующие индивиды или индивиды, подверженные социальным автоматизмам, реагируют на отчуждение через депрессивность и усталость, артикулируя свое состояние в психологическом ключе. Подобные состояния имеют крайнюю степень суггестивности, но за счет того, что человек, по мысли М. К. Мамардашвили, является существом трансцензуса, т.е. способным выходить за свои собственные пределы, то он может посмотреть на себя со стороны²⁵⁰. Из этого не следует, что индивид увидит проблему и ее источники, однако, имея возможность перцептивно воспринимать собственное состояние, может выдавать реакцию именно на него, смещая тем самым фокус с причины негативного состояния на его последствия.

Маркером наличия негативного воздействия в данной группе выступает процесс поиска источника раздражения посредством сферы предлагаемых психологических услуг, активизации физических нагрузок, медикаментозного или наркотического снятия напряжения. Особая роль отводится психологической индустрии. Сосредоточив вектор «неисправности» человека на нем самом, индивиду предлагается «игра» по поиску неисправностей в собственном сознании, что, в свою очередь, замещает собой поиск источника негативного состояния и стресса –

²⁴⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 138

²⁵⁰ Мамардашвили М. Беседы о мышлении. СПб., 2019. С. 79

отчуждения²⁵¹. Парадоксально, процесс поиска неисправности в самом человеке лишь маскирует источник отчуждения – становится одной из форм товаров и услуг, создавая новую нишу стимулирования потребления как особый, отличительный культурный знак, присущий обществу изобилия. «Болезнь цивилизации» – тоска, усталость, депрессия – заново социализируется как культурная пища и объект коллективного наслаждения, что вновь замыкает круг и ведет к еще более глубокой тоске²⁵².

Человек рефлексирующий, т.е. обладающий средствами выхода из состояния автоматизма, уже выстраивает некоторое отношение к отчуждению, которое он наблюдает в своей жизнедеятельности. Так, у определенной группы общества выстроена иерархия ценностей, исходя из которой отчуждение выступает необходимым злом, условием существования текущего изобилия. Но при этом есть высшие ценности, которые можно поддерживать исключительно включенностью в экономические отношения, которые пусть и несут характер отчужденности, но не несут для них характер исключительно катастрофический и деструктивный. Такая группа, разделяющая описанный подход к отчуждению, предполагает, что явления социальной реальности амбивалентны. Такое отношение свойственно в первую очередь тем социальным группам, которые застали «голодный» период, для которых изобилие, как аксиологическая единица, является высшей ценностью²⁵³. Также лояльность или даже солидарность с действующей системой видно на примере группы самих производителей, позитивно усматривающих в идее прогресса лишь благо, артикулируя его самоценность. Самоценным, исторически, прогресс становится с момента зарождения позитивизма, где человеку приписывается аксиоматическое стремление к созиданию, механизмом которого выступает прогресс²⁵⁴.

Другая же группа людей реализует свое отношение к отчуждению посредством протеста против текущей модели общественных отношений, завязанных на

²⁵¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Издательство АСТ, 2020. С. 237

²⁵² Там же. с. 282

²⁵³ Там же. с. 278

²⁵⁴ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп. А. М. Руткевича. М. : Издательство «Весь Мир», 1997. С. 179.

главенстве отношений экономических. Примером такого протеста является движение 60-х начала 70-х годов XX века – хиппи, а также многие лозунги майских событий во Франции («Красный май»). Хиппи, в своем отношении к отчуждению, выстраивают модель частичного или полного отказа от участия в цикле экономических отношений²⁵⁵. Взамен отчуждению от труда и его результата, заводскому и фабричному производству противопоставляется кустарное (ремесленное) или, максимум, мануфактурное. Но с той лишь особенностью, что результаты производства в большей части используются самой общиной. Оставшееся в свободной форме реализуется для обеспечения базовыми элементами производства, невозможными в изготовлении при использовании ручного труда – техника, инструменты, химия и прочее.

Борьба с отчуждением реализуется в форме отказа от главной дефиниции производства – умножения средств ради умножения капитала для дальнейшего реинвестирования и последующего роста. Таким образом, низкий производственный уровень отсутствием необходимости во включении больших масс и сложности производственной цепочки избавляет человека от обособленности по отношению к производимой продукции, так как человек является и производителем, и реализатором, и потребителем продукта, в отличие от рабочего на заводе, включенного в потоковое производство в промышленных масштабах²⁵⁶. Более того, формат жизни хиппи, строился по принципу коммун. Особенностью данной формы организации жизни является частичный отказ от частной собственности в пользу общественной, совместный труд на благо общины и возведение межличностных отношений и духовных практик на вершину пирамиды ценностей. Различные духовные практики с использованием идеи коллективного тела и психоактивных веществ, наравне с совместным бытом и акцентуацией на нематериальном, должны были решить проблему отчуждения от других и от самого себя. Ключевым критерием для вхождения в коммуну было наличие потенций к отказу от модуса общества потребления в пользу совместной жизни с единомышленниками.

²⁵⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Издательство АСТ, 2020. С. 288

²⁵⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала / перевод И. И. Степанова-Скворцова. М. : Политиздат, 1969. С. 178

Если хиппи, организовав собственное движение в форме ответа на отчуждение, под воздействием внешне и внутривластных событий артикулировали идеи в концепциях «человек мира» и «пацифизма», то на другом континенте, во Франции, практически в это же время, на фоне внутривластного кризиса режима Ш. Де Голля восстало студенчество. Во время майских событий, где произошел выход «новых левых» на политическую арену, массы протестовали против авторитарности президента. Помимо этого, были выдвинуты яркие лозунги, характеризующие разочарование в идеях общества потребления: «Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрешь с голоду, платят риском помереть со скуки»²⁵⁷ – такого рода лозунг свидетельствует о разочаровании в идеях главенства материального и превалированием над ними духовного. Скука – определяющий термин, описывающий в целом отношение поколений к действующей системе в постиндустриальном обществе²⁵⁸.

Человек может отключиться от экономических отношений только в случае полной изоляции от общества, в любом другом варианте – это не представляется возможным. Одним из вариантов протеста является не отключение от экономических отношений, а максимальное замедление участия в них. Так, если брать рабочим критерием ответа на отчуждение процесс замедления участия в экономических отношениях, то можно вывести следующее концептуальное определение такой группы людей – *homo tardus*, где *tardus* – замедление. *Homo tardus* существует в модели *homo economicus*²⁵⁹. Однако артикулируемое несогласие базируется на стремлении выйти из модели *homo economicus*, то есть стремлении к эмансипации. Механизмом эмансипации является минимизация участия в рыночных отношениях, частичный выход из которых не является критичным условием для данной группы, т.к. производственных мощностей достаточно до той меры, что объем производимой продукции может быть выше уровня спроса.

²⁵⁷ Коваленко Е. Н. «Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрешь с голоду, платят риском помереть со скуки» // Дискурсология: методология, теория, практика. 2008. Челябинск : Т. 2. С. 320

²⁵⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Издательство АСТ, 2020. С. 289

²⁵⁹ Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Н. Ключин. М. : Эксмо, 2016. С. 69–72

Еще одним ярким примером подобного рода реакции на отчуждение является фриганство²⁶⁰. Производственные мощности современных компаний позволяют производить количество продукции значительно превышая спрос. В этих условиях возникает угроза кризиса перепроизводства, что приводит к ситуации, при которой компаниям выгоднее утилизировать излишки, чем пустить их в оборот. Такое положение вещей стало условием для создания общностей, которые живут за счет сбора просроченной еды, номенклатура которых превышает сроки годности, а фактическая потеря качества не достигла критической точки. Под лозунгами борьбы с избыточным потреблением, а также за его рационализацию возникают движения фриганов, сквоттеров, которые ставят перед собой задачу экологичного использования ресурсов планеты. По определению участников этих движений можно было бы отнести к маргиналам или даже люмпенам, однако, сравнительным критерием, не позволяющим однозначно отнести их к крайней группе – является четкая идейная артикуляция, осознанные действия, направленные на борьбу с проблемами глобализации и их последствиями. Однако это не является гарантом того, что люмпенизация подобных движений исключена.

Из исторического анализа массовых и популярных социальных движений второй половины XX века, представляется возможным выделение общего, сущностного процесса в социальной реальности – трансформации, в рамках которой ключевую роль играет адаптация, выступающая в форме реакции на внешние раздражители, ключевым из которых выступает отчуждение. В попытках найти свое место в социальной реальности субъект, присоединяясь к различным движениям, стремится выйти из состояния, вызванного негативным воздействием окружающей социальной действительности на него. Присоединившись, или как минимум симпатизируя ценностным установкам специфических групп, индивид, разделяя альтернативные общим нарративам ценности, изменяет свое индивидуальное бытие, вслед за чем следует корректировка повседневного модуса жизни. Исходя из особенностей социальных движений, а именно их стремления к росту и

²⁶⁰ От английского freeganism от free — «свободный, бесплатный» и vegan — «веганизм»

воспроизводству²⁶¹, движение предполагает характер массовости, обретая тем самым возможность к диалектическому преобразованию социальной реальности.

Социальные движения относятся к социальной реальности как часть к целому, где социальная реальность включает в себя социальные движения. Исходя из этого, социальные движения имеют возможность воздействовать только на часть социальной реальности, что предполагает наличие конкретного довлеющего социального пространства, стремящегося интериоризировать собственные наррации и нормы во включенных в него индивидов. Таким образом, попытки преобразования социальной реальности формируют особое социальное пространство, альтернативное ординарному, однако, из-за практической невозможности отделения от него, оно может видоизменить только часть социальной реальности так, чтобы внутри этого социального пространства нивелировать негативные последствия от влияния окружающей социальной реальности. Подобную реакцию части на целое мы можем именовать адаптацией.

Наиболее близкие примеры адаптации, относительно времени, разумно проанализировать, учитывая традиционную категорию – эпатаж. Выбор эпатажа не случаен, т.к. сквозь призму этого социального феномена возможно увидеть двойственность наиболее ярких репрезентативных примеров адаптации в современной культуре и социуме, как части социальной реальности, имеющей интенцию к ее трансформации. Подобная интенция к трансформации социальной реальности эксплицируется в оптике феноменов «новой этики» и «новой искренности», существующих в дефицитном режиме в дихотомии «старой» модернистской этики и «новой» постмодернистской, а, следовательно, эпатаж, как публичный акт, демонстрирующий деконструкцию устоявшихся культурных норм, скрытно продвигает альтернативные варианты главенствующему в данном социально-политическом пространстве нарративу.

Существует генеральная оптика, транслируемая институтами общества; любая альтернатива, следовательно, является вторичной, ее появление воспринимается как

²⁶¹ Шульц Э. Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. № 6. С. 24

оппозиционное и в ключе: акциденция претендует на существенность. В этой связи эпатаж представляется принципиально противоположной оптикой на мир вещей, т.е. сущее. Любая оптика задает границы действий, и если субъект, в том числе коллективный, выбирает эту оптику, то она определяет его акты в сущем. Скажем, в истории России марксистская оптика задала ряд действий и отношений, изменивших историю государства. Следовательно, придерживаясь данной концептуальной схемы, эпатаж, как иная оптика, имеет потенцию к изменению, т.е. трансформации, части социальной реальности, находящейся под воздействием генерального нарратива, а значит и претензии на трансформацию социальной реальности в целом.

Подобный вывод становится возможным, исходя из герменевтического принципа, который состоит в том, что весь мир представляет собой текст, а значит он должен быть логично выстроен, именно поэтому мы можем выявить не только противоречия, но и парадоксы современной социальной реальности и культуры, как ее части. Процесс деконструкции в культуре не представляет собой процесс полного уничтожения целого, т.е. и частей его составляющих, а представляет собой дробление его на эти части, что в свою очередь, позволяет говорить о наличии имплицитных альтернатив до этого считающейся главной интерпретации. Деконструкция, как ключевая характеристика эпатажа, предполагает явление скрытых нарративов, оппозиционных генеральному.

Эпатаж как социокультурный феномен, проявляющийся в форме публичного акта, производящего ошеломляющий эффект на публику, известен еще с античных времен и подробно описан в работе Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»²⁶², в частности в описании хрестоматийного исторического анекдота о Диогене Синопском и «платоновском человеке». При критическом подходе, предложенным А. Ф. Лосевым²⁶³ к труду Диогена Лаэртского, все же необходимо учитывать влияние этого текста на фиксирование образов античных философов.

²⁶² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с греч. М. Л. Гаспарова. М. : Мысль, 1998. С. 220–223

²⁶³ Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский - историк античной философии; М., 1981 С. 81–83

К началу XX в., в годы генезиса новых форм восприятия искусства, эпатаж часто применялся как элемент репрезентации в социуме, противопоставляемый традиционно устоявшимся нормам поведения. Специфической особенностью эпатажа является его телеологичность, которую можно разделить на два независимых аспекта: внешний, заключающийся в потребности привлечения внимания к актору, и внутренний, содержащий в себе интенцию к донесению определенного послания, при верном истолковании которого сам перформанс обретает смысл и становится возможным к множественному интерпретированию. Необходимым условием и его сущностной характеристикой для признания акта эпатажным является слом устоявшейся нормы поведения, который осуществляется посредством перформанса – особого целенаправленного действия в определенном месте и времени, содержащего коммуникацию между актором и зрителем, имеющего интенцию к трансформации модуса индивида из зрителя в модус актора посредством соучастия в самом публичном акте. Также эпатаж выступает как объект исследования этики и эстетики, поднимая вопрос об интерпретации морально-этических устоев, однако в сфере настоящего исследования нас будет интересовать интенции, трансформирующие социальную реальность.

Медиасфера, как часть социальной реальности, пребывающая в предельно доступном и транспарентном состоянии, репрезентирующем актуальные социальные тенденции, является пространством, где эпатаж выступает инструментом для совершения разрыва ординарного состояния социальной реальности. Так, известные исполнители конца нулевых и конца десятых годов XXI в., Леди Гага и Холзи, привлекают внимание к своему творчеству посредством эпатажа через перформансы, яркий внешний вид, публичные заявления и тексты песен.

Указанные образы двух представителей массовой культуры имеют сущностные отличия, выражающиеся в разности видов эпатажа: конструктивистский у Гаги, т.е. основывается на рациональном подходе к созданию перформанса, предполагающего конструирование образа и сенсуалистский у Холзи, где эпатаж выступает в качестве эффекта, вызванного чувственной реакцией в определенной публичной

интерсубъективной коммуникативной ситуации. Леди Гага известна массой эпатажных тематических нарядов: костюм лобстера во время посещения ресторана, костюм из волос, костюм пешки, а также костюм, полностью сделанный из мяса. Это является лишь формой проявления эпатажа, которым в современном гетерогенном мире удивить публику и привлечь к себе внимание на долгое время крайне сложно, или почти невозможно, потому для достижения цели эпатажа, возникает необходимость и в наличии содержания, имеющего ясный референт, для достижения топоса между актором и зрителем.

Главным инструментом репрезентации в данном примере выступает удивление в степени шокирования. Систематичность использования такого приема позволяет предположить, что существует четко продуманная имиджевая кампания, где Гага выступает главным объектом внимания, а за ней закрепляется образ экспериментатора, который готов на множество актов привлечения внимания публики. Используемые образы не оторваны от контекста происходящего мероприятия, часто стилизация под определенный образ эклектично собирает в себе перформативные маркеры стиля с использованием различных материалов, используемых в нетрадиционном формате.

Внешний образ дополняется содержательной частью текста песен, в которых рефлексивно поднимаются темы смерти, моды и «знаменитостях на продажу». Проведя герменевтику песни *Paparazzi*, можно увидеть внутреннюю суть эпатажа Леди Гаги. Песня начинается со слов «We crowd We're c-coming», где «мы» указывает на гомогенизацию субъекта, готовящегося к определенному действию. После перечисления внешних элементов имиджа звезды субъект определяет свое «Я» в строчке «Cause you know that baby I». Двойственность «одного», и «мы» для папарацци обозначается через мерцающий режим, определяющий новый ток власти, которая осуществляется над лишенной субъектности звездой. Данный текст является результатом рефлексии исполнителя, где привычная негативная коннотация папарацци заменяется на комплементарную, но с элементами сарказма и гиперболизации: «Baby there's other superstar». Исполнительница выходит за границы традиционного восприятия папарацци, как если бы романтический персонаж пел

песни не о своей возлюбленной, а о своих врагах, и эта особенность выбора адресата определяет внутреннее содержание эпатажного имиджа Леди Гаги.

Холзи внешне использует ту же модель: часто меняет свой внешний вид, делает разноцветные прически, бреет голову налысо. Однако если в случае с Гагой эпатаж рассматривается как форма слаженной маркетинговой кампании, основанной на публичном статусе певицы, то Холзи объясняет смену имиджа внутренним ощущением. Если в 2015 г. она обрила голову в знак солидарности с цветными женщинами, а также с целью самоопределения, то в 2022 году мотивом выступила банальная усталость от привычной прически. Частью репрезентации певицы выступает демонстрация послеродовых изменений организма, где она также показывает себя «такой, какая она есть».

Этот вид репрезентации наиболее интересен, т.к. он отражает деконструкцию классического представления о публичной личности как о недостижимом идеале. Для звезд 90-х и ранних нулевых характерным являлось сокрытие недостатков или особенностей тела, таких как шрамы после операций или после родов. Однако культурные революции, а также движение бодипозитив, зародившееся во время второй волны феминизма 1960-х – 1990-х гг., подготовило почву для трансформации репрезентации персоны. Это стало возможным посредством репрезентации идеи деконструкции ординарных представлений о нормированных представлениях и наличии должных маркеров поведения у публичной персоны.

Стоит отметить, что отношение в социуме к иной модели репрезентации прошло путь от радикального несогласия до состояния принятия ее как нормы. Если в 50-е отношение к такой модели регулировалось церковными и политическими институтами, стигматизирующими смену модели репрезентации с этических позиций, а в 70-е выражалось в массовых контркультурных движениях, постепенно включавших идею в плоскость локальной моды, то уже к началу XXI в. наблюдается тенденция к распространению «новой» модели репрезентации в массовой культуре и социуме.

С 2012 года наблюдается значительный рост популярности социальных сетей. Благодаря социальным сетям появилась возможность нового вида репрезентации

повседневной жизни, что в сумме с ростом движения борьбы с дискриминацией создало сферу публичного признания через показ себя «настоящего».

Если эпатаж Леди Гаги проявляется в иронизирующей критике сложившейся системы взаимодействия между «звездой» и остальной медиасферой, то тексты Холзи отмечены предельно ясной артикуляцией несогласия с постоянным нахождением в транспарентном состоянии ее жизни. Так, в песне «Castle» описывается усталость молодой «звезды» от постоянного внимания: «Sick of all talking; Sick of all this noise; Tired of all flashing; Sick of being poised; And my open», от необходимости соответствия устоявшемуся образу знаменитости, который состоит из маркеров успеха в границах вертикальных отношений с медиасферой: «Already choking on my [greatness]». «I'm headed for castle; They wanna make me their queen; And there's an old sitting on throne; that's saying that I probably shouldn't be so mean». В данном фрагменте текста критикуется сложившаяся корпоративная система, где менеджеры и продюсеры выстраивают подходящую имиджевую кампанию звезды, исходящую из текущего запроса потребителя, регламентируя четкий набор дозволенных действий и выражений, лишая тем самым знаменитость права на самоопределение. Здесь мы наблюдаем конфликт двух видов эпатажа, указанных выше. Представитель сенсуалистского вида эпатажа критикует конструктивистский эпатаж, отмечая, что рамки творческой деятельности, которые неизбежно появляются в конструктивистском виде эпатажа, это нечто негативное, мешающее творчеству как таковому.

В обоих случаях внимание публики привлекает выход звезды за рамки привычного образа «селебрити», постоянная метаморфоза и игра со стилем. Однако если у Гаги эти изменения являются частью продуманного маркетинга, Холзи, вызывая тот же эффект, открыто артикулирует несогласие с текущим устройством медиасферы и потребительским отношением к искусству и автору, таким образом, заявляя, что конструктивистский эпатаж не является эпатажем, в свете того, что соответствует генеральной тенденции медиасферы. Борьба выражается в смене референта эпатажа с корпоративного на индивидуальный, базирующийся на внутреннем ощущении и чувствах, т.е. на сенсуалистском подходе. Эпатаж

представителя новой искренности является только следствием, он появляется постфактум, а не является первопричиной. Новая форма репрезентации знаменитости в лице Холзи основывается не на вертикальных отношениях с публикой, где «звезда» занимает место «священного монстра»²⁶⁴, а на горизонтальных, в которых присутствует по крайней мере видимость того, что знаменитость ничем принципиально не отличается от своих поклонников.

В такой ситуации мы можем говорить о возникновении эффекта искренности, который появляется вследствие фиксации в сознании зрителей знаков искренности. Однако проблемным остается вопрос о ее верификации. Очевидно, зритель определяет акт медийной персоны как искренний или нет исходя из валлоативного предпочтения и основываясь на сенсуалистской реакции. Проверить подлинность того акта, который подается как искренний, можно либо при анализе ментальной сферы медийной персоны, либо на основании его жизни, ставя вопрос о запланированности того или иного акта. Первое невозможно проверить в связи с проблемой привилегированного доступа, т.е. исключительного права доступа индивида к своим ментальным состояниям как десигнатора своего «Я»²⁶⁵. Второе кажется более вероятным, но для этого требуется иметь в распоряжении все события жизни персоны. Сравнение же заявлений медийной персоны с точки зрения логики, например, поиск противоречий между произведенными им актами, не даст никакого результата, т.к. сам факт наличия противоречия не опровергает искренность, потому что человек может искренне заблуждаться или считать одно положение верным в определенный момент времени, а в другой момент времени таковым не считать.

Данное положение о крайней сложности верификации искренности как таковой и фиксация ее в пространстве знаков-маркеров дает возможность предполагать о наличии потенции к конструированию самих знаков, которые без должной степени рефлексии у субъекта и создают эффект искренности. Однако в этой связи, несмотря на практическую невозможность доподлинно верифицировать публичное поведение как искреннее из-за проблемы привилегированного доступа, нам доступен контекст

²⁶⁴ translation of French *monstre sacré*

²⁶⁵ Фауль Б. В. «Души мы или тела?» субстанциональный дуализм Р. Суинберна / Б. В. Фауль // *Философия религии: аналитические исследования*. – 2021. - № 1 Т. 5. – с. 152–160 с.159

происходящего в широком значении, т.е. не предметный разбор конкретных публичных актов и языковых ситуаций, а системность и отношение их к тем условиям, в которых они находятся, а именно, в медиасфере.

Данная настройка оптики предполагает наличие некоей системы, в рамках которой представлен процесс конструирования знаков искренности. Этой системой является индустрия медиа или, опираясь на лексикон Ж. Бодрийяра описывающего в работах процесс создания новых сфер потребления в обществах изобилия – культуриндустрия²⁶⁶, т.е. буквально производство культуры в промышленном формате. Исходя из того, что индустрия (этимологически франц. промышленность) является системой и в своих сущностных характеристиках содержит интенцию к производству и воспроизводству, а также прагматический подход, основанный на увеличении капитала, то можно сделать вывод, что если можно что-либо сконструировать и это будет капитализироваться, то индустрия включит это в свою производственную модель.

Рассматривая индустрию в современном мире, мы опираемся на концепции философов структуралистской и постструктуралистской школы, таких как Р. Барт, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ж. Деррида, а также П.-Ф. Гваттари и Ж. Бодрийяр, отводящие знакам, способам их производства и использования особое место в осмыслении социальной реальности. Медиаиндустрия производит в первую очередь знаки, обладающие предельно доступным уровнем референциальности²⁶⁷, т.е. соотношением определенных семантических единиц с конкретным семантическим пространством, иными словами, доступные к пониманию обывателя.

Таким образом, перед индустрией в широком значении и медиакорпорациями в узком представляется важным решение вопроса о способах продвижения и закрепления соответствующих знаковых систем в медиaprостранстве, как части социальной реальности. Эта проблема разрешается путем или экспликации зарождающихся социальных трендов, или их созданием. И в первом, и во втором случае, это становится возможным посредством применения социологических

²⁶⁶ Хоркхаймер М., Адорно В. Диалектика Просвещения / пер. с нем. М. Кузнецова. М. : Медиум, 1997. С. 150–153

²⁶⁷ что такое референциальность

исследований, которые формируются исходя из маркетингового запроса. Причем данный процесс актуален не только для постмодерна, но и для развитых капиталистических стран на заре XX столетия.

Яркими примерами служат табачная индустрия 20-х годов и бытовых приборов в середине XX века в США. В первом случае для достижения цели по увеличению прибыли компания Marlboro привлекла набирающее популярность движение суфражизма, главной ценностью которого была борьба за права и свободы женщин. Им было предложено использовать во время митингов сигареты, как символ равенства мужчинам²⁶⁸, что вошло в историю под названием кампании «факелы свободы»²⁶⁹. Во втором случае маркетинговая политика столкнулась с проблемой гендерного стереотипа, границы которого предписывали определенный габитус домохозяйки, предписывающий непосредственное ее участие в домашних делах. После проведения социологического исследования выходом из этой ситуации стала пропаганда идеи об эмансипации женщин из пространства бытовых занятий. Это стало возможным благодаря акценту на набирающей свои масштабы тенденции к повышению участия женщин в рыночных отношениях посредством выхода их на работу.

Оба примера в данном случае подвержены одному механизму, подчиненному более масштабному процессу трансформации социальной реальности. И в первом, и во втором случае, посредством анализа социальных тенденций, был совершен акт – акт создания нового знака, а именно этот механизм предполагает фиксацию любого известного концепта (например, свобода или эмансипация) в границах вещей повседневного пользования, создав тесную связь между ними, интеллигибельно ухватываемую или открыто артикулированную. Вследствие наложения концепта на вещь происходит буквальное их отождествление, вещь приобретает дополнительную коннотацию поверх функциональной, становясь при этом референтом знака²⁷⁰.

²⁶⁸ В начале XX века курение считалось мужской прерогативой

²⁶⁹ Трофимов Я. И. Брендинг и идентификация настоящего и будущего. Пласке. Одесса, 2009. С. 42

²⁷⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб. : А-сad, 1994. С. 199

С наступлением позднего капитализма в развитых странах и трансформацией общества из индустриального в постиндустриальное характерным является возвышение роли и места медиасферы в рыночных отношениях. Наиболее финансово успешные и узнаваемые акторы медиасферы (т. н. инфлюенсеры, от англ. *influence* — «влияние») являются подходящими медиаторами и ретрансляторами ценностей, имеющих фиксированное знаковое выражение в форме товара²⁷¹.

Таким образом, актор медиасферы (или «звезда»), являясь проводником заданных ценностей, посредством конструирования образа, наиболее подходящего под текущие социальные тенденции – раздваивается, закрепляя две идентичности – личную и публичную. Причем последняя детерминирована маркетинговыми структурами, что повышает шансы, если не доводит их до ста, на наличие критической разницы между публичным образом и тем, который соотносится с сущим. Индустрия, в связи с желанием интенсифицировать производство медиапродукта, стремится все дальше отодвинуть границы публичного, занимая пространство личного, превратив в продукт репрезентацию жизни медийной персоны²⁷².

Так как данный процесс связан с риском разрыва между образом звезды и его личностью как таковой, он (разрыв) может негативно отразиться на имиджевой целостности публичного образа, что приведет к финансовым потерям компании, в связи с «обманом» ожиданий потребителя. Так возникает новый формат коммуникации между зрителем и медийной персоной – реалити-шоу, где «звезда», буквально становится овеществленным конструктом.

Одним из инструментов для решения задачи демонстрация «жизни без прикрас» является монтаж: сборка видео по замыслу режиссера-монтажера. «Монтажная форма как структура есть реконструкция законов мышленного хода»²⁷³. С помощью монтажа, в отличие от жизни, формируется единая картина мира: дискурс и телесность друг друга подкрепляют, создавая единство продукта: «Всякое целенаправленное складывание, сопоставление кусков, кадров, слов, букв, фраз,

²⁷¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 12

²⁷² Делез Ж. Марсель Пруст и знаки / пер. с фр. Е. Г. Соколов. СПб. : Алетейя, 1999. С. 128

²⁷³ Эйзенштейн С. Избранные произведения. Т.2. М., 1964. С. 79

образов – как прямое, так и воображаемое – есть акт смыслообразования в процессе передачи информации»²⁷⁴.

Полученный продукт с помощью искусного монтажа оказывается настолько суггестивным, что заставляет поверить зрителя в то, что образ медийной персоны, четко выверенный в сценарии и отлаженный на монтаже, по определению являющийся результатом прагматического конструирования, оказывается подлинным. Полученный продукт, а именно овеществленный конструкт медиаперсоны, производящей «контент» посредством репрезентации повседневной жизни, или в тематических шоу, соответствует желаемой схеме получения прибыли в индустрии: при меньших финансовых вложениях (за счет демонстрации личной жизни, а не создания конкретного продукта, будь то фильм или музыка) получить больше прибыли. Эта маркетинговая модель станет основой для создания одного из самых успешных современных проектов шоу-бизнеса – группы BTS.

Именно эта группа является наиболее репрезентативным примером, включающим в себя необходимые маркеры, позволяющие отследить актуальные мировые тенденции, как минимум претендующие на трансформацию социальной реальности или как максимум уже ее трансформирующие. Такими маркерами, разумно предположить, являются следующие: мировая известность, т.е. место, занимаемое группой в мировой медиасфере, а, следовательно, и узнаваемость, которая определяется числом активных почитателей (фанбаза); финансовая успешность компании, курирующей или руководящей (продюсирующей) группу; соответствие описанной концептуальной схеме овеществленного конструкта.

Показательным будет пример экспликации этапов становления и трансформации подхода корейской медиаиндустрии к репрезентативным моделям своих «рабочих». Можно выделить три стадии: подражание (90-е), рефлексия (00-е), синтез (середина десятых по н.в.). Для первой стадии характерным является копирование стереотипных моделей репрезентации из медиасферы США, основанной на репрезентации пафоса и предельной искусственности образа исполнителя. Для второй характерен поиск «ключей», которые бы позволили уйти от

²⁷⁴ Соколов А. Г. Природа экранного творчества. Психологические закономерности. М., 1997. С. 26

подражания, основываясь на репрезентации этнорегиональных особенностей культуры. Для третьей же стадии и, соответственно, той, которая вывела к-поп из разряда локального жанра на мировую арену, характерен синтез западного качества формы, локальной культурной ситуации и концепции «новой искренности».

Стоит отметить тенденции к переходу к четвертой стадии – «медиация», которая относится к настоящему времени и характеризуется уже фиксированным в поле общественного сознания своих почитателей образом, который стал результатом предельного уровня отождествления между конструктом публичного образа артиста и внутренними личностными качествами. Группа, в данном случае, выступает как медиатор или ретранслятор определенного стиля индивидуального бытия.

Публичной перформативной особенностью данной группы является деконструкция образа «священного монстра», который был актуален для знаменитостей прошлого. Деконструкция образа происходит посредством помещения исполнителей в ординарные и бытовые условия, как например тематических шоу (RUN BTS, BTS in the soop и др.), что является медийным трендом в обществе спектакля²⁷⁵. Их отличительной чертой является то, что не происходит разрыва образа в модусе «звезды» и простого человека. Это хорошая иллюстрация идеи Агамбена, который отчасти предсказал в своей книге «Грядущее сообщество» такое состояние культуры и социума, в котором антропологический образ перестанет претендовать быть чем-то большим: «Теперь человеческое тело не походит больше ни на Бога, ни на тело животных, но – лишь на другие человеческие тела»²⁷⁶.

Однако подобные маркеры искренности капитализировались и ранее. Удачная и продуманная маркетинговая кампания, которая базируется на интериоризации социального запроса в подлинности, нашла свой выход в проекте музыкальной группы BTS. Мировой успех группы косвенно доказывает сложившееся кризисное состояние общества, уставшего от культуриндустрии и общества спектакля, от разрывов в образе знаменитостей в публичном пространстве и в жизни. Тексты

²⁷⁵ Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М. : Логос, 1999. С. 111

²⁷⁶ Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. с ит. Дм. Новикова. М. : Три квадрата, 2008. С. 49

песен не артикулируют борьбу с текущим устройством мира, они основываются на вере в личные качества индивида, тем самым смещая нечеловекообразный масштаб «борьбы с системой», как это было в 80-е, на человекообразный, предлагая сконцентрироваться на индивидуальном бытии. Это, в свою очередь, подтверждает идею текущей тенденции к защите субъектности, борьбе с отчуждением в глобализованном гетерогенном мире, где поиск нового стимула для потребления является одной из главных задач позднего капитализма²⁷⁷.

Если коллективный субъект телевидения формирует имидж ведущего, то на ютуб-канале блогер позиционируется через демонстрацию повседневности, собственных идей и чувств. Ему дозволяется расширять объем публичной телесности, демонстрируя интимную/приватную сферу: любые бытовые ситуации, прием пищи в кадре, рассказ о секретах, об ошибках и успехах. Речь в режиме признания, *coming out*, становится подвидом искренности. Ведь задача конструирования «блогерского» контента – это создание иллюзии минимизации дистанции между блогером и зрителем. Блогеры, у которых нет специализированной или профессиональной идентичности, снимающие видео о своей повседневности, позиционируют себя максимально естественно и обрастают знаками искренности, что подходит под критерии «новой искренности». Но само по себе название «новая искренность» не говорит о трансформации чувствительности людей. Она не является качественно новой: с позиций платоновской модели идеи вечны, и у человека не возникает новых чувств, обновленной свободы, обновленного равенства. Слово «новый» в капиталистической системе становится частью маркетинга, который способен количественно оценивать даже качественные явления. Так новые состояния и переживания овеществляются: ведь идея перестает отличаться от вещи в данной потребительской разметке. «Новая искренность» становится очередным товаром в обществе спектакля, более изощренным, так как *ars totum requirit hominem*²⁷⁸. Субъекты (зрители) общества спектакля устали от откровенных манипуляций звезд шоу-бизнеса, их нарочитой эпатажности и коммерциализации

²⁷⁷ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкин. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. С. 59

²⁷⁸ Искусство требует всего человека (лат.)

творчества. Требуется новый вид шоу, построенный на знаках искренности – дилетантизме, инфантильности, телесной раскрепощенности и эмоциональности, психической несдержанности.

Важным представляется следующее обстоятельство – притягательность образа, транслирующего идеи «новой искренности», делает публичного человека медиатором, т.е. образцом для подражания, тем самым фанаты этого образа стараются воплотить самостоятельно такой образ жизни, но, при отсутствии капитала, финансовой обеспеченности, это не представляется возможным.

В рамках новой искренности главной ценностью становятся естественность и непрофессионализм, которые транслирует современное поколение медиаперсон. С помощью киномонтажа создается иллюзия максимально полной демонстрации настоящей жизни звезд группы BTS. Эффект Кулешова помогает скрыть важные аспекты личной жизни, в частности, сексуальной, как если бы их ни существовало. Можно заключить, что поклонников волнует искренность, но не истина: они не хотят узнать полную правду о своих кумирах. Новая искренность – это социальная реакция на товарно-денежные отношения людей в обществе потребления, но она сама стала успешным товаром, запустив новый виток отчуждения в обществе спектакля.

В свете того, что агенты капитализма преподносят его законы как естественные, имитируя таким образом реальное, то «новая искренность», как продукт этого процесса, является симулякром, аналогично тому, как фигурка Микки Мауса является симулякром, а функционирование Диснейленда симуляцией²⁷⁹. Учитывая, что платой за функционирование общества потребления является порождаемое им чувство всеобщей неуверенности²⁸⁰, новая искренность, в свете отсутствия точных подтверждений искренности конкретного медийного лица, также порождает неуверенность.

²⁷⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 6

²⁸⁰ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика; Культурная революция, 2006. С. 63

Принимая во внимание, что в обществе потребления все является услугой²⁸¹, проект новой искренности также рекуперруется. Более того, характеристикой новой искренности выступает интенсификация потребления, которая порождается работой следующего механизма. Исходя из необходимости включения в процесс потребления всех субъектов современного общества, *homo tardus* является оппозиционным модусом в сложившейся капиталистической системе, поэтому агентами общества потребления был создан механизм иллюзорного способа решения проблемы отчуждения, смысл которого заключается в том, что медиаперсона демонстрирует образ жизни, основанный на идее новой искренности, который позволяет ей получать финансовую выгоду, демонстрируя «аутентичный» образ жизни. Но, исходя из нашего анализа, такой способ жизни является лишь эффектом, знаком, симулякром, потому что сам он включен в интенсивный процесс потребления.

«Новая искренность» выступает концепцией, отсылающей к псевдоидеологии. Индивиды, разделяющие ее ценности, выглядят как трансляторы некоторой идеологии, но она не выдерживает никакой критики, т.к. любая идеология предполагает онтологию. «Новая искренность» таким образом выглядит как техника, избавляющая от отчуждения, но так как это словосочетание не имеет четко выверенного значения, то именно в этом смысле мы можем говорить о нем как о симулякре. В то же время, рассматривая новую искренность как социальный феномен постмодерна, можно выявить ряд маркеров, включенных в комплекс знаков, которые свидетельствуют о глубокой укорененности отчуждения в постмодерне.

Заклучим. Борьба с отчуждением реализуется в форме отказа от идеи ценности умножения средств ради умножения капитала. В этой связи появился модус, антонимичный *homo economicus* – *homo tardus*, который характеризуется процессом замедления участия в экономических отношениях, что выразилось в виде мирного протеста против капиталистической системы. Реакцией капиталистической системы на появление *homo tardus* стало создание симуляции, которая продуцирует и

²⁸¹ Там же. с. 86

конструирует публичные образы, включающие в себя рекуперированные маркеры борьбы с отчуждением посредством демонстрации знаков искренности. Генеральным способом осуществления влияния таких образов публичных личностей стал прием отождествления конструкта публичного образа артиста и его внутренних личностных качеств, раскрываемых в репрезентации кажущейся «естественности» и непрофессионализма. Новая искренность в таком случае становится социальной реакцией на отчуждение от включенности в товарно-денежные отношения людей в обществе потребления, но, в то же время, является успешным товаром, запускающим новый виток отчуждения в обществе спектакля. Следовательно, «новая искренность» выглядит как техника, избавляющая от отчуждения, но в действительности является лишь симулякром в силу симулятивности функционирования капитализма, создавшего феномен новой искренности. В то же время сам феномен «новой искренности» является маркером, включенным в комплекс знаков, свидетельствующих о глубокой укорененности отчуждения в постмодерне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно трансформации социальной реальности сквозь призму критики социальных теорий философов постмодерна.

Исследование социальной реальности прошло путь в философии от античности до настоящего времени; если античность оперировала наиболее общими понятиями и осмысляла бытие как таковое, где ретроспективно социальная реальность попадала в объективную сферу исследований, то на данный момент исследования сконцентрированы на интерсубъективных и субъективных сферах. Часть реальности, которая рассматривается философами, минимизируется, что хорошо видно на примерах концентрации современной философской оптики на микро-социальном уровне.

Социальную реальность стоит рассматривать, с одной стороны, как результат интерсубъективного социального опыта людей или как итог интеракций субъектов в широком значении, а с другой стороны, как сумму действительного опыта человека, находящегося в историческом и культурном контексте со сформировавшейся под их воздействием картиной мира, в узком значении.

Данная предметная разномасштабность концептуальных схем в оптике символического интеракционизма определяет схему цикличной структуры взаимодействия социальных субъектов, которые посредством социальных практик в определенной социокультурной ситуации образуют тенденцию, содержащую интенцию к институционализации, создавая систему интеркоммуникации и превращаясь из тренда в институализированную структуру, что в свою очередь позволяет совершить виток направленного цикла трансформации социальной реальности. В этом смысле, перспективны исследования современных противоречивых социальных практик. Скажем, современный экоактивизм предполагает борьбу за уменьшение производства, т.к. оно негативно влияет на природу, но, если их идеи будут приняты и реализованы в масштабе государства, то производство придется увеличить, чтобы не вредить природе.

Движущей силой процесса трансформации выступает ряд кризисов, обусловленных как социополитическими изменениями, так и спецификой движения социальной реальности, выраженной в возрастающих темпах ее динамизма, ввиду экспоненциального роста уровня научно-технического прогресса, давшего возможность к ускорению и умножению количества коммуникативных ситуаций, порождающих, в свою очередь, еще большее разнообразие языковых игр, воздействующих на социальную реальность. Данная ситуация приводит социального субъекта и общество к состоянию невозможности понять характер изменяющегося мира, что с необходимостью приводит общество к состоянию неопределенности, что выражается в попытках фиксации частей социальной реальности во множестве новых социальных движений, политических партий, субкультур и прочих объединений, стремящихся отразить состояние социальной реальности. Такой взгляд позволяет проанализировать социальную реальность как полицентрическую структуру, например, рассмотреть варианты идентичности в современном социуме.

Данная тенденция поиска инструментов фиксации идентичности субъекта свидетельствует об отсутствии ясного понимания процессов, происходящих в социальной реальности, в силу чего и возникает потребность в присоединении к какой-либо группе со своей объяснительной моделью.

Критика социальных теорий философов постмодернизма позволяет прийти к следующей концептуальной схеме процесса трансформации социальной реальности: дефицит – кризис – отчуждение – адаптация. Такая схема позволяет проанализировать любое социальное явление в период неопределенности в обществе, поставив задачу определить присутствие компонентов данной схемы в выбранном феномене. Скажем, проект мультикультуральности негативно сказывается на коренных жителях Европы, например, движение BLM в Британии (которое появилось как поддержка генерального движения в США) приносило материальные потери у коренных жителей во время акций протестов. Через указанную концептуальную схему можно прийти к выводу, что дефицит смыслов, связанный с деидеологизацией, приводит к кризису идентичности коренного

населения, когда эмигранты, включенные в идеологию, осуществляют социальные действия, мешающие интересам коренного населения, но последние не могут ничего противопоставить этим действиям, потому что не имеют идеологических оснований для этого. Тем самым коренное население отчуждается от законотворческой практики, потому что любой закон выстраивается на идеологии, имеющей онтологические основания. Но, в свете естественной необходимости продолжения жизнедеятельности, коренное население ищет способы адаптации к сложившейся ситуации.

Наиболее важной представляется идея, что постмодернистская мысль выступает как педагогический проект, позволяющий минимизировать потери при адаптации в неустойчивой социальной реальности за счет использования игрового режима, а, следовательно, принятию любых условностей. Реакцией субъектов социальной реальности на указанные процессы стало появление феноменов «новой этики» и «новой искренности», которые вывели аутентичность в статус основополагающей ценности. В сложившейся ситуации модус искренности включает в себя демонстрацию интенсивных эмоций, которые являются аффектами, оцениваемыми в положительном ключе. Такой философский анализ сложившейся ситуации предлагает богатую почву для исследований в сфере доказательной психологии, т.к. изменение отношения к эмоциям и аффектам предполагает пересмотр ситуации в данной отрасли науки, предметом которой они и являются.

Раскрытие основных факторов и тенденций изменения социальной реальности в контексте теории постмодернизма, что соответствует поставленной в начале исследования цели, открывает возможности для дальнейших исследований в области социальной и политической философии относящихся к разработке концепций, объясняющих процесс трансформации социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Collins J. Film Theory Goes to the Movies / J. Collins, H. Radner, A. P. Collins. New York, London : Routledge, 1993, 320 p.
2. Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration / A. Giddens. – Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1984 – Social Science – 402 p.
3. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik / J. Habermas. – Berlin : Suhrkamp, 2022. – 108 s.
4. John Duns Scotus Contingency and Freedom (Lectura I 39) / John Duns Scotus ; translation A. Vos Jaczn, H. Veldhuis, A. H. Looman-Graaskamp and others. – Dordrecht, Boston, London : Kluwer Academic Publishers, 1994. – 205 p.
5. Saito T. Hikikomori: Adolescence Without End / T. Saito. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2013. – 216 p.
6. Schmidt A. Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx / A. Schmidt. – Frankfurt a. M. : Europäische Verlagsanstalt, 1962. – 182 s.
7. Schutz A. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action / A. Schutz; In: Natanson, M. (eds) Collected Papers I. Phaenomenologica, vol 11. Springer, Dordrecht. – 364 p.
8. Trilling L. Sincerity and Authenticity / L. Trilling. – Cambridge, MA : Harvard UP, 1971. 188 p.
9. Августин Аврелий Антипелагианские сочинения позднего периода / Блаженный Августин ; пер. с лат. Д. В. Смирнов. – М. : АС-ТРАСТ, 2008. – 478 с. («О благодати и свободном решении» 149-206 стр.)
10. Агамбен Дж. Грядущее сообщество / Дж. Агамбен ; пер. с ит. Дм. Новикова. – М. : Три квадрата, 2008. – 144 с.
11. Азаренко С. А. Социальная топология в современном обществознании / С. А. Азаренко. // Социальная философия и опыт современного обществознания: к 40-летию философского факультета. – Екатеринбург, 2005. – С. 55–72.

12. Альтюссер Луи За Маркса / Луи Альтюссер ; пер. с фр. А. В. Денежкина. – М. : Праксис, 2006. – 390 с.
13. Аристотель Политика / Аристотель; Перевод с древнегреч. С. Жебелева. – М. : «Мысль», 1983. Т. 4. – С. 376–644.
14. Аристотель. Евдемова этика / Аристотель; перевод с древнегреч. Т.В.Васильевой, Т.А.Миллер, М.А.Солоповой. – М. : ИФ РАН, 2005. – 448 с.
15. Аристотель. Метафизика / Аристотель; пер. с древнегреч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
16. Ахметзянова М. П. Анализ феномена отчуждения в творчестве К. Маркса / М. П. Ахметзянова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. № – 5 (415). – с. 62–65
17. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: / Р. Барт; пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
18. Батлер Дж. Антология гендерных исследований / Дж. Батлер; пер. с англ. И. Караичева, О. Рябков, В. Семенова и др. – Минск: Пропилеи, 2000. – 384 с.
19. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / Дж. Батлер; пер. с англ. З. Баблюяна. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. – 168 с.
20. Бауман З. Мыслить социологически / З. Бауман; пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. – М. : Аспект-пресс, 1996. – 126 с.
21. Бауман З. Текущая современность / Зигмунт Бауман ; пер. с англ. С. А. Комаров. – М. : Питер, 2008. – 238 с.
22. Бентам Иеремия Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бента ; пер. с англ. – М. : Росспэн, 1998. – 415 с.
23. Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 176 с.
24. Блумер Г. Общество как символическая интеракция / Г. Блумер; пер. с англ. // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 173 с.
25. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Н. В. Сулова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та., 2000. – 96 с.

26. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кралечкин. – М. : Академический Проект, 2007. – 335с.
27. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е. А. Самарской. – М. : Издательство АСТ, 2020. – 320 с.
28. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М. : Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
29. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкин. – М. : «Добросвет», 2000. – 387 с.
30. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
31. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкин. – М. : Рудомино, 2001. – 220 с.
32. Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Гараджи. – М. : Ad Marginem, 2000. – 319 с.
33. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. В. Качалов. – М. : Рипол-Классик, 2019. – 348 с.
34. Бодрийяр Жан Поэтика и политика. Генезис и структура бюрократического поля. Реквием по масс-медиа : Генезис и структура бюрократического поля / Жан Бодрийяр, Пьер Бурдьё, Филипп Лаку-Лабарт ; перевод с французского. – СПб : Алетейя, 2019. – 349 с.
35. Бурдьё П, Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / П. Бурдьё, Ж.-К. Пассрон; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Просвещение, 2007. – 257 с.
36. Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб.: Издательство «Алетейя», 2001. – 562 с.
37. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё; пер. с фр. О. И. Кирчик. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 680 с.
38. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё; пер. с фр. В. И. Иванова. // – М. : THESIS, 1993, вып. 2. 137–150 с.

39. Валько Д. В., Соломко Д. В. Экологичность как междисциплинарный термин / Д. В. Валько, Д. В. // Управление в современных системах. – 2020. – №2 (26). – с. 14–22.
40. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер; пер. с нем. М. И. Левиной. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
41. Вебер Макс Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер ; перевод с немецкого М. Левиной. – М. : АСТ, 2023. – 316 с.
42. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
43. Галкина-Федорук Е. М. О форме и содержании в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Мышление и язык. Госполитиздат. – 1957. – С. 352-407.
44. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Г. Шпета. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
45. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. – Москва : Мир кн. : Лит., 2009. – 462 с.
46. Гоббс Томас Левиафан / Томас Гоббс ; пер. с англ. А. Гутермана. – М. : Эксмо, 2023. – 700 с.
47. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс ; пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике: XVI. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217–237.
48. Губин В. Д. Основы философии: Учеб. пособие. – 2-е изд. / В.Д. Губин – М. : ФОРУМ: ИНФРА-М, 2008. – 288 с.
49. Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. – 2021. – № 58. – С. 91–106.
50. Давлетгаряева, Р. Г. О предмете философии / Р. Г. Давлетгаряева, Р. М. Хабибуллин, А. Р. Хамитов. // Молодой ученый. – 2016. – № 30 (134). – С. 431–433.
51. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. – М. : Логос, 1999. – 224 с.

52. Делез Ж. Логика смысла. / Ж. Делез; пер. с фр. Я. И. Свирского. – М. : Академический проект, 1998. – 480 с.
53. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки / Жиль Делез; пер. с фр. Е. Г. Соколов. – СПб. : Алетейя, 1999. – 190 с.
54. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез; пер. с фр. Н. Б. Маньковского. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
55. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. – М. : Астрель, 2010. - 895 с.
56. Делез Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екб: У-Фактория, 2007. – 672 с.
57. Деррида Ж. О грамматиологии / Жак Деррида; пер. с фр. и вступ. ст. Наталии Автономовой. – М. : Ad Marginem, 2000. – 511 с.
58. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон; пер. с англ. Д. Кралечкин. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 816 с.
59. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский; пер. с греч. М. Л. Гаспарова. – М. : Мысль, 1998. – 576 с.
60. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / Э. Дюркгейм; пер. с фр. и послесловие Л. Б. Гофмана. – М. : Наука, 1990. – 575 с.
61. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с.
62. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек; пер. с англ. Артема Смирного. – М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
63. Жирар Р. Козел отпущения / Р. Жирар; пер. с фр. Григория Дашевского. – СПб. : ИД Ивана Лимбаха, 2023. – 336 с.
64. Залунин В. И., Немнонов А. С. Социально-культурный проект постмодерна / В. И. Залунин, А. С Немнонов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – №11 (101), ч.2. – с. 161–167.
65. Звездина А. А., Корнилова Г. И., Ланцова И. В. Мир как интерпретация / А. А. Звездина, Г. И. Корнилова, И. В. Ланцова // ВЕСТНИК ИрГТУ. – 2011. – №1 (48). – С. 276

66. Иванов В.И. собр. соч. в 4 т. / В.И. Иванов. – Брюссель : Fouer oriental chretien, 1979. – Т. 3. – 913 с.
67. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 256 с.
68. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века / сост. Е. А. Найман. – Томск: Издательство «Водолей», 1998. – 320 с.
69. История философии: Запад-Россия-Восток: Учеб. Для студентов вузов / под ред. Н. В. Мотрошиловой и А. М. Руткевича. – М. : «Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина», 1999. Кн. 4: Философия XX в. – 446 с.
70. Касавин И. Т. Наука как общественное благо / И. Т. Касавин // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – №60. – с. 217–227.
71. Касавин И.Т. Междисциплинарность в науках и философии / И.Т. Касавин. – М. : ИФРАН, 2010. – 205 с.
72. Коваленко Е. Н. «Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрёшь с голоду, платят риском помереть со скуки» / Е. Н. Коваленко // Дискурсология: методология, теория, практика. – 2008. – Челябинск : - Т. 2. - С. 319–323.
73. Колпинец Е. В. Значение аффективного труда в культуре интернет-селебрити / Е. В. Колпинец // Мониторинг. – 2021. – №5. – С. 118–136.
74. Конт О. Курс положительной философии в Т. 1 / О. Конт; пер. с фр. С. Е. Савича. – СПб. : «Посредникъ», 1900. – 290 с.
75. Крайнов А. Л. Феномен отчуждения как атрибут глобализации: социокультурный аспект / А. Л. Крайнов // Известия Саратовского университета. – 2008. – Т.8. – с. 31–36
76. Кристева Ю. Силы ужаса: Эссе об отвращении / Ю. Кристева. – СПб. : Алетейя; Харьков : Ф-пресс, 2003. – 246 с.
77. Кузнецова О. Н. Проблема отчуждения в «Зеркале» искусства / О. Н. Кузнецова // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 4 (16). – с. 60–63

78. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрылась нам в психоаналитическом опыте / Ж. Лакан ; пер. с фр. // Семинары. Книга 2. – М. : Гнозис, 2009. – С. 508–516.
79. Лаку-Лабарт Филипп *Musica ficta* (Фигуры Вагнера) / Филипп Лаку-Лабарт ; пер. с фр. В. Е. Лапицкого. – СПб. : Аксиома, Азбука, 1999. – 224 с.
80. Лебедева Е. В. Потребление символов и символическая мобильность / Е. В. Лебедева // Актуальные социологические исследования. – 2013. – № 7. – с. 63–67
81. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс; пер. с фр. В. В. Иванова. – М. : «Наука», 1985. – 399 с.
82. Леонтьев Л. А. О работе К. Маркса К критике политической экономии / Л. А. Леонтьев. – М. : Госполитиздат, 1959. – 135 с.
83. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
84. Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. 1 / Дж. Локк; пер. с англ. А. Н. Савина. – М. : Мысль, 1985. – 621 с.
85. Локк Дж. собрание соч в 3-х т.: Т. 3 / Дж. Локк; пер. с англ. и лат. Ю.М. Давидсон, Е.С. Лагутинова и пр. – М. : Мысль, 1988. – 672 с.
86. Локк Джон Два трактата о правлении / Джон Локк ; пер. с англ. Е. С. Лагутина и Ю. В. Семенова. – М. ; Челябинск : Социум, 2014. – 480 с.
87. Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский - историк античной философии / А. Ф. Лосев. – М. : Наука, 1981. – 190 с.
88. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев; Худож.-офор. Б.Ф. Бублик. – Харьков: Фолио; М. : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 960 с.
89. Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти / А. И. Макаров. – Волгоград : изд-во ВолГУ, 2009. – 216 с.
90. Макаров А. И. Энергия «проклятой стороны вещей / А. И. Макаров // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 89–94.

91. Макаров В. В. Онтологическая природа социальной реальности / В. В. Макаров // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2004. – № 7. – С. 5–12.
92. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
93. Мамардашвили М. Беседы о мышлении / М. Мамардашвили. – СПб. : Азбука, 2019. – 576 с.
94. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала / Маркс Карл; предисловие Ф. Энгельса; перевод И. И. Степанова-Скворцова. – М. : Политиздат, 1969. – 908 с.
95. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, – 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
96. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений : перевод с нем. / К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные произведения: В 3 т. – М. : 1979, Т. 1. – 327 с.
97. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе; пер. с фр. А. Юдина. – М. : «REFL-book», 1994 – 368 с.
98. Милль Джон Стюарт Основания политической экономии Д.С. Милля : Основания политической экономии Джона Стюарта Милля / Джон Стюарт Милль ; пер. с англ. Н.Г. Чернышевского. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 664 с.
99. Монтескье Ш. О духе законов : Шарль Луи Монтескье ; перевод с французского Аркадия Горнфельда. – СПб. : Азбука, 2023. – 825 с.
100. Мор Томас Утопия Золотая книжечка столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия / Томас Мор ; перевод с лат. А. Малейна. – М. : Э, 2018. – 153 с.
101. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Ж.-Л. Нанси ; пер. с фр. В. В. Фурс. – Минск : Логвинов, 2004. – 272 с.

102. Нестерова О.Е. Историко-философские предпосылки учения Августина о соотношении времени и вечности / О.Е. Нестерова // Августин: pro et contra – СПб. : РХГИ, 2002. – 976 с.
103. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М. : Мысль, 2000–2001. – 744 с.
104. Новейший философский словарь: 3-е изд. / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – Мн. : Книжный Дом, 2003. – 1279 с.
105. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика / Э. Нойманн; пер. с англ. Ю. Донца. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 256 с.
106. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет; Пер. с исп. сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Издательство «Весь Мир», 1997. – 704 с.
107. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. А. М. Гелескул. – М. : ООО издательство «АСТ», 2002. – 509 с.
108. Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто; пер. с нем. А. М. Руткевич. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 272 с.
109. Пахарь Л. И. Политические аспекты современного состояния социальной реальности / Л. И. Пахарь // Трансформация политической культуры: состояния и перспективы. Орел. – 2010. – с. 109–118.
110. Пигалев А. И. Игры экономического человека и конкурентная среда человека / А. И. Пигалев // Вопросы философии. 2015. - № 6. – с. 189–200.
111. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Платон; под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006. – 632 с.
112. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 626 с.

113. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с.
114. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье / Дж. Реале, Д. Антисери; в пер. и под ред. С. А. Мальцевой. – СПб.: «Издательство Пневма», 2003. – 688 с.
115. Риддингс Б. Университет в руинах / Б. Риддингс; пер. с англ. А. М. Корбута. – М. : Изд. Дом Гос. Ун-т - Высшая школа экономики, 2010. – 304 с.
116. Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение / М. Розенберг; пер. с англ. – М. : София, 2009. – 272 с.
117. Руссо Жан Жак Об общественном договоре / Жан-Жак Руссо ; пер. с фр. С. Н. Южакова. – М. : Игломосс Эдишинз, 2012. – 383 с.
118. Савельева К. В. Развитие культурных индустрий в современном общества / К. В. Савельева // Манускрипт. – 2016. – № 12 (74). – с 154–157.
119. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер. с англ. П. Н. Ключкин. – М. : Эксмо, 2016. – 1056 с.
120. Смит Адам Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит ; перевод с английского. – СПб : Азбука, 2019 – 540 с.
121. Соколов А. Г. Природа экранного творчества. Психологические закономерности / А. Г. Соколов. – М. : ЧеРо, 1997. – 272 с.
122. Спенсер Г. Основания социологии / Г. Спенсер ; перевод с английского. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом "Либроком", 2013. – 432 с.
123. Спенсер Г. Социология как предмет изучения: пер. с англ. / Г. Спенсер. – СПб. : Тип. А. Якобсона, 1896. – 405 с.
124. Тарасов А. Н. Аналитика культуры авангарда как социокультурной трансформации в континууме европейской культуры: философский аспект / А. Н. Тарасов // Аналитика культурологии. – 2013. – № 25. – С. 9–14.
125. Тексты по истории социологии XIX–XX вв. Хрестоматия / Сост. и отв. ред. Т 30 д.ф.н. В.И. Добренев, к.ф.н. Л.П. Беленкова. – М. : Наука, 1994. – 383 с.

126. Торопова А. А. Философия телесности / А. А. Торопова. – М. : Канон+, 2024. – 256 с.
127. Трофимов Я. И. Брендинг и идентификация настоящего и будущего / Я. И. Трофимов. – Одесса : Пласке, 2009. – 96 с.
128. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке / Д. Узланер – М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. – 416 с.
129. Уильям Оккам: Избранное / Уильям Оккам ; пер. с лат. А. В. Апполонова и М. А. Гарнцева под общ. ред. А. В. Апполонова. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
130. Федорова М. М. Классическая политическая философия / М. М. Федорова. – М. : Изд-во «Весь мир», 2001. – 224 с.
131. Философский словарь / под. ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. – 719 с.
132. Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. / И. Г. Фихте; сост. и примечания В. Волжский. – СПб.: Мифрил, 1993, – 798 с.
133. Фома Аквинский Сумма Теологии. В 4-х ч.: Ч. I / Фома Аквинский ; пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. – М. : Ника-Центр, 2002. – 559 с.
134. Фома Аквинский Сумма Теологии. В 4-х ч.: Ч. II-I / Фома Аквинский ; пер. с лат. С. И. Еремеева. – Киев : Ника-Центр, 2010. – 432 с.
135. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; пер. с нем. А. В. Александрова. – М. : АСТ, 2022. – 288 с.
136. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко: пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
137. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; пер. с франц. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
138. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В.П. Визгина, Н. С. Автономовой. Вступительная статья Н. С. Автономовой. – СПб.: А-сad, 1994. – 407 с.
139. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; пер. с фр. И. К. Стаф. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.

140. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас; пер. с нем. Ю. С. Медведева, под ред. Д. В. Складнева. – СПб. : Наука. 2001. – 417 с.
141. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. С. В. Шачина, под ред. Д. В. Складнева. Послесл. Б. В. Марков – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.
142. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? Часть 1 / Ю. Хабермас // Российская философская газета. – 2008. – №4 (18). Апрель. – С. 39–76.
143. Хабермас Ю. Спектр критикуемых выражений / Ю. Хабермас; пер. с нем. А. Б. Рахманова // Вопросы социальной теории. – 2008. – Том II. Вып. 1(2). – С. 296–304.
144. Хабермас Юрген Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас; пер. с нем. Л. В. Воропай. – М. : Праксис, 2010. – 264 с.
145. Холодкова Н. А. Основные подходы к изучению социальных изменений / Н. А. Холодкова // Социологический журнал. – 2002. – №1. – с. 5–40.
146. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен / Дж. Хоманс // Современная зарубежная социальная психология. М. : Издательство Московского университета, 1984. – С. 82–91.
147. Хоркхаймер М., Адорно В. Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, В. Адорно; пер. с нем. М. Кузнецова. – М. : Медиум, 1997. 312 с. 146.
148. Шетулова Е. Д. Отчуждение в глобальном мире: тенденция развития / Е. Д. Шетулова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2013. – №3 (27). – с. 31–42
149. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Фридрих Шлейермахер; пер. с нем. А. Л. Вольского. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.
150. Шульц Э. Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики / Э. Э. Шульц // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – № 6. – с. 23–30
151. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Альфред Шюц; пер. с нем. и англ.: В. Г. Николаев и др. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1054 с.

152. Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках / А. Шюц
// Американская социологическая мысль. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
153. Эйзенштейн С. Избранные произведения. Т.2. / С. Эйзенштейн. – М. :
Искусство, 1964. – 539 с.